Адиб Халид

СТАНОВЛЕНИЕ УЗБЕКИСТАНА

Адиб Халид. Становление Узбекистана. Таджики как остаточная категория // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2016. С. 75 – 108, 155 – 180.

Настоящая публикация является выборкой из научного сборника «Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии» / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин (ISBN 978-3-659-95130-5)

На обложке изображена монета Саййид Алимхана, Бухара, 1337/1918-19 г., 10 танга, латунь.

© Ш.С.Камолиддин, 2016.
© LAP Lambert Academic Publishing, 2016.

Шамсиддин Камолиддин (ред.)

Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии

Древность. Средние века. Новое время.

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / **Imprint** / **Выходные данные**

Bibliografische information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über http://dnb.d-nb.de abrufbar.
Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу http://dnb.d-nb.de.
Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имен, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не являются основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено:
www.ingimage.com

Verlag / Издатель:
LAP LAMBERT Academic Publishing
Ist ein Imprint der / является торговой маркой
Omniscriptum GmbH & Co. KG
Bahnhofstraße 28, 66111 Saarbrücken, Deutschland / Германия
Email / Электронная почта: info@omniscriptum.com

Herstellung: siehe letzte Seite /
Напечатано: см. последнюю страницу
ISBN: 978-3-659-95130-5

Copyright ©
Copyright © 2016 Omniscriptum GmbH & Co. KG
Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является 1-м выпуском из серии «Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии».

Сборник состоит из 5 частей.

Вторая часть сборника «Исследования по этногенезу и этнической истории тюркоязычных народов Средней Азии» включает 8 статей. Статья А.Халида «Становление Узбекистана» (IX) является переводом 8-й главы «The Making of Uzbekistan» его книги «Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR» («Становление Узбекистана: нация, империя и революция в ранний период СССР»), опубликованной в 2015 г. в изд-ве Cornell University Press в США.

Третья часть сборника «Исследования по этногенезу и этнической истории ираноязычных народов Средней Азии» включает 4 статьи. Статья А.Халида «Таджики как остаточная категория» (XVI) является переводом 9-й главы «Tajik as a Residual Category» этой же книги.

Пятая часть сборника «Новые книги» содержит информацию о 3-х книгах, касающихся вопросов этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Вторая информация (XX) по сути является аннотированным переводом книги А.Халида «Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR».

Перевод осуществлен редактором сборника и согласован с автором.

В Приложении приводятся два комментария ответственного редактора и переводчика к статьям А.Халида «Становление Узбекистана» и «Таджики как остаточная категория».

Ш.С.Камолиддин

IX

СТАНОВЛЕНИЕ УЗБЕКИСТАНА[1]

Адиб Халид

Народ был центральной страстью интеллигенции в годы после 1917 г. Пределы нации, однако, как это представлялось *джадидам*, в эти годы были существенно сдвинуты. Большинство действующих лиц в политике 1917 г. воевали во имя «мусульман Туркестана», и в последующие годы Туркестан оставался выражением чаяний большинства действующих лиц, как внутри, так и вне партии. Но слово Туркестан среди них имело множество пониманий. Казахские и узбекские активисты смотрели на вещи совсем по-разному. Для первых идея Туркестана имела все меньше и меньше веса, поскольку они стремились к объединению с казахами бывшего Степного края, в то время как для последних Туркестан был сосредоточен вокруг оседлого населения Трансоксианы. Празднование *джадидами* тюрко-исламской традиции государственности Средней Азии, лучше всего воплощенной Темуром, было мало привлекательным для казахской интеллигенции. Небольшая туркменская интеллигенция также не имела отношения к рассуждениям о чагатаизме, которые в эти годы вели *джадиды*. Чагатаистский проект *джадидов*, который был далеким от пантюркизма, фактически утверждал границы между различными тюркскими группами в Средней Азии.

Различие между оседлым и кочевым населением, которое во многом было определяющим социальное воображение региона еще с доколониальных времен, теперь вновь заявило о себе на языке национальностей. В 1924 г. распространение на Среднюю Азию ключевого принципа советской национальной политики, согласно которому национальные и административные границы должны совпадать, территориализировали это различие. Представившие возможность создания территориального образова-

[1] Комментарий редактора к этой статье см. в Приложении.

ния для нации, узбекские элиты с живостью ухватились за нее и создали территориальное пространство для оседлого мусульманского населения Средней Азии, которое они представляли как узбеков. Таким образом, Узбекистан, возникший в результате национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г., был не искусственным продуктом советских махинаций, а торжеством национального проекта коренного населения. В этой главе прослеживается маловероятный успех чагатаистского проекта в советских условиях.

Представление об узбекстве

В июне 1916 г., в сер. 1-й мировой войны, в Лозанне была созвана 3-я Конференция национальностей, чтобы обсудить вопросы самоопределения национальных групп в империях Европы. В последний день некий Мукимуддин Бекжон, студент из Бухары в Стамбуле, выступил от имени чагатайской нации, которая проживала в «ханствах Бухары и Хивы и провинции Туркестан». Его требования заключались в возвращении Бухаре территории, аннексированной Россией во время ее завоевания Трансоксианы в XIX в.[2] Кроме этого использования, термин *чагатай* редко применяется для обозначения нации. Скорее всего, слово *чагатай* представляло культурное наследие, на которое претендовала нация, все чаще и настойчивее называвшаяся *узбек* (*o'zbek*). Исторически термином *o'zbek* называли кочевую конфедерацию, которая вытеснила Темуридов из Трансоксианы

[2] *Compte rendu de la IIIme Conférence des nationalités réunie à Lausanne 27–29 juin 1916* (Lausanne, 1917), 198–199; см. также A.Z.V.Togan, *Bugünkü Türkili* (*Türkistan*) *ve Yakın Tarihi*, 2nd ed. (Istanbul, 1981), 477–478. Конференция проходила в Union des Nationalités, организации, которая способствовала делу национального и политического самоопределения национальностей в Европе. Во время войны она приобрела все более прогерманскую перспективу и конференция в Лозанне была в первую очередь направлена против России. См. Artūras Svarauskas, "Union des Nationalités", in *1914–1918-Online: International Encyclopedia of the First World War*, ed. Ute Daniel et al. (Berlin, 2014); doi 10.15463/ie1418.10262.

в нач. XVI в. и установила государственный порядок, преобладавший в Средней Азии до российского завоевания. Ко времени революции, однако, элиты Средней Азии начали использовать слово «узбек» для обозначения всего не кочевого мусульманского населения региона, его языка и его культуры. Чагатаистский проект привел к узбекству.

Чагатаизм был основан на утверждении, что Средняя Азия была колыбелью тюркских народов, что все население региона было тюркское, и что достижение прогресса возможно лишь рекультивацией этой национальной подлинности. Узбекство определялось в этом более широком тюркстве. Обращение к тюркизму среди прочего было восстанием против персоязычной традиции, формой деперсизации идентичности. По мнению чагатаистов, выходцы из Средней Азии, говорившие по-персидски, делали это под культурным влиянием морально коррумпированных дворцов правителей. Фитрат, главный теоретик чагатаизма, убедился в этой точке зрения во время своего пребывания в Стамбуле[3]. Таким образом, в то время, как до 1916 г. он публиковался исключительно на персидском языке, даже в то время как жил в Стамбуле, в 1917 г. он перешел на тюркский и в течение следующего десятилетия писал исключительно на узбекском языке. За это время он также неустанно работал, чтобы модернизировать язык и создать для него новый словарь и орфографию. Первой публикацией Фитрата на узбекском языке был букварь для начальных школ, в котором полностью отсутство-

[3] Сохиб Табаров, *Мунзим* (Душанбе, 1991), 40. Это была довольно распространенная позиция в Османской империи в которой интенсивно набирали обороты пантюркистские настроения. В 1912 г. журнал *Türk Yurdu* утверждал, что население Бухары было тюркское (Türk oğlu Türk), и что господство персидского языка в нем было ненормальным. Ситуация, предсказывал он, «изменится в ближайшем будущем. Официальный язык и публикации [этого] тюркского государства, конечно, будут тюркскими, и персидский язык [также] будет использоваться в определенной степени, пропорционально их численности, только для немногих таджиков, которые иммигрировали из Ирана». См. Turan Gazetesi, *Türk Yurdu,* 2 (1912), 631.

вали арабо-персидские грамматические формы, и словарный запас был настолько гипертюркским, что Фитрат часто считал необходимым объяснять в сносках некоторые из неологизмов[4]. Как и в многих других национальных движениях во всем мире, лингвистическая чистота была важным мерилом подлинности[5].

Утверждение тюркства населения Средней Азии также означало отречение от других вариантов идентификации. Еще до революции *джадиды* возражали против использования термина *сарт,* использовавшегося в ряде случаев для обозначения оседлого мусульманского населения Туркестана. В повседневном русском и казахском использовании он нес дополнительное значение расовой примеси тюрок и персов, но для *джадидов* главное возражение состояло в том, что он не отражает «реальное» тюркство групп, относящихся к этой категории[6]. Критика

---

[4] Фитрат, *Оқу!* (Бухара, 1917).

[5] Чистка языка, конечно, обычное явление в национализмах XIX и XX вв. и едва ограничивается только мусульманским миром. Тюркизм в обеих (бывших) империях, Российской и Османской, был глубоко инвестирован в очищении тюркских языков. Для османского языка см. Agâh Sırri Levend, *Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Safhaları* (Ankara, 1949), и Geoffrey Lewis, *Turkish Language Reform: A Catastrophic Success* (Oxford, 1999). Для современного персидского языка см. Ahmad Karimi-Hakkak, "Language Reform Movement and its Language: the Case of Persian", in *The Politics of Language Purism*, ed. Björn H. Jernudd and Michael J. Shapiro (Berlin, 1989), 81–104; John Perry, "Language Reform in Turkey and Iran", *International Journal of Middle East Studies* 17 (1985): 295–311. В арабском языке движение реформы бросило вызов гегемонии классической традиции и привело к созданию современного стандартного арабского языка. Литература об этих процессах удивительно тонка, но см. Kees Versteegh, *The Arabic Language* (Edinburgh, 1997), chap. 11, и Dagmar Glas, "Creating a Modern Standard Language from Medieval Tradition: The Nahḍa and the Arabic Academies", in *The Semitic Languages: An International Handbook*, ed. Stefan Weninger (Berlin, 2011), 835–844.

[6] Для более детального изучения этого вопроса см. Adeeb Khalid, *The Politics of Muslim Cultu- ral Reform: Jadidism in Central Asia* (Berkeley, 1998), chap. 6.

была достаточно острой и политически уместной, что термин исчез из политического лексикона в 1917 г.[7]

После этого его использование вызвало резкую реакцию со стороны национальной интеллигенции. Когда в статье в казахской газете «Ак Жол» в 1922 г. этот термин был использован для обозначения населения Ташкента, Абдулла Кодири перешел в наступление. Этот термин, писал он, напоминает «времена Остроумов *тора*» и явно оскорбительный для «нас узбеков, [которые] боролись со всеми, кто, по какой-либо причине, прилагает к нам слово «сарт»[8]. Слово «сарт» было исключено из политической и этнографической лексики еще потому, что не было ни одной группы, утверждавшей, что это ее самоназвание. Некоторые говорили в защиту этого термина, но после 1917 г., кажется, какая-либо его пропаганда полностью отсутствовала. Отмена слова «сарт» как ярлыка была обусловлена страстями местной интеллигенции. Как и в многих национальных дискуссиях того периода, это был вопрос о том, какие ярлыки были признаны законными (и «научными»), а какие не были. По своей сути это было политическим вопросом. Национальные движения должны не только утверждать границы своего народа, но и иметь их признанными в качестве законных, теми, от имени

---

[7] В сельскохозяйственной переписи, проведенной в том году, переписчикам было разъяснено, что «особого народа сарт не существует, и что этот термин всюду должен быть заменен словом узбек». И.И.Зарубин, *Список народностей Туркестанского края* (Ленинград, 1925), 15–16.

[8] Жулқунбой, «Сарт оға-иниларга», *Қизил байроқ,* 03.06.1922; Жубой, «Ҳақиқат – очиб сўзлашдадир», *Қизил байроқ,* 16.06.1922; Также в А. Қодирий, *Диёри Бакр: Шеърлар, ҳикоялар, саҳна асарлари, ҳангома, фельетон ва мақолалар,* изд. Хондамир Қодирий (Тошкент, 2007), 101, 105. Назир Туракулов, затем и.о. редактора «Ак Жол», защищал использование термина *сарт* на основании его долгой истории и его продолжающегося использования: «Привычка сильнее, чем человек. Вполне естественно, что [использование] этого слова будет продолжаться и в самом Туркестане в течение длительного времени». Дарвеш [Назир Тўрақулов] «Ўзбек қариндошларимизнинг диққатларига», *Қизил байроқ,* 27.05.1922.

которых они говорят (предполагаемая нация), и теми, кто находится за их пределами. Как выразился Пьер Бурдье, «[Так же] как *созвездие…* начинает существовать только тогда, когда оно выбрано и обозначено как таковое, группа, класс, «пол», регион, или нация, начинает существовать как таковой для тех, кто является его частью, так же как и для других, только тогда, когда он отличается, по одному принципу или иначе, от других групп, т. е. с помощью познания и признания»[9]. Здесь термин «узбек» был признан, а «сарт» предан забвению.

Основным средством для чагатаизма был «Чигатой гурунги» («Чагатайский диалог»), культурная организация, созданная в конце 1918 г. Фитратом и некоторыми из его коллег с целью «собирания старых и новых тюркских трудов в Туркестане, сбора материалов для обновления тюркского языка и обогащения [его] словарного запаса и литературы»[10]. В течение следующих 2-х лет, организация провела многочисленные обсуждения литературы и языка и подняла вопрос о реформе орфографии. Организация праздновала тюркство и наследие степи. Ее участники писали под псевдонимами, такими как Боту, Уйгур, Чингиз и Темочин. Опубликованный ей букварь содержал следующий замечательный отрывок для чтения, предназначенный для детей, только начинающих обучаться читать:

Ўғуз туркларнинг ёловочидир (пайғамбар), Чингиз турк ларнинг хоқонидир, Темур туркларнинг ботиридир, Улуғбек туркларнинг билгучисидир.[11]

(Огуз является пророком тюрков, Чингиз – правителем тюрков, Темур – героем тюрков. Улугбек – ученым тюрков).

Эта откровенная гордость за тюркское наследие Средней Азии была без явной ссылки на ислам (на самом деле, возвышение Огуз-хана, принесшего ислам тюркам Средней Азии, в ранг пророка было слегка кощунственным), хотя ислам никогда

---

[9] Pierre Bourdieu, “Social Space and Symbolic Power”, in *In Other Words: Essays towards a Refle- xive Sociology*, trans. Matthew Adamson (Stanford, 1990), 138.

[10] «Чиғатой гурунги», *Иштирокиюн*, 04.02.1919.

[11] Чиғатой гурунги, Битим йўллари (имло) (Тошкент, 1919), 15.

не отрицался. Этническая гордость поддерживалась беспрецедентным интересом к тюркскому прошлому региона. Как в Туркестане, так и в Бухаре, 1920-е гг. были отмечены интенсивной поглощенностью в изучение прошлого и настоящего региона. Фитрат вернулся в Бухару впервые после того, как покинул ее в 1917 г., в декабре 1920 г. с «узбекской научной экспедицией», чтобы осмотреть рукописные собрания города[12]. Позже, в качестве министра в правительстве БНСР, он организовал Общество истории и археологии (Тарих ва Осор-и атиқа анжумани) и школу восточной музыки, которые имели целью изучение и регистрацию наследия страны[13]. Джадидские деятели путешествовали по сельской местности, собирая фольклор, записывая народную музыку и спетые *бахши* эпические произведения о Средней Азии. Научные журналы публиковали статьи по археологии и этнической истории Средней Азии, [выполняя] задачу, осуществлявшуяся впоследствии журналами, предназначенными учителям.

Принципиальной особенностью литературы этого периода было непреклонное стремление утверждать о тюркстве письменного языка с сознательной попыткой отвергнуть огромное хранилище арабских и персидских слов, употреблявшихся в узбекском языке. Новая поэзия этой эпохи была новой не только в своем предмете, но и в своей форме, так как новые жанры, новые измерения, и новые системы стихосложения по-новому обозначили узбекскую поэзию. Фитрат снова был здесь главным теоретиком, даже если Чулпон стал главным практиком этой поэзии. Чагатайский язык сам по себе, конечно же, был придворным языком, который определялся как своим обилием использования арабских и персидских заимствований, лояльностью к персидским литературным формам и согласованностям, так и своим тюркством. Для Фитрата дело было не утвердить архаический язык по всей Средней Азии (как позже его обвиня-

[12] «Бухорога юборилган ўзбек билим ҳай'атининг ишлаган ишлари», *Қизил байроқ,* 23.02. 1921.

[13] Elif Kale-Lostuvalı, "Varieties of Musical Nationalism in Soviet Uzbekistan", *Central Asian Survey* 26 (2007), 539–558.

ли критики), а модернизировать этот язык. Джадидский проект, как и большинство национализмов, видел проблему как диалектику между современностью и аутентичностью: нация должна быть более современной и в то же время более аутентичной. Современное должно быть построено на подлинно национальных корнях. Современный узбекский язык должен был извлекать свой новый словарный запас и правила грамматики из тюркских источников чагатайского языка, отвергая его персидско-арабские размеры. Помимо чистки словарного запаса, Фитрат также утверждал, что система стихосложения *аруз*, имевшая канонический статус в чагатайской поэзии с момента ее создания, не подходит для «нашего языка». *Аруз* является метрической системой, которая делает различие между длинными и короткими гласными, открытыми и закрытыми слогами. Она возникла в арабской поэзии, затем был заимствована в персидском языке и стала парадигмой для поэзии во всем тюрко-персидском мире. На рубеже XX в., модернистские поэты во всем мире уже начали высказывать опасения по поводу его продолжающегося господства. В то время, как в персидском языке критика была сосредоточена на жесткости форм, тюркистские поэты в Османской империи и за ее пределами утверждали, что сама система по своей сути непригодна для тюркских языков, в которых нет различия между длинными и краткими гласными. Критика вскоре приняла национальную окраску, и тюркистские поэты противопоставляли персидско-арабский *аруз* тюркским национальным слоговых измерениям[14]. Эта критика была на своем пике в годы, которые Фитрат провел в Стамбуле. В 1918 г. он привнес ее в Среднюю Азию. Для Фитрата *аруз* служил интересам «национальных» измерений арабов и персов, но его акцент на долготе гласного означал, что «даже самый гармоничный и игривый размер *аруза*» произвел неуклюжие результаты в тюркской поэзии, так что «сельский тюрк, который еще не разрушил гармонию своего собственного языка, услышав такой стих, конечно, будет

[14] Hasan Kolcu, *Türk Edebiyatında Hece-Aruz Tartışmaları* (Ankara, 1993); И.В.Стеблева, *Тюркская поэтика: этапы развития VIII – XX вв.* (Москва, 2012).

улыбаться тому, как в нем натянуты тюркские слова и сделаны безвкусными»[15]. Поэзия, утверждал Фитрат, должна быть написана силлабическим размером (*бармоқ вазни*), который был «национальным размером тюрков», и соответствовать фонетическим структурам их языков.

Двойные императивы модернизации и аутентичности также вывели на передний план вопрос о реформе алфавита. Вопрос о реформировании орфографии тюркских языков стоял в течение нескольких поколений, но привлекал мало интереса в Средней Азии[16]. Для реформаторов арабский алфавит имел три основные проблемы. Во-первых, он обозначал только длинные гласные (с помощью символов, которые также служат в качестве согласных); тюркские языки имеют много гласных, но, как правило, не делают различия между длинными и краткими гласными. Во-вторых, буквы принимают различные формы в зависимости от их места в слове; каждая буква имеет несколько форм, что требует совершенного владения большим количеством лигатур для достижения функциональной грамотности. Наконец, алфавит содержал ряд букв, указывающих на согласные звуки, уникальные для арабского языка. В тюркских языках эти буквы выражались по-разному, и их присутствие делало обучение грамоте трудным[17]. Кроме того, в соглашениях о правописании между

---

[15] Абдурауф Фитрат, *Адабиёт қоидалари: Адабиёт муаллимлари ҳам адабиёт ҳаваслилари учун,* под ред. Хамидулла Болтабоева (Ташкент, 1995 [ориг. 1926]), 39-40, 46-47. В те годы несовместимость *аруза* с тюркской поэзией была любимой темой Фитрата. Впервые в печати он обратил на это внимание в статье «Шеър ва шоирлиқ», *Иштирокиюн,* 01.08.1919, и впоследствии повторял это неоднократно.

[16] См. Ingeborg Baldauf, *Schriftreform und Schriftwechsel bei den Muslimischen Russland- und Sowjettürken* (*1850–1937*): *Ein Symptom Ideengeschichtlicher und Kulturpolitischer Entwicklungen* (Budapest, 1993), 53–96; Bilâl N. Şimşir, *Türk Yazı Devrimi* (Ankara, 1992), 38–96; Hamid Algar, *Mīrzā Malkum Khān: A Study in the History of Iranian Modernism* (Berkeley, 1969), 82–95.

[17] Таким образом, в персидском и всех тюркских языках (а также в урду, пушту и мн. др.), буквы ذ , ز , ض , а также ظ произносились как / з /; ث , س , а также ص как / с /; а ح и ه как / х /. Слова арабского проис-

тюркскими языками уделяется мало внимания произношению и гораздо больше этимологических принципам. (Как ни странно, именно по этой причине, различные тюркские языки были понятны друг другу в письменной форме, так как алфавит скрывал многие различия в разговорных языках.) Устремления модернизаторов языка, что письменный язык должен отражать разговорный, равно как и орфография (полностью фонетическое письмо было бы идеальным) были прямо противоположными установленным соглашениям по орфографии во всех тюркских языках.

Это во многом было от революционного энтузиазма эпохи 1917 г., который определял повестку дня на столе в Средней Азии через «Чигатой гурунги», игравшей центральную роль. В букваре, опубликованном им в 1919 г., арабское письмо было изменено, указаны все гласные, отделены специфические для арабского языка согласные, которые были помещены в конце алфавита, чтобы преподавать их в последюю очередь[18]. Это открыло период великого брожения, в котором разные люди выступали с различных позиций, от приверженности к старым конвенциям и неприятия (или презрения) реформ по использованию гласных букв в тексте, до полномасштабной «тюркизации» арабского письма, которое было полностью вокализировано и исключало арабские специфические буквы в целом. Эти вопросы были главными на 1-й конференции по узбекскому языку и орфографии, организованной «Чигатой гурунги» в январе 1921 г. Дебаты оказались весьма острыми и продолжались в прессе в течение следующего года или полтора. Для Фитрата вопрос языка был так же важен, как и массовая грамотность. «Наша письменность не имеет порядка, наша орфография хаотична», сказал он в своем вступительном слове. «Пока в нашей старой письменности имеются такие проблемы, мы не можем использовать… правительственную программу по образова-

---

хождения на этих языках продолжали писать в их первоначальном виде, но их произношение было полностью изменено.

[18] *Битим йўллари,* passim.

нию»[19]. Фитрат занял радикальную позицию на конференции: Полностью фонетическое правописание на основе системы с 6 гласными; отмена арабских специфических согласных звуков; написание слов так, как они произносятся, с указанием каждого гласного; и, самое спорное – подчинение иностранных слов (т. е. слов арабского происхождения) этим правилам. Ашурали Зохири, старый *джадид* из Ферганы, занял умеренную позицию, выступая за сохранение арабских слов от полной вокализации: «Мы… будем отрезаны от мусульманского мира. ... Никто не сможет прочесть то, что мы пишем. Если мы будем писать с такой орфографией, никто не поймет. Мы не сможем читать изданные до сих пор научные и литературные книги»[20]. На конференции не было защитников статус-кво, но даже в этом случае спор был резким. Прения между Фитратом и Зохири настолько обострились, что Зохири вышел во время голосования, а на следующий день отказался сделать свой доклад о грамматике. Однако Фитрат, был обойден в радикальности 17 летним юношей по имени Боту, который выступал за отказ от арабского письма в целом и отдать предпочтение латинскому алфавиту. «Отсталость нации означает отсталость ее письменности», утверждал он. «Если человек собирается на вокзал, конечно, он доберется туда быстрее на машине, чем пешком. Таким же образом [латинское] письмо ускоряет прогресс»[21]. Латинизация обсуждалась в более широком тюркском мире, но в январе 1921 г. еще нигде не считалась серьезным предложением. Она была снята с повестки дня, но в конечном счете орфография, утвержденная на конференции, была весьма радикальной. Она содержала 6 гласных и 23 согласных звуков. Должны были быть специальные буквы для / ŋ / и / в /, а / ф / была исключена на том основании, что она не использовалась в узбекской речи; она была приравнена к / п /. (Предложение Боту, чтобы исключить также / *h* /, и тем самым признать переход $h \rightarrow x$ в многих диа-

[19] *1921 йил январда бўлган Биринчи ўлка ўзбек тил ва имло қурултойининг чиқорган қарорлари* (Ташкент, 1922), 13.
[20] Там же, 19–20.
[21] Там же, 22–23.

лектах как стандарт, было отклонено). Все арабские специфические буквы были исключены и взяли верх аргументы Фитрата произносить арабские заимствования в соответствии с общими правилами[22]. Реформа была достаточно радикальной. Помимо всего прочего, она совершенно преобразовала визуальный характер арабского письма.

В то время как орфографическая реформа парила в воздухе во всем тюркоязычном мире, и годы революции произвели подобную деятельность среди татар, конференция в Ташкенте не была частью широко организованных усилий[23]. Скорее всего, это была доморощенная инициатива, свидетельствующая о срочности, с которой этот вопрос был трактован. Выступления на конференции совершенно ясно показали, что орфографическая реформа рассматривалась в полном переплетении с более широкими культурными вопросами, так как доклады с мест были посвящены не только образованию, но также театру и прессе. Наиболее известные деятели на конференции (Фитрат, Ашурали Зохири, Шокиржон Рахими, Вадуд Махмуд) все были педагогами и культурными реформаторами с большим опытом. Даже возбуждившиеся страсти имели отношение к нации. Маннон Ромиз, который представлял отдел образования Ташкентского старогородского Совета, сообщил, что османские учителя (которые в основном уже уехали к моменту проведения конференции) выступали против новой орфографии, и что Эфендиев, комиссар по образованию, угрожал тем, кто преподавал ее, плохими последствиями. Теперь столы были перевернуты, и реформаторы надели на себя мантию революции. Шахид Ахмадиев, татарский делегат, уже говорил, что *улемы* пользовались арабским письмом, чтобы монополизировать знания и удерживать простых людей под своим влиянием[24]. Круг тех, кто предпола-

[22] Там же, 24–26. Стенограмма конференции, опубликованная в следующем году, следовала этим правилам. Имя Фитрата везде было написано «Питрат».

[23] О татарских событиях в этот период см. Baldauf, *Schriftreform*, 186–196, и в более общем плане Хәлиф Курбатов, *Татар әдәби теленең алфавит һәм орфография тарихы* (Казань, 1999).

[24] *1921 йил январда,* 17.

гал извлечь выгоду из старой орфографии, расширялся все больше, а реформаторы называли своих противников «реакционерами, которые хотят тянуть трудящихся назад», религиозными (*динчи*), или контрреволюционерами. Орфографическая реформа стала местом страстных дебатов, которые иногда даже переходили в насилие. Конференция «учителей и писателей» в Самарканде, выступившая *против* новой орфографии, завершила свою резолюцию, «оплакивая тот факт, что сторонники новой орфографии, вместо того, чтобы использовать логические аргументы в научных дискуссиях, применяли силу и непрерывно осуществляли диктат во имя коммунизма и правительства»[25].

Споры о правописании свидетельствовали о характере культурной революции в Средней Азии в первые годы советской власти. Заманчиво видеть орфографическую реформу и латинизацию, как связанных с «секуляризацией» или «деисламизацией», и отнести их к числу злонамерений советского режима. Но это означало бы неспособность понять природу культурного радикализма 1920-х гг. Сторонники новой орфографии могли утверждать во имя революции, и они, безусловно, имели поддержку в партийных и советских аппаратах старых городов, но эти вопросы обсуждались публично с участием литературных деятелей и педагогических или филологических экспертов. Эти дебаты были логическим продолжением реформы языка и орфографии, корни которой уходили в дореволюционное время, и которые были тесно связаны с более широкими процессами в тюркском мире. К 1926 г., когда 1-й (и единственный) Тюркологический съезд был проведен в Баку для обсуждения этих вопросов, орфографическая реформа была также на повестке дня в кемалистской Турции. Национализация языка и орфографии, и дистанцирование их от арабского языка, были прямой целью националистической интеллигенции, которая видела в этих шагах пути к прогрессу. Орфографическая реформа сочетала в себе устремления к аутентичности и эффективности, современности и прогрессу, а также к занятию своего места в мире, и по этой причине она захватывала воображение интеллигенции многих

[25] М., «Имло масаласи», *Камбағаллар товуши,* 03.02.1922.

обществ в течение десятилетий до русской революции. Для интеллигенции Средней Азии реализация орфографической реформы стала главной чертой революции. Реформа касалась только узбекского языка и служила тому, чтобы отличить его от других тюркских языков.

Тюркские границы узбекства

Узбекство было определено по отношению к другим тюркским группам. Большая часть деятельности «Чигатой гурунги» была направлена против использования османского языка в мусульманских школах Ташкента, находящихся под влиянием османских военнопленных, которые, как правило, рассматривали местный жаргон лишь как диалект старотурецкого языка. Действительно, Ташкентское бюро по образованию под руководством Мунаввар кори хотело учредить «общий тюркский язык» в мусульманских школах после 3-х лет обучения на «родном языке». Фитрат, который к тому времени провел 4 года в Стамбуле, был против такого «оскорбления и неуважения к нашему языку», и утверждал, что «литература на чагатайском диалекте самая важная, самая многочисленная, самая ценная среди всех тюркских литератур»[26]. Еще в 1921 г. Фитрат и его коллеги в «Чигатой гурунги» сформулировали множество принципов для реформирования языка: стандарт литературного качества узбекского языка должен определяться не степенью его «арабизмов» (*арабийлик*); его правила должны исходить от себя, а не от татарского или османского языков; и язык должен быть очищен от иностранных слов[27]. Узбекский язык имел свои собственные ресурсы для создания современного языка и не должен был обращаться за опекой к османским или татарским стандартам.

---

[26] *1921 йил январда,* 35–40. Фитрат впоследствии утверждал, что этот вопрос привел к серьезному конфликту между ним и Мунаввар кори, в котором члены «Чигатой гурунги» подвергались физическим угрозам и запугиванию: «Ёпишмаган гажжаклар», *Қизил Ўзбекистон,* 15.09. 1929, 16.09.1929.

[27] *1921 йил январда,* 40.

Затем, «Узбек» явно не был синонимом всего тюркского населения Средней Азии, а также не представлял собой единство региона. Казахские интеллектуалы никогда не имели какого-либо отношения к чагатаизму, ни любви к Темуру. В годы до революции казахская интеллигенция развивалась по несколько иной линии. С казахскими аристократическими элитами, отправлявшими своих сыновей в русские школы, начиная с сер. XIX в., казахская интеллигенция, как правило, была более комфортной с русским языком, в то время как слабость группы, основанной на исламской книжности (*'улама'*) означала, что роль интеллигенции в обществе не была совершенно такой же, как в Туркестане. Уже к 1917 г. казахская интеллигенция достигла значительных успехов в создании казахского языка в качестве письменного с его собственной отличительной орфографией и создала литературное сообщество вокруг периодических изданий, таких как «Ай қар» (г. Троицк) и «Қазақ» (г. Оренбург), в которых принимали участие также казахи Туркестана. В том же году, когда казахи Семиречья и Сырдарьи принимали участие в политике Туркестана, главная траектория казахской деятельности лежала на севере. Казахское национальное движение Алаш Орда добивалось автономии Степного края одновременно с Кокандской автономией. Мухаммаджан Тинишбаев был номинальным президентом Кокандской автономии, но он оставил Коканд перед мешком, чтобы сосредоточить свои усилия на Алаше. К тому же, казахские литературные произведения в Туркестане были полностью на казахском языке и часть отдельного диалога осуществлялась в казахских газетах[28]. Как писал в 1922 г. Назир Туракулов, уроженец Ферганы, двуязычный казахский председатель ТурЦИК, «С тех пор прошло несколько лет и месяцев. За этот период умножились виды туркестанцев. Каждый осознал себя и своих товарищей. Узбеки нашли Амира Навои, [а] казахи

[28] Г.К.Отарбаева, «Ташкент қаласынынг қазақ халқынынг саяси-әлеуметтик, экономикалық және рухани өмириндеги мангызы (XIX ғасырдынг экинши йартысы – XX ғасырдынг алғаш- қы шигеры)», кандидат дисс., М.Ауезов атындағы Онгтўстык Қазақстан мемлекеттык университеты, 2010).

ухватились за Абая»[29]. Короче говоря, узбекские и казахские интеллигенты образовали два различных культурных сообщества.

Новая политическая элита, та, чья работа состояла, прежде всего, в партии или советском аппарате, одинаково инвестировала в нацию, и для них не было никаких проблем ассимилировать ее с их идеей революции. Партия, далеко не застрахованная от нее, обеспечивала существенную арену, на которой могли бы разыгрываться национальные конфликты. Рыскулов собрал вместе альянс казахских и узбекских активистов в Мусбюро, но он быстро распался после его ухода со сцены в 1920 г., и отношения между ведущими коммунистами Туркестана испортились по национальному признаку. «Национальные взаимоотношения здесь», сообщал в нач. 1924 г. Иосиф Варейкис, недавно назначенный главой Средазбюро, «чрезвычайно остры по той простой причине, что происходит постоянная борьба между узбеками и киргизами [т. е. казахами] [в партии] за право на господствующую нацию [в Туркестане]. ... Между казахами и узбеками происходят беспрерывные трения на почве борьбы за господствующее положение в государстве»[30]. Киргизские коммунисты аналогичным образом мобилизовались вокруг национальности, и в 1922 г. организовали конференцию, которая приняла резолюцию, стремящуюся к образованию автономной Горной области для киргизов[31]. В Бухаре, несколько туркменских членов партии начали организовываться в качестве туркменов и требовать национальные права в партии и государстве. Нация стала единой валютой, в которой политические элиты вели свой бизнес.

На самом деле, конфликт между казахскими и узбекскими политическими элитами уже в 1921 г. привел к требованиям изменения политических границ Туркестана. Вопрос об изменении административной структуры Туркестана, отражающей разделение между оседлым и кочевым населением, стоял уже дав-

---

[29] Дарвеш, «Ўзбек қариндошларимизнинг дикқатларига».

[30] Варейкис Сталину, 27.03.24, в *ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос,* т. 1 (Москва, 2005), 190.

[31] Benjamin Loring, «Building Socialism in Kyrgyzstan: Nation-Making, Rural Development, and Social Change, 1921–1932» (Ph.D. diss., Brandeis University, 2008), 75–88.

но. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П.Кауфман поставил его в 1881 г., и эта идея вновь всплыла в 1920 г., когда во время спора между ТурЦИК и Туркомиссией Ленин, «считая необходимым предоставить национальным группам Туркестана возможность организоваться в автономные республики», предложил «произвести областные разделения Туркестана в соответствии с его территориально-этнографическим составом»[32]. Создание отдельных национальных областей для 3-х основных национальностей было записано в резолюции Политбюро от июня 1920 г., которое определило место Туркестана в Советском государстве как важную задачу советской власти в Туркестане[33]. Другой вид давления исходил из требований, все более и более настойчивых, от казахских активистов за пределами Туркестана. После поражения Алаш Орды казахские земли бывшего Степного края были превращены в автономную Казахскую республику со столицей в Омске. В августе 1920 г. Мангышлакский полуостров с преобладанием казахского населения был отделен от Туркестана и передан Казахской республике. В январе 1921 г. 1-й Туркестанский съезд казахской бедноты, собравшийся в Аулие-Ата, просил, чтобы области Семиречья и Сырдарьи были объединены с Казахской республикой, поскольку «Веками сложившийся общественно-бытовой уклад жизни киргиз … имеет одинаковый характер с общим языком, обычаями и нравами … и находятся на одинаковом уровне культурно-экономического

[32] С этой целью Ленин также предложил составить «карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению». В.И.Ленин «Замечания на проекте Туркестанской комиссии» (13.06.1920), в *Полное собрание соч*, 5-е изд., т. 41 (Москва, 1963), 435–436.

[33] Резолюцию Политбюро можно найти в Д.А.Аманжолова, изд., *Россия и Центральная Азия, 1905–1925 гг.: Сборник документов* (Караганда, 2005), 279. Туркомиссия призвала «соблюдать осторожность в отношении любого такого разговора» и утверждала, что такой проект должен осуществиться в конце процесса реинтеграции Туркестана в советском государстве, «после того, как все остальное будет решено». Туркомиссия в ЦК РКП (б), 05.06.1920, ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 786, л. 19.

развития»[34]. Так как Сырдарьинская область включала Ташкент, это стало серьезной проблемой. В Ташкенте полетели слухи, что город собираются передать Казахской республике. Ситуация была достаточно серьезной для ТурЦИК, чтобы просить у Наркомнаца разъяснений, а затем опубликовать опровержение в прессе[35]. Тем не менее, «Ак Жол», газета КПТ на казахском языке, продолжала публиковать статьи по этому вопросу и в 1922 г. руководство Казахской республики снова подняло этот вопрос в Наркомнаце с просьбой о передаче двух областей на том основании, что якобы 93 % населения этих двух областей составляли казахи и что концентрация всех казахов в одной республике сделало бы работу по «Внедрению советских принципов в казахскую действительность» более эффективным[36]. Этот аргумент сыграл решающую роль на фоне ряда других конфликтов между правительствами Туркестана и Казахской республики, возникших по вопросам продовольственного снабжения, торговли и перемещения населения. Туркестанцы утверждали, что отсутствие земельной реформы в Казахской республике позволило поселенцам продолжать угнетать казахов, которые затем бежали в Туркестан и добавились к проблемам этой республики. Казахи жаловались на то, что Туркестанское правительство останавливало поезда с продовольствием для Казахской республики в поисках «граждан КССР», проезжающих через Туркестан[37]. Ситуация была достаточно плохой для Всесоюзного Центрального исполнительного комитета в Москве, чтобы создать специальную комиссию для разрешения споров между двумя республиками[38]. Эти конфликты бросили тень на переговоры по национально-территориальному размежеванию в 1924 г.

Короче говоря, к 1924 г. интеллигенция Туркестана и Бухары пришла к выводу, что оседлое мусульманское население

---

[34] 33. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 12, л. 143.

[35] Рахимбоев Сталину, 15.12.1921, в *Россия и Центральная Азия,* 340; «Чегара ўзгариши йўқдур», *Қизил байроқ,* 20.12.1921.

[36] ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 12, л. 144-144об (21.03.1922).

[37] ГАРФ, ф. 1235, оп. 96, д. 755, л. 28, 35 (1921).

[38] ГАРФ, ф. 6987 (Комиссия ВЦИК по урегулированию споров между Туркестанской и Киргизской республиками).

Трансоксианы следует считать узбеками (которые довольно сильно отличаются от своих кочевых соседей, казахов и туркмен). Это обозначило значительное преобразование в политическом воображении. Его связь с классификационными проектами русских или советских этнографов, однако, незначительна. Русские этнографические рассуждения или классификации были не самым важным импульсом за национализацию рассуждения среднеазиатских элит. Различие между кочевым и оседлым населением в среднеазиатских рассуждениях стояло долго. Теперь этот вопрос был национализирован. Для *джадидов* путь к национализации лежал через предреволюционные пантюркистские рассуждения, которые были популярными как в Российской, так и Османской империях. Эти рассуждения были проинформированы работой европейских (включая русских) этнографов, востоковедов и историков, но, тем не менее, они сохранили свои собственные отличительные параметры. Между тем, русский классификаторский проект остался погрязшим в проблемах, и государству было бы лестно приписать ему значительную роль в определении параметров национальных дебатов среди интеллектуалов кореного населения. После русского завоевания Средняя Азия была под пристальным вниманием этнографов, но возникший существенный свод литературы не смог создать стабильную номенклатуру для описания, не говоря уже про анализ населения региона. То же самое относится к государственной практике. Декрет, провозгласивший в 1918 г. тюркский язык государственным, заявлял, что «население Туркестана преимущественно тюркское; половина из них является киргизами (т. е., казахи и киргизы), в то время как другая половина, за исключением самого незначительного количества пришлого русского элемента, состоит из туркмен, каракалпаков, таджиков вместе с оседлыми узбеками (сартами) и проч.»[39] Еще в 1924 г., когда процесс национально-территориального размежевания Средней Азии набирал темпы, этнограф В.Кун писал, что «научная литература по этнографии Туркестана, несмотря на свое изобилие, далеко не освещает многих сторон туземного быта. … Достаточ-

[39] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 169, л. 1–1об (21.08.1918)

но сказать, что сам основной объект изучения – племенной состав населения Туркестана и расположение его в стране далеко недостаточно изучен»[40]. Самым сложным предметом исследования было оседлое население Средней Азии, которое отказывалось открыть свои секреты позитивистской фантазии этнографов и статистиков в течение 50 лет русского правления[41]. Взаимосвязь между терминами «сарт», «тюрк» и «узбек» оставалась неясной, и эти три термина использовались одновременно и попеременно во время переписи 1897 г. Статистическое управление Туркестана провела много работ в последующие после 1917 г. годы, но большая часть их заключалась в записи информации, без проведения анализа; то же самое относится и к учреждениям в Москве и Ленинграде. Летом 1921 и 1922 гг. Научная комиссия по изучению образа жизни коренного населения Туркестана при поддержке правительства республики организовала этнографические экспедиции, но мятеж *басмачей* и отсутствие средств означали, что они никогда не завершат свою работу[42]. Аналогичным образом, все, что удалось осуществить центральной Комиссии по изучению племенного состава населения России, составить список национальностей, населявших Туркестан, который был далек от совершенства и встретил много возражений из-за неполноты. Он был опубликован лишь в 1925 г., уже после того, как было проведено определение границ[43]. Затем, в 1924 г., когда начался процесс размежевания среднеазиатских границ по национальному принципу, классификационная система этнографии Средней Азии была крайне слаба. Поэтому размежевание *не* было применением ранее существовавших этнографических знаний (имперских или колониальных) в государственной политике. Скорее всего, политический процесс видоизменил в определенной степени этнографические знания. Мнения экспер-

[40] В.Кун, «Изучение этнографического состава Туркестана», *Новый Восток*, № 6 (1924), 350.
[41] С.Н.Абашин, *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности* (Санкт-Петербург, 2007).
[42] Кун, «Изучение», 351–354.
[43] Зарубин, *Список народностей.*

тов не играли почти никакой роли в работе над чертежом новых границ в 1924 г.

От Бухары к Узбекистану

Решение Москвы распространить на Среднюю Азию принцип этно-территориального размежевания, практиковавшийся в других частях СССР, преобразовало параметры политики идентичности в Средней Азии. Размежевание исходило сверху и представляло резкую перемену в положении центральных властей, в то время, как все разговоры, которые велись в 1923 г., были об экономической интеграции и гармонизации 3-х республик Средней Азии. Тогда готовилась большая работа по перекройке внутренних границ Туркестана и приведению экономических и административных подразделений в порядок. Комиссия по районированию Туркестана явно исключила национальный аспект из своих амбиций, «потому что население было слишком неоднозначным»[44]. В январе 1923 г. комиссия завершила свою работу и представила свои предложения в ТурЦИК. Тем не менее, прежде, чем принимать какие-либо конкретные меры, ЦК решил пойти на размежевание границ по национальному принципу. Процесс начался почти как отдельный. В январе 1924 г. Оргбюро ЦК отправило Яна Рудзутака для осмотра Туркестана, чтобы иметь дело с еще одним политическим кризисом в рядах КПТ. Последний пункт в списке задач для него выполнить, чтобы «созвать совещание ответственных работников Бухары, Хорезма (если возможно), и Туркестана, с тем, чтобы подвергнуть предварительной разработке вопрос о возможности и целесообразности размежевания Киргизской [т. е. Казахской], Узбекской

[44] Д.П.Красновский, изд., *Материалы по районированию Туркестана*, вып. 2, *Проект административно-хозяйственного деления ТССР* (Ташкент, 1924), 5. О связи между понятиями национальной и экономической рациональности в советском мышлении периода см. Francine Hirsch, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* (Ithaca, 2005), chap. 2.

и Туркменской областей и пр. по национальному принципу»[45]. То, что начиналось, как поиск усилий очень быстро приобрело серьезный импульс. В феврале и марте этот вопрос обсуждался центральными комитетами партий всех 3-х республик, и в апреле его основные позиции были представлены Средазбюро. Этот орган отправил проект постановления в Политбюро, который 4 июня 1924 г. издал декрет по данному вопросу. В течение лета Средазбюро создало территориальную комиссию, чтобы выработать границы различных республик, и к 18 ноября 1924 г. процесс был в основном завершен, когда центральные исполнительные комитеты 3-х республик встретились, чтобы распустить себя и создать новые республики. Тем не менее, несмотря на всю свою поспешность, немногое в этом процессе было предусмотрено, если не предопределено, Москвой. Скорее всего, партийные органы действовали в качестве судей и сохранили за собой право принимать стратегические решения, но дискуссию проводили среднеазиатские коммунисты, которые в многих важных отношениях видоизменили процесс[46]. Национальное размежевание было высшей точкой в политическом достижении местных кадров Средней Азии, а также моментом, когда там восторжествовала национальная идея.

---

[45] РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 397, л. 33 (31.01.1924). К этому времени руководство партии имело намного больше уверенности в своем восприятии власти в Средней Азии (мятеж басмачей, казалось, был на завершающей стадии, в то время как Бухара была недавно приручена продувкой самых беспокойный членов ее правительства), а также понимание того, что что-то должно было быть сделано, чтобы обуздать фракционную борьбу в КПТ, которая часто имела место по национальному признаку.

[46] Ограниченность объема не дает здесь возможность для более полного описания процесса; см., однако, подробное изложение вопроса в Arne Haugen, *Establishment of National Republics in Soviet Central Asia* (Basingstoke, 2003); см. также Adrienne L. Edgar, *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan* (Princeton, 2004), chap. 2.

Карта 1. Средняя Азия на пороге национально-территориального размежевания 1924 г. Туркестан был автономной советской республикой, изначально провозглашенной в апреле 1918 г., в то время как Хива и Бухара были «народными советскими республиками», находящимися в договорных отношениях с Советским государством. Казахская автономная республика была провозглашена на землях бывшего Степного края и приобрела территорию Мангышлака у Туркестана. Закаспийская область в Туркестане была переименована в Туркменскую область.

Дискуссия, как к удивлению оказалось, велась за отсутствием ссылок на знания экспертов. В процессе размежевания не было никакого привлечения экспертных знаний за исключением нескольких меморандумов из Центрального статистического управления. В любом случае территориальная комиссия работала, сломя голову (ее предельные сроки считались неделями, а не месяцами), и у нее просто не было времени, чтобы обратиться к этнографическим заключениям. Претензии часто принимали форму притязания и контрпритязания, а не использование этнографических данных. Как мы видели выше, Центральный исполнительный комитет Казахской республики в составе в РСФСР

утверждал, что в 1922 г. 93 % населения Семиреченской и Сырдарьинской областей составляли казахи. В августе 1924 г. казахские представители подняли вопрос о создании отдельной автономной области для казахов БНСР. Мусо Саиджонов, представитель Бухары с узбекской идентификацией, заявил, что в Бухаре было 30 тыс. казахов. Казахский делегат Нарусбаев противопоставил ему цифру 360 тыс.! Оба не смогли даже договориться о количестве казахских делегатов на последнем съезде Советов Бухары[47]. Аналогичным образом, представители разных сторон подвергали сомнению точность предыдущих переписей (императорской переписи 1897 г. и неполных сельскохозяйственных переписей, проведенных в 1917 и 1920 гг.), и опирались на те данные, которые лучше всего подтверждали их требования.

Позиция узбеков была сформулирована Бухарской Коммунистической партией, а не их коллегами в Туркестане. ЦК БКП, который был первым из тех, кто действовал по своей инициативе, уже в феврале собрался и утвердил документ, написанный Файзуллой Ходжаевым, в котором он предложил «создание Узбекистана на основе Бухары». Энтузиазм Бухары в вопросе размежевания противоречил позиции Хорезма, правительство которого выступало против разделения государства, основываясь на его экономическом и историческом единстве. До лета правительство Хорезма настаивало на вступлении в состав Советского Союза в качестве отдельной территориальной республики[48]. Энтузиазм Бухары в вопросе размежевания был также в противоречии с его собственной позицией стремиться максимизировать свой суверенитет в отношении постоянных требований «гармонизации» политики с политикой Советского Туркестана. Чуть более года назад Файзулла Ходжаев сопротивлялся попыткам Средазбюро навязать единую экономическую систему во всей Средней Азии[49]. С другой стороны размежевание означало кончину Бухары как государства и полного включения ее

[47] РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 109, л. 73. В итоге Казахская автономная область не была учреждена.
[48] Edgar, *Tribal Nation*, 56.
[49] РГАСПИ, ф. 62, оп. 1, д. 6, л. 50–59.

территории в состав СССР. Энтузиазм бухарского правительства в вопросе о своей собственной гибели, несомненно, требует объяснения.

Проект Узбекистана Файзуллы Ходжаева предоставлял ключи. «В основу построения Узбекской республики принимается Бухара», говорится в нем. «Узбекистан объединит узбеков Бухары, за исключением Аму-Дарьинского левобережья, Фергану, Сыр-Дарьинскую область, исключая киргизские [т. е. казахские] части, Самаркандскую область, [и] Хорезм, кроме полос, населенных туркменами и казахами»[50], т. е. всю территорию населенную оседлым населением Трансоксианы. Эта территория включила бы также все исторические города региона в одной республике. Это было чагатаистским видением узбекства, изложенным в территориальном плане. Документ представляет собой повествование о «народе узбеков» и его страданиях на протяжении последних столетий: «Народ узбеков, сплоченный ранее в государстве Темура и его преемников, распался в позднейшие столетия на отдельные части. В ходе веков распад этот определялся ослаблением хозяйственных сил и политических структур, последним звеном которого является экономическое разложение, утрата государственного единства, физическое разрушение народа под господством ханства, эмирата, царизма». Это разъединение означало, что «тюркское население исторически не могло противостоять стихийному распаду, отстоять единство народа, цельность и преемственность роста его культуры». «В этих условиях, народ узбеков и его отдельные государства (Бухара, Хива) оказались, как бы выброшенными с основного исторического пути, превратились в предмет борьбы» между Британской и Российской империями. Файзулла Ходжаев утверждал, что Темуридское государство было национальным государством узбеков – ключевая точка зрения чагатаистов – и видел потерю единого государства в качестве причины упадка, культурной отсталости и даже эксплуатации. Это последнее затем обеспечивало связь с советскими взглядами. Революция,

[50] «Основные положения по вопросу создания Узбекистана», ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 272, л. 16-17об.

читаем мы, уже «поставила народ узбеков на новую ступень исторического развития, заложила основы для хозяйственного роста… одновременно заострив все отношения культурно-национального порядка». Однако, «советское деление, сложившееся к настоящему времени внешне, по границам, повторяет и закрепляет раздел, привнесенный в Среднюю Азию насильно завоевателями», т. е. административные границы, созданные в царскую эпоху, производили национальный конфликт между оседлым населением с одной стороны, и его кочевыми и полукочевыми соседями с другой. Поэтому «дело национального перестроения не может быть планомерно и целесообразно завершено, если в силе сохраняются навязанные от прошлого границы и одноименные по признаку национальному, бытовым особенностям народности не будут слиты каждая в самостоятельную советскую политическую единицу, целостно выполняющую хозяйственную и культурную работу». Файзулла Ходжаев превратил воссоздание национального единства узбекского народа в важнейшую задачу советской власти!

Именно на этом основании узбекская комиссия делала свои претензии. «Узбекская Республика», утверждала она, «должна включать в себя таджиков и те народности Туркестана, Бухары и Хорезма, которые говорят по-узбекски и считают себя родственными с узбеками, а именно: узбеков, курамийцев, кашкарлыков (так наз. кашгарских сартов), тюрков, кара-калпаков и кипчаков»[51]. Спор по этим претензиям исходил не от таджиков, а от казахов, которые требовали для своей республики «сплошное пространство, где киргизское [казахское] население или родственные им культурно-национальные группы, [т. е.] кара-калпаки, кара-киргизы, курама, кипчаки, составляют абсолютное большинство и относительное большинство»[52]. Таким образом, обе стороны претендовали на *кипчаков* и *курама*, но казахская делегация также повторила ранее выдвинутые требования на передачу им Семиреченской и Сырдарьинской областей, в

[51] «Докладная записка к проекту Узбекского партийного Бюро по организации Узбекской Республики», РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 115, л. 3.
[52] РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 101, л. 132 (14.05.1924).

т.ч. города Ташкента[53]. Узбекская сторона выиграла в своих претензиях на *кипчаков* и *курама* (помогло то, что никто из политических деятелей не требовал отдельного национального статуса для этих двух групп, в отличие от каракалпаков и киргизов, которые нашли своих лидеров в рядах местных коммунистических партий), а также сохранила за собой Ташкент. В начале июня Средазбюро проголосовало за создание Узбекистана и Туркменистана в качестве республик, которые напрямую входили в Советский Союз, а также для передачи Семиреченской и большей части Сырдарьинской областей существующей Казахской республике в составе РСФСР. Кроме того, должны быть образованы Таджикская, Каракалпакская и Киргизская автономные области, первая в составе Узбекистана, последние две в составе РСФСР[54]. В последнюю минуту, в октябре, Таджикская автономная область была поднята до уровня автономной республики, а Каракалпакская автономная область передана Казахской республике. В то время как в течение некоторого времени продолжались споры по поводу идентичности отдельных селений, территориальная протяженность различных республик в основном была установлена к осени после того, как территориальная комиссия поспешно завершила свою работу. В ноябре 3 существующие республики были расформированы и вступили в силу новые территориальные соглашения (см. карту 2).

Узбекский проект в значительной степени удался: окончательные границы республики охватывали все оседлое население Средней Азии и почти все ее исторические города. Некоторые города были переданы другим республикам по принципу, занимавшем центральное место в советской национальной политике, согласно которому роль городов в качестве экономических центров внутренних районов отменяет беспокойства национальности. Судьба городов должна была быть «национализирована» окружающей сельской местностью. Этот странный сельский

[53] Там же, л. 71–81.

[54] РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 100, л. 29-30. Текст резолюции Оргбюро по этому вопросу см. в *ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос,* 221–222.

принцип играл важную роль в проведенном в Средней Азии размежевании. Кочевым племенам Туркменистана и Киргизской автономной области были необходимы экономические и административные центры, и поэтому города Ташхауз, Ош и Джалал-абад, несмотря на то, что их население составляли «узбеки», были переданы им (Казахская претензия на Ташкент была основана на этом же принципе).

Карта 2. Средняя Азия после национально-территориального размежевания 1924 г. Узбекистан был значительно меньше, чем стал позже. В 1936 г., когда Казахстан стал союзной республикой, Каракалпакская А.О. была повышена до уровня АССР, дополнена территорией, взятой у Туркменистана, и передана Узбекистану. Киргизская АССР, которая изначально была создана как автономная область, также стал союзной республикой в 1936 г.

Узбекистан, как и представлял себе Файзулла Ходжаев, мог рассматриваться также как Большая Бухара. Новая республика предусматривала возвращение исторических потерь, понесенных Бухарой (при подчинении России в XIX в., и при отделении Ко- канда в XVIII в.) и, таким образом, выполнение требования Мукимиддина Бекжона, о котором мы говорили в начале этой

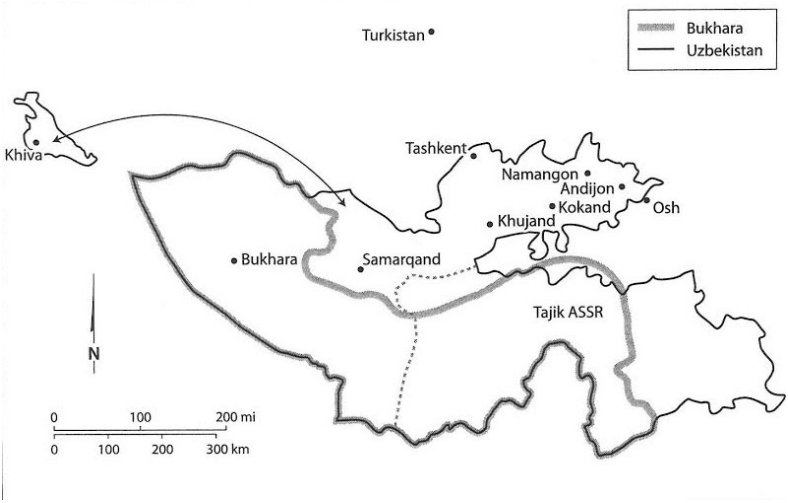
главы[55]. Кроме того, новая республика должна была быть «независимой», т. е. независимой от РСФСР и прямым соучредителем Советского Союза. Это был более высокий статус, чем тот, которым пользовались в то время БНСР или Туркестан. Учредительные съезды Узбекистана и его Коммунистической партии были проведены в Бухаре и столицей новой республики был Самарканд, а не Ташкент[56]. Создание Узбекистана было осуществлением чагатаистского проекта.

С практической точки зрения, создание Узбекистана означало объединение областей Туркестана, Бухары и Хорезма в единую республику. Советские административные институты были намного сильнее в Туркестане, чем в двух народных республиках, так же как и транспортная инфраструктура. В течение следующего десятилетия, партийные органы обычно считали, что Узбекистан состоит из продвинутых и отсталых регионов, и последовательно проводит осуществление политики, так что и земельная реформа, и кампания против открытия лиц были запущены в «продвинутых» регионах, прежде чем были введены в «отсталых» регионах. Коммунистическая партия Узбекистана (КПУз) аналогичным образом формируется путем объединения кадров из КПТ, БКП и Коммунистической партии Хорезма.

---

[55] Мнение о том, что Узбекистан был Большой Бухарой два десятилетия назад высказал Р.С. Карлайл: Robert S. Carlisle: “Soviet Uzbekistan: State and Nation in Historical Perspective”, in *Central Asia in Historical Perspective*, ed. Beatrice Forbes Manz (Boulder, 1994), 103–126. Тем не менее, не имея доступа к архивам и ограничиваясь источниками на русском языке, Карлайл объяснил переход Бухара – Узбекистан с точки зрения политического соперничества между кадрами Бухары и Туркестана, и представил его как триумф Файзуллы Ходжаева над своими соперниками, а не как чагатаистский проект.

[56] Основной причиной переноса столицы из Ташкента было глубокое недоверие Москвы к партийной организации старого города Ташкента. Сам Сталин решил, что Ташкент не был «приемлемым» в качестве столицы Узбекистана; Сталин Зеленскому и Рудзутаку, 14.08. 1924, РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 32, л. 94. Однако Ташкент никогда не уступал своего значения как центр власти, потому что Средазбюро осталось там. Правительство Узбекистана вернулось в Ташкент в 1930 г.

Карта 3. Узбекистан как Большая Бухара.

Зеленский относился крайне подозрительно к партийной организации старого Ташкента и использовал создание КПУз, чтобы перепроверить ее членов. Он был уверен, что молодые коммунисты заняли лидерские позиции в новой партии, благодаря Акмалу Икромову, поднявшемуся на должность первого секретаря. Руководство республики было тщательно распределено по регионам. Файзулла Ходжаев из Бухары стал главой Совнаркома (по сути, премьер-министром), в то время как центральный исполнительный комитет республики возглавил Юлдаш Ахунбабаев из Ферганы. Ахунбабаев был крестьянином, поднявшимся по служебной лестнице как *қўшчи*. Его должность имела в основном церемониальный характер, а Икромов и Ходжаев были ответственными за политические решения. Они оба оставались на своих позициях до 1937 г., даже когда в ряде случаев тормозили дела.

Становление Узбекистана узбекским

Энтузиазм, развязанный созданием Узбекистана, был искренним и широко распространен среди всей интеллигенции Узбекистана. В марте 1925 г. молодой поэт Ойбек, затем редактор стенгазеты института повышения квалификации учителей партийной ячейки старого города Ташкента, отмечал узбекский народ таким образом:

Ўзбек эли сўнг чоқларида
Билмаян, оҳ налар кўрдинг
Алам, мотам қойғуларда
Кўзи ёшли бир қиз эдинг
Кенг дололар, эркин тоғлар
Ҳижронинда налар чекдинг …
Фақат букун у давр ўтди
Тоғларингда қўяш кулди
Қирларингда созли пари
Эркинликни куян этди.
Мундан буян уфақларда
Қизил нурлар ёйиладур
Бойроқларинг мазлум Шарқда
Эрклик учун йўл башлайдур.[57]

(Узбекский народ, чего только ты не видел
Во времена прошедшие.
Держа траур, горюя, полный забот
ты плакал, как девочка, твои глаза полны слез.
Что только ты не испытал в разлуке
с просторными полями, свободными горами
Но сегодня, те времена прошли –
Солнце улыбается в твоих горах,
В твоих степях поющая *пери*
поет песни свободы
Отныне на горизонтах будут
красные лучи распространяться

[57] Ойбек, «Ўзбек эли», *Тонг юлдузи,* № 1 (март 1925): 2.

Твои знамена откроют путь к свободе
на угнетенном Востоке.)

Революция, нация и антиколониализм, по-прежнему, глубоко переплетены в этом видении Узбекистана. Для Рахимжона Иногамова, молодого коммуниста и первого комиссара Узбекистана по вопросам образования, создание республики было началом новой жизни, когда проблемы отсталости могут быть решены за счет национального единства и революционных институтов[58]. В течение следующих нескольких лет страстный пыл в строительстве Узбекистана обеспечивал общую почву для интеллигенции вопреки другим политическим различиям.

Однако, мало кто за пределами интеллигенции в это время называл себя узбеком. Мы располагаем довольно незначительными откликами низов по вопросу о самоидентификации, но то, что мы имеем, свидетельствуют о том, что всеобъемлющие, абстрактные формы идентификации были очень редки даже среди политически ангажированного городского населения. В этом отношении показателен рутинный набор анкет, заполненных членами Ташкентского старогородского Совета в январе 1922 г. Респонденты определили свою «национальность» следующим образом: узбек, 43; ислам, 2; мусульманин, 4; сарт, 2; узбекский турк, 1; турк, 2; нет ответа, 33. (Большое количество людей, которые ничего не ответили, частично объяснимо тем фактом, что слово национальность было неправильно переведено на узбекский язык как *фирқа*, *партия*). Вопросник содержал также вопрос о языке, в ответе на который респонденты определили свой разговорный тюркский язык следующим образом: узбекский, 53; мусульманский, 12; сартский, 1; кашгарский, 2; тюркский, 9 (в т. ч. 2, определивших свой родной язык как «ташкентский тюркский»); 9 респондентов указали только русский язык как разговорный, забыв назвать свой родной язык[59]. Еще один оп-

[58] См. его выступление на 1-м Съезде Советов новой республики: *Первый Всеузбекский съезд советов рабочих, дехканских и красноармейских депутатов Узбекской Советской Социалистической Республики: Стенографический отчет* (Ташкент, 1925), 68–75.
[59] ГАгТ, ф. 12, д. 63.

росный лист, на этот раз из Бухары, представляет аналогичные доказательства: Различные департаменты правительства БНСР использовали совершенно различную номенклатуру для классификации своих сотрудников, используя слово мусульманин в значении «местный» (ерли), турк, и узбек, наряду с целым рядом других обозначений[60]. Ясно, что не было никакой стабильной номенклатуры для описания «национальности» населения Бухары, хотя «узбек» был наиболее широко используемым термином. Другой вид доказательств исходит от выходцев из Средней Азии, эмигрировавших в начале советского периода. В то время, как представители интеллигенции, имевшие тенденцию ехать в Турцию или Европу, принимали фамилии, указывавшие на тюркское прошлое Средней Азии (Субудай, Чагатай) или интеллектуальную закваску нач. XX в. (Октем, Яркын), другие эмигранты, особенно те, кто отправился в Афганистан или Хиджаз (ныне Саудовская Аравия), пришли из разных слоев общества и принимали фамилии на основе своего происхождения (Туркистони, Бухори, и т.д.)[61]. Для них тюркистский энтузиазм интеллигенции был малопривлекательным.

Создание национально-территориальной республики само по себе было механизмом для ковки национального самосознания. Национальность стала политически значимой и в то же время более ощутимой. Вместе с опытом многих других государственных образований в современную эпоху, Узбекистан пришел, чтобы приобрести свою собственную реальность, так же как приобрел множество национальных символов и всякого рода общие практики бытия узбеком[62]. Решение партии учредить национальные подразделения в Красной армии случайно обеспечило появление другого института, который можно было рассматривать в качестве национального. Эти подразделения были

[60] ЦГА РУз, ф. 47, д. 474.

[61] Об этом последнем случае см. Bayram Balci, “Les Ouzbeks d’Arabie Saoudite entre intégration et renouveau identitaire via le pèlerinage”, *Central Asian Survey* 22 (2003): 23–44.

[62] Marianne Kamp, “Pilgrimage and Performance: Uzbek Women and the Imagining of Uzbekistan in the 1920s”, *International Journal of Middle East Studies,* 34 (2002), 263–278.

созданы не столько для увеличения размера Красной армии, сколько для мобилизации граждан из нерусских частей СССР («чтобы малые национальности участвовали в защите СССР»)[63], которыми бы руководили офицеры, говорящие на их родном языке. Еще до национального размежевания, узбекская пресса описывала такие подразделения, как «национальную армию»[64]. После размежевания эти подразделения широко освещались в прессе как узбекская национальная армия. Файзулла Ходжаев сам описывал национальные подразделения, как «узбекские национальные войска [которые] являются пламенной силой, обеспечивающей независимость Узбекистана»[65]. Как отмечает Марианна Камп, для большинства узбеков опыт того, чтобы быть советским, проходил через опыт быть узбеком[66]. То, что утвердилось, было «банальным национализмом», и даже как содержание национальной идентичности было предметом споров[67]. Этот спор – о языке, наследии, самом смысле того, чтобы быть узбеком – велся в новых учреждениях культуры, построенных советским режимом в рамках своей миссии трансформации. Комитет по изучению узбеков (Ўзбекларни ўрганиш қўмитаси), узбекский комитет по делам музеев и сохранению памятников старины и искусства (Узкомстарис), Узбекский Академический комитет (Ўзбек билим ҳай'ати) при комиссариате по вопросам образования, а также учреждение краеведения («локальное исследование», переведено на узбекский язык как ўлкашунослик) обеспечили места, где можно было бы изучать различные аспек-

[63] Из брошюры узбекского комсомола, объясняющей причины создания национальных подразделений: Б.Ботмонов, *Қизил аскарлар тўғрисида Комсомул муҳосабаси* (Самарқанд, 1926), 7; в более общем плане, см. И.Дубинский, *Миллий қўшин нима,* пер. Усмон Мангушев (Ташкент, 1930).

[64] Нурмат, «Миллий қизил урдумиз тузамиз», *Туркистон,* 21.10.1923.

[65] С.И., «Эски Тошкентда тарихий мажлис», *Қизил Ўзбекистон,* 05.03.1926.

[66] Marianne Kamp, *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism* (Seattle, 2007), 64.

[67] Michael Billig, *Banal Nationalism* (London, 1995).

ты узбекства и относить к таковым[68]. Музей, карта, и перепись были поставлены на службу строительства узбекского народа, но только после того, как была создана Узбекская республика.

Создание Узбекистана также дало импульс «узбекизации» республики. Эта позиция была подтверждена политикой коренизации. Коренизация, напомним, должна была сделать советскую власть коренной в нерусских областях путем переключения государственных и партийных учреждений на языки коренных народов и комплектования их представителями местного населения, чтобы дистанцировать советскую власть от ее предшественников в царской России. На практике коренизация лишь немного осложнила положение русских в нерусских частях Советского государства (и чрезмерный энтузиазм в этом отношении мог даже вызвать гнев ОГПУ), но во всем СССР, она дала руководствам союзных республик лицензии национализировать свои республики и ассимилировать группы населения, которые в то время рассматривались как меньшинства[69]. Русские, однако, не рассматривались в качестве национального меньшинства в Узбекистане (или любой другой национальной республике в СССР). Файзулла Ходжаев утвердил эту истину на 1-м съезде Советов республики, когда заявил, что роль русских в установлении советской власти сделала их равными узбекам во всех отношениях в республике[70]. Поэтому основной целью коренизации оказалось не европейское население, а «национальные меньшинства» республики, и самым тяжелым бременем пала на его многочисленное персоязычное население. Как мы увидим в главе 9, попытка узбекизации персоязычного населения респуб-

[68] Ingeborg Baldauf, "'Kraevedenie' and Uzbek National Consciousness", Papers on Central Asia, 20 (Bloomington, 1992).

[69] Основной работой по коренизации остается Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, 2001). Одной успешной историей коренизации была Украина, где краткий русский язык был многозначными путями смещен украинским языком; об этом см. Елена Борисенок, *Феномен советской украинизации: 1920-1930-е годы* (Москва, 2006).

[70] *1-й Всеузбекский съезд советов*, 30.

лики произвела таджикский национализм, что способствовало идее национализации населения региона.

Становление узбеков узбеками

Вот отрывок для чтения одного из первых учебников узбекского языка для второклассников, опубликованный в Узбекистане:

> Зия Эфенди, недавно прибывший из Стамбула, был назначен преподавателем родного языка при Ўзбек билим юрти… Однажды, он хотел обучить глаголу настоящего времени учеников 2-го класса.
>
> Ученики во 2-м классе были из разных городов и сел. ... После приветствия, Зия Эфенди спросил учащихся, «Не ёпиёрсунуз? Что вы делаете?» Все они ответили поразному: ташкентские сказали: «Ёзвотмиз, мы пишем», самаркандские: «Ёзоймиз», кокандские: «Ёзёпмиз», наманганские: «Ёзутмиз». Некоторые учащиеся из сельских районов ответили: «Ёзвотимиз», а другие – «Ёзётимиз». Были и те, кто сказал: «Ёзиб ўтурибмиз» или «Ёзиб турибмиз».
>
> Услышав так много вариаций на глагол настоящего времени из уст детей одного государства (*мамлакат*) и одной нации (*миллат*) Зия Эфенди очень удивился.[71]

Этот отрывок является захватывающим просто потому, что в качестве центрального персонажа изображает *эфенди* из Стамбула через добрых 6 лет после того, как все османские учителя были изгнаны из Туркестана, и страх перед иностранцами и пантюркизмом стал определять официальное мышление (Учебник был подвергнут нападкам в прессе за его «контрреволюционное» и «узкое» националистическое содержание, и отрывок был вырезан из его следующего издания). Но он также представляет в очень ясной форме дилемму, стоящую перед национализирую-

[71] Қаюм Рамазон, изд., *Ўзбекча тил сабоқлиги,* часть 2, 3-е изд. (Ташкент, 1926), 103.

щейся интеллигенцией Узбекистана. Они имели Узбекистан; теперь они должны были сделать узбеков. Оседлое тюркоязычное население Средней Азии было далеко не единым языковым сообществом. Оно сохраняло огромное разнообразие диалектов. Задача планировщиков языка в создании единого языка из этого многообразия отражает более широкую проблему построения единой нации из разрозненных оседлых групп, которые оказались классифицированными как узбеки во время национального размежевания. Во многих отношениях создание современного узбекского литературного языка сталкивалось с теми же проблемами, хотя в меньших размерах и более локальном масштабе, как и создание общего тюркского языка, что пытались сделать другие.

Дебаты по языковому планированию свидетельствовали о более широких неопределенностях относительно формы национальных культур в эпоху революции. Основной вопрос заключался в том, где следует корениться узбекской советской национальной культуре – в массах или в высокой традиции прошлого. В более широком смысле, какое значение собиралось иметь прошлое в определении узбекского настоящего в те беспокойные времена, когда строились новые миры (по крайней мере, в мечтах)? Для Фитрата ответ был ясен. Узбекское настоящее коренится в национальной подлинной высокой традиции прошлого, в каноне величия, которым узбеки настоящего время могут гордиться, даже, если это прошлое нуждалось в исправлении. В ряде научных работ (в которых он был ограничен после 1926 г.), он представлял себе генеалогию узбекского народа XX в., которая лежала в исламизированном тюркском прошлом региона. Музыка была одной из главных страстей Фитрата. В Бухаре он создал школу «восточной музыки» и пригласил Виктора Успенского возглавить экспедицию для сбора и фиксирования бухарских *макомов*. В 1927 г. он представил традицию *макома*, сформированную под «влиянием арабов и персов», как «узбекскую классическую музыку». Современная узбекская музыка должна была иметь свою основу в своей классической традиции, кото-

рая должна была быть сохранена путем записи и исследования[72]. Аналогичным образом, в 1927 и 1928 гг. Фитрат опубликовал две антологии тюркской литературы из Средней Азии, которые стремилась установить генеалогию современной узбекской литературы. «Собирая материалы для истории узбекской литературы, мы не можем остановиться на чагатайской», писал он, нам следует вернуться к восточному тюркскому языку, который Махмуд Кошгари, лексикограф XI в., назвал тюркским языком хакани (в отличие от огузского)[73]. Линия узбекской литературы была больше, чем период узбекского правления. «Наш регион [ўлка] стали называть узбекским регионом только в XVI в., но все знают, что тюрки жили в Средней Азии в течение длительного времени». Созданная ими литература превратилась в чагатайскую, которая была наследием, дошедшим до джадидизма.[74] Вторая антология «Примеры узбекской литературы» содержит выдержки из «Девон лугот ат-турк» Кошгари («Компендиум тюркских языков»), орхонских надписей (тюркских текстов VIII в. из Монголии), устные эпосы «Алпомиш» (записанный со слов *бахши* Гази Юнусом в 1921 г.) и «Деде Коркут», прозу Юсуф Хос Ходжиба и Рабгузи, поэзию Ясави, Атои (‘Ato’и), Хусайна Бойкаро, Навои (Наво’и) и Бобура, темуридского основателя династии Великих Моголов в Индии. Оба тома представляют собой солидные работы по текстологической науке, написанные в соответствии с Османской и Российской тюркологическими науками, и служат делу установления канона современной узбекской литературы, которая выступает в качестве наследника всей тюркской литературы, созданной в Средней Азии.

Но это видение языка как хранилища самой нации и зеркала его достижений столкнулось со стремлением сделать письменный язык ближе к разговорному, чтобы он был более демокра-

---

[72] Фитрат, *Ўзбек қилоссиқ мусиқоси ва унинг тарихи* (Самарқанд, 1927); см. также Kale-Lostuvalı, “Varieties of Musical Nationalism in Soviet Uzbekistan”.

[73] Фитрат, *Энг эски турк адабиёти намуналари: адабиётимизнинг тарихи учун материаллар* (Самарқанд, 1927), III–IV.

[74] Фитрат, *Ўзбек адабиёти намуналари* (Самарқанд, 1928), XI.

тичным и более понятным для населения (особенно, когда цель образования масс была одной из важнейших). Различные диалекты «узбекского» существенно различались друг от друга: некоторые из них были богаты гласными (имея 9 или 10 гласных) и сохранили полную гармонию гласных (ключевую особенность тюркских языков), а также словарный запас, «не загрязненный» персидско-арабскими словами, в то время как другие, особенно те, что из городских районов, приобрели персидскую фонетику (всего 6 гласных звуков), потеряли гармонию гласных, и усвоили обширный лексический пласт иностранного происхождения. Наиболее чистые тюркские наречия в то же время были наиболее сельскими и лингвистически находились дальше всего от чагатайского языка. Многие из *джадидов* благосклонно относились к тому, чтобы литературный язык базировался на простонародных диалектах, сохранивших гармонию гласных, и были не согласны с позицией Фитрата.

Различия в произношении не могли оставаться в стороне, так как цель фонетической орфографии была принята всеми сторонами. Появление латинизации как возможности принесло в головы идеи. Пропаганда принятия латинского алфавита для тюркских языков стало популярным движением в Азербайджане сразу же после революции, где лингвист и политик Сәмәд Ага Агамали оглу неустанно продвигал эту идею как панацею для преодоления не только неграмотности, но и всех форм отсталости.[75] К 1923 г., благодаря настойчивости Агамали оглу, движение распространилось за пределы Азербайджана, и Наркомнац в Москве стал рассматривать вопрос о латинизации.[76] Этот более широкий тюркский контекст оказался решающим для Узбекистана, хотя до тех пор вопрос латинизации в основном отсутствовал в страстной дискуссии вокруг орфографической реформы в Средней Азии. Пропаганда Боту латинских символов в

[75] В 1928 г. он утверждал, что освобождение женщин не может быть успешной без латинизации. Оғамоли ўғли, «Маданий инқилоб ва янги алифбе», *Аланга,* № 12 (декабрь 1928), 2–5.

[76] С работой Комиссии по реформе арабского алфавита в Наркомнаце можно ознакомиться в ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 1544.

1921 г. была необычной позицией, вызвавшей в то время мало откликов. Точно так же, Д.Е.Поливанов, русский лингвист в Туркомпросе, в 1922 г. выработал латинский алфавит, но мало что из этого вышло. Все изменилось, когда в марте 1926 г. азербайджанские энтузиасты организовали 1-й Тюркологический съезд в Баку для обсуждения вопроса о принятии латинского алфавита для всех тюркских языков Советского Союза. Политбюро вначале был насторожено, но после съезда с энтузиазмом проголосовали за принятие латинского алфавита и создание единого алфавита для всех тюркских языков Советского Союза, поддержало это движение.[77] Еще до решения Политбюро, однако, узбекские партийные власти приняли дело как свое собственное. В мае коммунистическая организация старого города Ташкента восторженно проголосовала за поддержку латинизации после слушания отчета Шокиржона Рахими, одного из узбекских делегатов в Баку.[78] Несколько дней спустя, консультативная комиссия уже собралась в Самарканде, чтобы начать составление проекта предложений. В июле был создан более формальный Центральный комитет по латинизации (Марказий лотинлаштириш Қўмитаси) УзЦИК, который работал совместно с Академическим центром Узкомпроса, где ответственным был Поливанов.[79] Консультативная комиссия опубликовала свои предложения в октябре, после чего стремление к латинизации только увеличилось.[80] В 1927 г. был разработан пятилетний план внедрения сценария, но было характерно для того периода, что другие резолюции, перенесли дату полного осуществления лати-

[77] О политике, окружавшей Бакинский съезд и его прохождение через партийную иерархию, см. Martin, *The Affirmative Action Empire*, 186–190. Материалы конгресса были опубликованы как *Первый всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет* (Москва, 1926); См. также Baldauf, *Schriftreform und Schriftwechsel*, chap. 18.

[78] «Туркиёт курилтойининг якуни», *Қизил Ўзбекистон,* 14.05.1926.

[79] Ўзбекистон Халқ Маориф Камисарлиги, *Ўзбекистонда маориф ишлари* (Самарқанд, 1927), 85.

[80] Раҳим Иноғамов, «Лотин асосида тузилган янги алифбога кўчамиз», *Қизил Ўзбекистон,* 18.10.1926.

низации на ноябрь 1930 г.[81] В результате переход был гораздо более постепенным, с большим количеством выпусков газет в период между 1929 и 1931 гг., публиковавших некоторые статьи в арабской графике, а некоторые в латинской. Книгоиздание, похоже, перешло полностью на латинский алфавит в 1930 г.

Решение партии взять под свой контроль этот аспект культурной политики было связано с более широким наступлением на «идеологическом фронте», которое она начала в 1926 г. При латинизации партия столкнулась на удивление слабое сопротивление или недовольство. (Контраст с Татарстаном не мог быть больше, где многие влиятельные фигуры, такие как Галимжан Ибрагимов, решительно выступали против латинизации.) В Комиссию по латинизации, которая была образована в июле 1926 г., входили многие партийные деятели (Иногамов, Акмал Икромов Файзулла Ходжаев, Юлдаш Ахунбабаев), но в нее также входили Фитрат, Элбек, Шокиржон Рахими и Хаджи Муин, *джадиды*, принимавшие участие в дебатах по языку и орфографии еще до революции, но раньше не относившиеся к латинизации благосклонно.[82] Возможно, они видели надпись на стене и считали оппозицию латинизации бесполезной. Но мы также должны помнить, что в то время как в Узбекистане латинизация превращалась в политику партии, во главе ее стояли азербайджанские деятели, пользовавшиеся большим уважением и восхищением узбекских *джадидов*. В то время широко обращалось внимание на связь между латинизацией и прогрессом, и не только в Советском Союзе. Консультативная организация Лиги Наций даже предвидела всеобщее принятие латинского алфавита в ближайшем будущем.[83] В 1924 г. латиница была принята офи-

[81] «Янги ўзбек алифбосини амалга ошириш учун 5 йиллиқ иш плани», ЦГА РУз, ф. 94, оп. 5, д. 64а, л. 1–7. Для знакомства с различными партийными и правительственными решениями по этому вопросу см. William Fierman, *Language Planning and National Development: The Uzbek Experience* (Berlin, 1991), 106–110.

[82] «Лотин ҳарфларини қабул қилиш тўғрисида тўртинчи сессиянинг қарори», *Қизил Ўзбекистон,* 04.07.1926.

[83] International Institute of Intellectual Co-Operation, *L'adoption universelle des caractères latins* (Paris, 1934).

циально в Азербайджане, и «латинизаторы» собирались даже поставить вопрос о введении латиницы для русского языка.[84] Не было большим совпадением, что в 1928 г. Ататюрк также планировал переход на латиницу в Турции. На самом деле, турецкий шаг был более решительным и резким – газетам было дано 3 месяца, чтобы перейти на новый алфавит – чем попытки, предпринятые в Советском Союзе.

После того, как было принято решение перейти на латиницу, возникла настоятельная необходимость принять решение о фонетической структуре узбекского языка. До национального размежевания вопрос сингармонизма не возникал. До того орфографическая реформа предполагала систему с 6 гласными, подразумевавшую отсутствие гармонии. Поливанов выступал за принятие за основу литературного языка свободный от гармонии Ташкентский диалект, просто потому, что это был диалект наиболее «развитой» области Узбекистана. Абдулла Алави, среди прочего, утверждал обратное: для Алави большинство узбекских поэтов уже писали в литературной форме, которая допускала гармонию гласных; современный узбекский язык должен быть основан на этой «популярной литературе», а не на «литературе дворца».[85] Битва бушевала и вопрос пока не был решен до мая 1929 г., когда Узбекская орфографическая конференция проголосовала за 9 гласный алфавит с полным сингармонизмом.[86] К тому времени, к дебатам среди интеллигенции присоединилась сама партия, и голосованию по алфавиту предшествовал залп резолюций различных партийных организаций в пользу полной вокализации.

---

[84] Об этом см. Martin, *Affirmative Action Empire*, 196–198.

[85] Абдулла Алавий, «Тилимиз тўғрисида бир икки сўз», *Аланга,* № 2 (1928): 9–10.

[86] Об открытости дискуссии свидетельствуют материалы, собранные в сборнике, подготовленном в преддверии конференции 1929 г.: А.Йўлдош, изд. *Тил-имло масалалари* (*мақола ва материаллар тўплами*) (Самарқанд, 1929). Краткое резюме дискуссии см. Андрей Выдрин, «Фитрат, Поливанов, Сталин и другие», *Звезда Востока,* 1994, №. 5-6: 150–172; См. также Fierman, *Language Planning,* 69-81, 129–133.

Полностью вокализированный узбекский язык был признан языком масс, следовательно, более «пролетарским» и более советским. Свободные от гармонии городские диалекты, с другой стороны, представляли культуру дворца и ислама, а в целом, нездоровый буржуазный национализм и пантюркизм. Поэтому было не удивительно, что поворот к полной вокализации сопровождался все более резкими нападками на чагатаизм и на Фитрата лично. Узбекистан состоялся, но чагатаистское видение его было под угрозой.

Узбекистан в сравнительной перспективе

Мы можем сделать паузу в конце этой главы, чтобы поставить создание узбекства и Узбекистана в контексте становления наций по всему миру. Узбекский народ не является «естественным» явлением, но это не просто дело рук имперского советского режима, стремившего разделить подчиненное ему население, чтобы лучше было покорить его. Скорее всего, в то время он был воображен и построен через сложное взаимодействие интеллектуалов, государственной власти, классификационной системы науки, и многого другого. При этом он такой же, как и большинство других народов мира. Узбекистан интересен не тем, что был «построен», а условиями, в которых это произошло. Это был дореволюционный проект национальной интеллигенции, осуществившийся в советских условиях и видоизмененный ими.

Становление Узбекистана представляло торжество идеи (этнической) нации, пришедшей в Среднюю Азию из нескольких направлений. Как я показал в этой главе, все вовлеченные стороны – *джадиды*, национал-коммунисты, европейские этнографы, советские администраторы – увидели, что население состоит из отдельных народов, которые заслуживали (или требовали) территориальную автономию. Для *джадидов* (и национал-коммунистов), главным источником вдохновения был подъем идеи тюркизма в десятилетия, предшествовавшие революции, которая привела к этнизации конфессионального-территориального видения нации («мусульмане Туркестана»), которая подкрепила

политическое воображение *джадидов* до 1917 г. Тюркизм, как мы уже видели, был разработан в общественном пространстве, охватывавшем как Российскую, так и Османскую империи. В 1920-е гг. подъем тюркистских национальных проектов наблюдался также в Татарстане, Азербайджане, и, наиболее активно, в Турции. Эти различные проекты во многом были переплетены (особенно в области языка и орфографической реформы) и среди них можно провести много параллелей. Однако, устаревший троп «пантюркизма», сам по себе, мало помогает в понимании успеха тюркизма в эти годы. Тюркизм всегда был полифоническим рассуждением. Чагатаистский проект был насквозь тюркистским, но противопоставлял себя как османам, так и персидскому миру. Тюркизм был таким не везде. В Османской империи тюркизм был мятежом против Османского наследия. Оставшиеся от нее династия и высокая культура стали рассматриваться как неподлинные, космополитические и коррумпированные. В этой связи тюркизм был глубоко подрывным. В Средней Азии тюркизм направлен на возвеличивание давно потерянной империи, чье величие (и высокая культура) должны были быть возрождены.

Советские администраторы и работавшие на них европейские этнографы пришли к национальности не из побуждения классифицировать ее как технологию управления.[87] Национальное размежевание Средней Азии было попыткой привести запутанность к ясности, чтобы укрепить этнические границы, не допустить перемешивания народов, заменить сложные локально укорененные идентичности более широкими и абстрактными. Это упростило этнической лексикон региона, накладывая на беспорядочную реальность единую классификационную систему, которая могла лежать в основе территориальных конструкций народов. Размежевание привело к официальному признанию 8 групп среди коренного населения (6 из них возникли как «титульные» носители территориальной автономии, а также местные евреи и уйгуры) и, следовательно, упрощение этничес-

[87] Это является ключевым заключением, сделанным Hirsch, *Empire of Nations.*

кой номенклатуры региона. Все остальные группы были отнесены к «субэтнической» (*кипчак*, *курама*) категории, или как имевший неформальный статус, в результате чего многие обозначения просто исчезли. Размежевание ознаменовало торжество идеи нации как основного узла культурной идентичности в Средней Азии. В общем плане это было реализацией не только пан-советской политики, но и отражением некоторых основных положений современности в целом. Несмешивание народов, кристаллизация национальных классификаций и гомогенизация национального пространства – все это было отличительной чертой той эпохи. Партия гнушалась сравнения с «буржуазным национализмом» в других странах, но ее понимание онтологической реальности наций имеет много общего с националистами во всем мире. Национальное размежевание Средней Азии было частью пансоветской политики, но эта политика имела свой самый очевидный аналог в разграничении, которое в те же годы изменило облик земель Габсбургской империи. В XX в. превращение Средней Европы (Mitteleuropa), места смешения населения с несколькими уровнями конкурирующих идентичностей, в национализированную Центральную Европу является, возможно, наиболее четким аналогом переделке Средней Азии советской национальной политикой. Разделение «мусульман Средней Азии» на узбеков и таджиков было большой трансформацией, как та, которая превратила жителей города Будвейс (Budweiss) в чехов и немцев, или национализация польско-украинского пограничья (т. н. *кресы*).[88] Национализация и несмешивание населения проводились как национальными движениями, так и государствами, и это сделало население однородным во многих местах по всей Евразии. Такая же гомогенизация населения была важной частью современности, когда она развернулась в Европе. В этом отношении опыт Средней Азии при советской власти был удручающе нормальным.

[88] Jeremy King, *Budweisers into Czechs and Germans: A Local History of Bohemian Politics, 1848–1948* (Princeton, 2002). О *кресы* см. Kate Brown, *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland* (Cambridge, MA, 2004).

Однако национальное размежевание в Средней Азии было, прежде всего, политическим процессом, в котором редко привлекались знания экспертов.[89] Хотя, безусловно, инициированное Москвой размежевание было не просто навязыванием центра коренной реальности. Настойчивые требования, начиная, по крайней мере, с 1920 г. перевода казахского населения Туркестана в Казахскую республику в составе РСФСР представили четкие доказательства того, что среди политических деятелей Средней Азии укоренились мнения о желательности этно-территориальной однородности. Принятые в 1924 г. решения были вынесены не на основе применения каких-либо ранее существовавших, бесспорных этнографических знаний, которых еще не существовало. В 1924 г. этнографы играли незначительную роль в реальных дебатах по классификации (вопрос о том, сколько наций было в Средней Азии) или из-за территориальных претензий. Однако, после того, как были сформированы новые национальные республики, этнографическая экспертиза стала играть важную роль, чтобы вносить некоторые уточнения в протяжение границ, составленных в 1924 г., но в большей степени в предоставлении этнографического разрешения на национальные претензии в последующие десятилетия. Фольклоризация национальной идентичности в СССР с 1930-х гг. во многом была обязана этнографам и этнографическим знаниям.

То, что восторжествовала в 1924 г. было национальными проектами, а не нациями. Как мы уже видели, Узбекистан и его жители еще предстояло сделать узбекскими. Этот процесс тоже нормальный в истории создания наций, точно, как большая часть так называемых «исторических наций» Западной Европы, как и более поздних новоявленных. Французская нация существует как гомогенная единица со своим самосознанием потому, что французское государство подвергало территории, которыми оно управляло, большой степени централизации, разрушая гетерогенность местных идентичностей, структур власти, диалектов, и т. д. Действительно, как лихо утверждал Ойген Вебер, это всего лишь были обстоятельства конца XIX в. (военный призыв,

[89] Здесь я не согласен с Hirsch.

общественное образование, железные дороги, телеграф), которые в конечном итоге превратили крестьян в французов.[90] XX в. изобилует случаями национальных проектов, использовавших средство национализирующих государств с целью формирования из гражданского населения национальных субъектов.[91] Аналогичным образом национальный проект превращения «мусульман Туркестана» в узбеков достигается за счет аналогичного набора политики и практики.

Сравнение с Турцией показывает поразительные параллели с узбекским случаем. Анатолийское сопротивление оккупации Антанты было мобилизовано во имя «османских мусульман» и риторика мусульманского национализма доминировала в борьбе, пока она продолжалась. Это была Турецкая Республика, которая после своего основания в 1923 г. превратила «османских мусульман» в турков, а Анатолию в турецкую родину.[92] Словами Ататюрка, «народ Турции, основавший турецкое государство, называется турецкой нацией».[93] Особенно в 1930-е гг. кемалистский режим спонсировал разработку новой этнической турецкой идентичности в комплекте с официальной историей и мифами происхождения.[94] Это сопровождалось сознательной политикой этнической гомогенизации путем вытеснения нему-

---

[90] Eugen Weber, *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914* (Stanford, 1976).

[91] О национализирующих государствах см. Rogers Brubaker, *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* (Cambridge, 1996).

[92] Gülçiçek Günel Tekin, *İttihat Terakki'den Günümüze Yek Tarz-ı Siyaset: Türkleştirme* (Istanbul, 2006); Soner Çağaptay, *Islam, Secularism, band Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk?* (London, 2006); Uğur Ümit Üngör, *The Making of Modern Turkey: Nation and State in Eastern Anatolia, 1913–1950* (Oxford, 2011); Hale Yılmaz, *Becoming Turkish: Nationalist Reforms and Cultural Negotiations in Early Republican Turkey, 1923–1945* (Syracuse, 2013).

[93] Цитируется по Çağaptay, *Islam, Secularism, and Nationalism*, 14.

[94] Büşra Ersanlı-Behar, *İktidar ve Tarih: Türkiye'de "Resmi Tarih" Tezinin Oluşumu* (*1929–1937*) (Istanbul, 1992); Etienne Copeaux, *Espaces et temps de la nation turque: analyse d'une historiographie nationaliste, 1931–1993* (Paris, 1997).

сульман (через дискриминацию или прямое изгнание), и насильственной ассимиляции не тюркоязычных мусульман. Главными жертвами этого процесса были, конечно, курды, которые обнаружили, что на самом деле они являются «горными турками», но в каком-то смысле исчезновение боснийцев, албанцев, лазов и черкесов в общей турецкости Анатолии является еще более показательным. Республика спонсировала также создание канона турецкой литературы, проводила политику очищения языка и латинизировала орфографию. На всем протяжении 1920-х гг., устойчивая кампания привела к исключению арабской и персидской лексики и грамматических заимствований из турецкого языка и к созданию новых терминов. В нач. 1930-х гг. под эгидой полуофициального общества турецкого языка этот процесс принял но- вые крайности с созданием чистого турецкого языка (Öztürkçe), полученного только из тюркских источников. Реализованные под явным руководством национального режима, эти преобразования существенным образом отражают те, что происходили в Узбекистане. На самом деле, можно думать, что Турция и Узбекистан были коллегами – наследниками «западной» (Османской) и «восточной» (Чагатайской) тюркских культурных и политических традиций, каждая из которых была национализирована в нач. XX в. через переплетенные, но различные по содержанию тюркизмы. Как было отмечено выше, тюркизм в Османской империи оказался анти-Османским и подрывал существующие в то время имперские реалии; тюркизм в Средней Азии был направлен на реанимацию потерянного имперского единства. Тем не менее, существует четкое сходство между путями, которыми мусульманские жители в Анатолии стали турками, а в Трансоксиане – узбеками. Кроме того, аналогично преобразование литературных языков в этих двух мирах. Современный узбекский язык имеет точно такое же отношение к чагатайскому, как современный турецкий к османскому. Они являются простонародными, «упрощенные» версиями литературных стандартов соответственно восточного и западного тюркских миров. Оба в нач. XX в. были тюркизированы и модернизированы, хотя не стоит забывать, что узбекский язык сегодня ближе к своему предшественнику, и менее подвержен радикальной трансформа-

ции, чем турецкий. Современные узбеки могут понять текст, скажем, 1914 г. с большей легкостью, чем современный турок. Большинство поздних османских и ранних республиканских текстов в Турции, в т.ч. учредительные документы Турецкой Республики, должны быть переведены на современный турецкий, чтобы быть понятными для современной аудитории. В Узбекистане такого не наблюдается, несмотря на прошедшие 70 лет советской власти. Узбекистан, конечно, не имел национального государства, как то, которым управлял Мустафа Кемаль (Ататюрк). Однако существовали существенные способы, в которых советские условия делали национальность политически и социально имеющей отношение к повседневной жизни людей, в то время как советские учреждения, такие как школы, газеты, музеи, карты и переписи национализировали население, которое было равнодушным к идее нации или которое идентифицировало себя по другим осям различия, чем нация.[95] Советские республики действовали как мириады других национализирующихся государств XX в. в создании чувства национальной идентичности среди своих граждан.

Тем не менее, большая часть этого лежала в будущем. Конечно же, были сопротивление, и компромиссы, тоже, но в долгосрочной перспективе, национальные проекты увенчались успехом. Короткие пределы были разными. Определение узбекства сразу же после создания Узбекистана было глубоко чреватым процессом, в котором узбекские интеллектуалы должны были бороться с требованиями советского государства и коммунистической партии. Последние 3 главы этой книги наметят судьбу дореволюционной узбекской интеллигенции. В следующей главе, однако, мы обратимся к тому, как «таджик» стал определяться как советский успех чагатаистского проекта.

[95] В этом отношении важное значение имеет «паспортизация» национальной идентичности в СССР и ее связь с некоторым уровнем этнических предпочтений. См. также Kamp, “Pilgrimage and Performance”.

XVI

ТАДЖИКИ КАК ОСТАТОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ[96]

Адиб Халид

До сих пор мы были сосредоточены на подъеме тюркизма и торжестве идеи узбекской нации, которая унесла за собой мантию мусульманской государственности в Средней Азии. В этой главе мы обратимся к судьбе персоязычного населения Средней Азии. Персидский язык был языком *мадраса* Самарканда и Бухары и огромного объема литературного производства городов. Вплоть до конца старого порядка в Бухаре в 1920 г. канцелярия эмира функционировала на персидском языке. Что случилось с этим наследием? Почему Таджикистан, который появился в 1924 г., был таким маленьким и сельским, а не персоязычным аналогом тюркского Узбекистана?

Сегодня эти вопросы являются очень актуальными, так как и Узбекистан, и Таджикистан претендуют на легитимность в продолжительной (*longue durée*) истории региона. Таджикские интеллектуалы, считающие себя хранителями иранского (или «арийского») пламени в море тюркства, обижаются, что древние центры персидской культуры принадлежат Узбекистану. Они ставят в этом вину как на таджикских интеллектуалов 1920-х гг. за то, что они не смогли защитить интересы своего народа, так и на «узбекских пантюркистских шовинистов», присвоивших себе права таджиков, и утверждают, что размежевание с самого начала было направлено против таджиков.[97] В этой главе, я приведу набор разных ответов на вопрос о странной форме Таджикистана, возникшего в 1924 г. Таджикистан возник в таком

[96] Комментарий редактора к этой статье см. в Приложении.

[97] Позиция таджиков, возможно, лучше всего изложена в серии работ Рахима Масова: *История топорного разделения* (Душанбе, 1991); *Таджики: история с грифом «совершенно секретно»* (Душанбе, 1995); *Таджики: вытеснение и иссимиляция* (Душанбе, 2003); см. также Мухаммаджони Шакурии Бухорои, *Пантуркизм ва сарнавишти тарихи тожикон* (Душанбе, 2010).

виде потому, что в 1924 г. не было таджикского народа. Персоязычные интеллектуалы и политические деятели не идентифицировали себя в качестве таджиков и, следовательно, не отстаивали прав таджикского народа. Большинство из них были приверженцами чагатаистского видения Средней Азии. Национальное размежевание заморозило на месте все виды вероятностей, одним из которых было увлечение тюркизмом, которое испытывали все модернистские интеллектуалы Средней Азии, независимо от того, на каком языке они говорили. Таджики определялись другими как преимущественно сельское население горных крепостей Восточной Бухары, единственного места с изолированным персоязычным населением в Трансоксиане. Создание Таджикистана привело к ряду нарушений чагатаистского проекта, но это не изменило фундаментального определения таджикства, кристаллизированного размежеванием 1924 г.

Отсутствие таджиков

Самое поразительное то, что в нач. XX в. в рассуждениях об идентичности в Средней Азии является почти полное отсутствие какой-либо мобилизации или агитации от имени персоязычного населения Трансоксианы. В то время, как *джадиды* открывали тюркские корни Средней Азии и близость с тюркскими народами других стран, не было параллельного открытия иранских корней или близости с Ираном, и персидский язык никогда не был средством национальной мобилизации. Это требует некоторого пояснения.

Трансоксиана уже давно была лингвистической границей между сферами влияния тюркского и персидского языков. Столетия миграции и оседания тюркоязычных племен образовали глубокий симбиоз между носителями тюркского и персидского языков, что привело к большому числу совместных браков и билингвизма, так что отделение «узбека» или «турка» от «таджика» или «иранца» было не просто делом разделения разноцветных шариков в баночке. Скорее всего, персоязычные и тюркоязычные народы жили глубоко взаимосвязанной жизнью, в которой обычаи и практика были идентичными, двуязычие обыч-

ным, и *язык никогда не был узлом идентичности.*[98] Другие оси различия также отвергали лингвистическое. Персоязычное население разделялось по конфессиональному и сектантскому признакам. Наряду с необозначенным суннитским населением, персоязычное население включало *эрони* (иранцев), в основном ши'итских потомков иранских военнопленных или рабов, захваченных во время войн Бухары с Ираном в XVIII и нач. XIX вв., а также значительную общину бухарских евреев. *Эрони* были синонимом ши'изма и считались отличным от персоязычного населения Трансоксианы в целом, которое имело больше общего с оседлыми тюркоязычными соседями, чем с их персоязычными ши'итскими или еврейскими соседями.[99] Более того, персид-

---

[98] О Средней Азии как тюркско-персидской границе см. Scott Levi, "Turks and Tajiks in Central Asian History", in *Everyday life in Central Asia: Past and Present*, ed. Jeff Sahadeo and Russell Zanca (Bloomington, 2007), 15–31, или Maria Eva Subtelny, "The Symbiosis of Turk and Tajik", in *Central Asia in Historical Perspective*, ed. Beatrice Forbes Manz (Boulder, 1994), 45–61; о тюркско-персидском двуязычии см. Aftandil S. Erkinov, *From Persian Poetic Classicism to Timurid Mannerism: Chaghatay* (*Turkic*)*-Persian Bilingualism in the Intellectual Circles of Central Asia* (*1475–1900*), не опубликована; Gerhard Doerfer, "Central Asia, xiv. Turkish-Iranian Language Contacts", *Encyclopædia Iranica* (London, 1992), 5: 226–235.

[99] В 1912 г. Мунаввар кори перечислил «турк, форс [и] персийон» как различные группы мусульман в Средней Азии; Мунаввар кори, *Адиб-и аввал* (Ташкент, 1912), 30. *Форс* (<*фарси*) переводится как персидский язык; *персийон* заимствовано из русского языка для обозначения «персидского языка»! Сочетавшиеся таким образом эти два термина явно предназначались для указания сектантской, а не лингвистической, разницы. В русском языке слово *перс*, «персидский язык», означает ши-'изм, так же как и персидскую речь. Таким же образом, мы имеем следующее замечательное утверждение, произнесенное на собрании Туркомнаца в 1919 г.: «Тов. Шакиров делил Персидскую национальность на две народности: тов. Эфендиев является представителем персов-Кавказских татар, говорящих на Тюркском языке, но имеются еще персы-фарсы, как то: персы-афганцы и таджики говорящие по фарсидски, а поэтому необходимо разбить их на два отдела, из коих Азербайджанские и Кавказские Тюрки составляют одну секцию, а персы-афганцы и

ский разговорный язык, не говоря уже о письменном, в Бухаре или Туркестане продолжал называться *фарси*, персидский, а термин *таджикский* никогда для него не использовался. Модернистские писатели старались писать «на говоре Бухары», как это делал Фитрат в своих ранних работах,[100] и когда появилась «Бухоро-йи Шариф» («Благородная Бухара»), первая газета, опубликованная в Бухаре, ее азербайджанский редактор подвергся критике со стороны многих читателей за использование языка, который они считали слишком иранским.[101] Однако такая поддержка местного использования никогда не переходила в претензии на своеобразие таджикского языка.

На самом деле, в нач. XX в. персидский язык в Средней Азии был в некотором роде отступления. Когда в 1868 г. востоковед барон Розен посетил Самарканд, язык на улице был прочно персидским. В 1904 г., когда в этом городе был В.В.Бартольд, ситуация была совершенно иной.[102] Город вырос и привлекал переселенцев из тюркоязычной глубинки, в то время как царская администрация общалась с местным населением в основном через тюркских переводчиков. Джадидская пресса, возникшая в Самарканде, была в основном на узбекском языке, хотя «Ойина» Бехбуди содержит несколько статей на персидском языке. Изменения были даже в Бухаре. Вскоре после своего основания, «Бухоро-йи шариф» стала замещаться дважды в неделю своим тюркоязычным эквивалентом, вызываемым «Турон», так как газета

таджики другую секцию». ЦГА РУз, ф. 34, оп. 1, д. 327, л. 8об (08.02. 1919).

[100] Фитрат Бухоройи, *Мунозара-йи мударриси бухоройи бо як нафар фаранги дар Хиндустон дар боро-йи макотиб-и жадида* (Истанбул, 1327 m./1911), 2.

[101] Развернувшийся спор был сосредоточен на выборе одного литературного стандарта, который также считался его сторонниками чистым и авторитетным, и близости к разговорному языку в Бухаре; см. *Бухоро-йи шариф*, 14.03.1912, 19.03.1912, 20.03.1912, 23.03.1912, 25.03. 1912.

[102] В.В.Бартольд, «Таджики: исторический очерк», в Н.Л.Корженевский, изд., *Таджикистан: сборник статей* (Ташкент, 1925), 111.

на персидском языке «оставила много людей в Бухаре лишенными» ее преимущества.[103] Языковая ситуация менялась.

Одна попытка определить идентичность для персоязычного населения Туркестана на основе языка была результатом советской инициативы и определена как *эрони*. Категория «таджик» в значительной степени отсутствовала с точки зрения зарождающихся советских учреждений. В 1918 г. ТурЦИК объявил тюркский язык государственным наравне с русским, и советские учреждения имели склонность относиться к необозначенному оседлому мусульманскому населению Туркестана как синониму *узбек*. Точно так же, указ Политбюро, подтверждавший автономию Туркестана в 1920 г. описал коренное население Туркестана в составе узбеков, казахов и туркмен, без какого-либо упоминания о таджиках.[104] Однако, в 1919 г. Туркомнац создал «персидский» раздел в качестве одной из групп, нацеленных на различные «национальных меньшинства» Туркестана. Он также финансировал публикацию печатного органа на персидском языке.[105] «Шу‘ла-йи инқилоб» («Искра революции») был издан в Самарканде Сейидом Ризо Ализода, *эрони* с большим опытом в общественной жизни в городе: до революции он сотрудничал с Бехбуди в «Ойина» и был автором нескольких передовых статей. После 1917 г. он с энтузиазмом принимал участие в организации коммунистической партии в старом городе Самарканда.[106] Именно он сформулировал идею *миллат-и форс,* «персид-

---

[103] Жалол, «Вақтимизга муносиб», *Турон*, 11.07.1912.

[104] ГАРФ, ф. 1235, оп. 93, д. 582, л. 173–173об; *Известия* (Москва), 27.08.1920.

[105] Вопросы, рассмотренные в этих разделах, более подробно исследованы Lutz Rzehak, *Vom Persischen zum Tadschikischen: Sprachliches Handeln und Sprachplanung in Transoxanien zwischen Tradition, Moderne und Sowjetmacht* (*1900–1956*) (Wiesbaden, 2001), 88–113; см. также Paul Bergne, *The Birth of Tajikistan: National Identity and the Origins of the Republic* (London, 2007).

[106] Об Ализода см. Аъзамжон Азимов, «Саидризо Ализода ва ташаккули матбуоти тожик», в его *Публицистика ва замони муосир* (Душанбе, 2004), 85–89; Ғоибулло ас-Салом, *Фозил инсон қиссаси* (Самарқанд, 2000).

ская нация», состоящую из всех персоязычных жителей Туркестана.[107] «Язык», утверждал он, «является большой опорой государственности, ибо с исчезновением языка вся народная речь теряется и стирается».[108] Тем не менее, персидский народ имел твердое основание в Туркестане, который был суперэтнической родиной, *ватан,* этого народа и получателем лояльности и низкого поклона. «Родина наша мать, наша честь», писал Ализода. «Наша плоть и наши кожи выросли на земле Турана. Наши тела и наша жизнь пропитаны воздухом Туркестана».[109] Для авторов «Шуʻла-йи инқилоб» было мало противоречия между их персидской речью и их лояльностью к Туркестану-Турану, а свою поддержку советского режима они видели в основном через призму «восточной политики». Действительно, освобождение мусульманского мира, особенно Индии и Афганистана, судьбы армии Мустафа Кемаль-паши в Анатолии, и неустанная критика британской гегемонии в мусульманском мире доминировали на страницах «Шуʻла-йи инқилоб», которая совсем не отличались в этом отношении от тюркской мусульманской печати того времени.

Но главной страстью большинства политически активной персоязычной интеллигенции Туркестана и Бухары была приверженность тюркизму. Она уходила корнями в увлечение Османской империей за ее статус самого мощного мусульманского государства того времени и образца мусульманской современности. В частности, для бухарцев османские реформы стали образцом для подражания. Иран, с другой стороны, был слишком мал и не готов обеспечить такое же вдохновение, в то время как сектантское разделение, которое отделяло его шиʻитское население от суннитской Бухары не имело значения. Не удивительно, что «Тарбия-йи атфол», благотворительное общество, организованное бухарскими благотворителями, послало студентов в

[107] «Хитоб бамиллат-и форс», *Шуʻла-йи инқилоб*, 30.08.1919, 7.

[108] Заявление редакции в *Шуʻла-йи инқилоб*, 15.05.1919, 8; С.Ализода, «Шуʻба-йи форс дар хузури идора-йи корҳо-йи милли», *Шуʻла-йи инқилоб*, 10.07.1919, 1–2.

[109] Ситамдида, «Туркистон ватан-и мост», *Шуʻла-йи инқилоб*, 22.05. 1919, 1–2.

Стамбул, а не Тегеран. Выбор был роковым, ибо именно здесь бухарские студенты переняли увлечение своим тюркским происхождением и стали привержены тюркизму. Тюркизм был путем к прогрессу и современности, к исламу, освобожденному от искажений веков, и к мужскому, здоровому будущему. С другой стороны, персидское наследие стало представлять тонкую поэзию прошлого, но также мистицизм, религиозное искажение, слабость и упадок. Такой процесс деперсизации, имевший место также в Закавказье, был составным элементом тюркизма.[110]

Поэтому взрыв тюркизма в 1917 г. означал отрицание персидского языка и наследия, которое он представлял. В период до 1917 г. было значительное количество публикаций на персидском языке в Средней Азии, в т. ч. джадидистской литературы. Ряд учебников и произведений модернистской поэзии появились в Самарканде, среди которых была и газета, «Бухоро-йи шариф». Фитрат первым использовал современный стиль прозы, лишенный богатой лексики прошлого. Махмудходжа Бехбуди, совершенно двуязычный самаркандский *джадид*, отмечал значение персидского языка «для нас туркестанцев», поскольку «это язык *мадраса* и литераторов… [и] разговорный в ряде городов и селений в Самаркандской и Ферганской областях Туркестана». Он утверждал, что в Туркестане, «каждый тюрк должен знать персидский язык, а каждый персоязычный (*форс*) – тюркский язык», а затем добавил, что туркестанцы должны освоить не 2, а 4 языка, где два других это арабский (для того, чтобы лучше знать ислам) и русский (чтобы знать о мире).[111] Журнал Бехбуди «Ойина» (Зеркало), в основном, был на узбекском языке, но включал также несколько статей на персидском языке. Однако, 1917 г. был отмечен значительным поворотом против

[110] В конце XIX в. в Закавказье большая часть интеллигенции стремилась подчеркнуть свою передовую этническую идентичность и осуждать персидскую связь. Tadeusz Swietochowski, *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition* (New York, 1995), 30–35; Volker Adam, "Abdulla Sur (1883–1912) und seine 'Türkische Geschichte' als Quelle zur Erforschung nationaler Diskurse im vorrevolutionären Aserbaidschan", *Jahrbuch Aserbaidschanforschung*, no. 3 (Berlin, 2010), 112–141.

[111] Бехбудий, «Икки эмас, тўрт тил лозим», *Oyina*, 26.10.1913, 12–14.

персидского языка в Туркестане. Когда Бехбуди выпустил газету «Хуррият» («Свобода»), она была исключительно на узбекском языке (включая Фитрата, одного из постоянных авторов); Узбекский был единственным языком, используемым мусульманскими культурными и политическими организациями, появившимися в Самарканде в период после революции. Даже в Бухаре, узбекский язык был языком современной политики. Когда в апреле 1917 г. молодые бухарцы провели свою злополучную демонстрацию, выкрикивали лозунг «Да здравствует свобода» на узбекском, а не персидском языке.[112] *Улемы* продолжали писать на персидском языке, но они не были заинтересованы в дискуссиях по поводу идентичности и после 1918 г. все более изолировались от общественной жизни. Однако, модернисты после революции почти ничего не опубликовали на персидском языке. Даже решение о публикации «Шу'ла-йи инқилоб» вызвало противодействие со стороны некоторых мусульманских активистов на том основании, что официальным языком Туркестана был тюркский.[113]

В воображении чагатаистов Туркестан должен был стать просто землей тюрков. Хаджи Муин, совершенно двуязычный человек канцелярии из Самарканда, просто утверждал, что «95 % населения автономного Туркестана состоит из нас – тюркских

[112] Мухаммад Али ибн Мухаммад Саййид Балжувани, *Тарих-и нафи'и*, изд. Ахрор Мухтор (Душанбе, 1994), 43.

[113] Мы знаем об этом из опровержения этого положения Ализода: «Як су-йи қасди ғаржкорона бамажалла-йи мо», *Шу'ла-йи инқилоб*, 17.04. 1919, 2–3. Когда журнал сворачивался из-за отсутствия финансов, его редакторы попросили узбекоязычную газету «Самарқанд камбағаллар товуши» издавать один выпуск каждую неделю или каждые две недели на персидском языке, чтобы «сильная трех миллионная таджикская и персидская нация (*тожик ва форс миллати*) не была полностью лишена печатных изданий». Этот запрос был отклонен на том основании, что «все таджики и персы могут читать на тюркском языке и поэтому нет никакой потребности выпускать отдельную газету или журнал на персидском языке». «'Шу'ла-йи инқилоб' мажалласининг идораси тарафиндан», *Камбағаллар товуши*, 17.01.1922.

мусульман».[114] Многие носители персидского языка, по сути, начали видеть себя тюркскими. Фитрат, конечно же, главный пример. Он вернулся из Стамбула убежденным, что бухарцы были «на самом деле» тюркского происхождения, но забыли свой собственный язык и приняли персидский под иранским культурным влиянием.[115] Этот аргумент имеет центральное значение для тюркизма, выдвинувшегося его в 1917 г., и многие носители персидского языка, похоже, согласились с ним. Мы знаем из критических ссылок на *узбакнумайи ва турктараши*, в буквальном смысле «передавая себя как узбека и превращая себя в турка» (или, более свободно, «самоузбекизация и самотюркизация»), в «Шу'ла-йи инқилоб», что это явление было довольно распространенным.[116] Даже многие из тех, которые должны были стать стандартными носителями таджикской идентичности в последующее десятилетие мыслили о себе как об узбеках до времени после создания Таджикистана. В 1925 г. Оргбюро вновь образованной Коммунистической партии Таджикистана оплакивало тот факт, что «огромное большинство грамотных таджиков, получив образование на узбекском языке, говорит на нем с большой охотой, и свободнее, чем по-таджикски, а часть из них даже называют себя узбеками».[117] Очарование персоязычной интеллигенции тюркизмом было реальностью и определило политическое будущее региона.

Чагатаистакое видение персоязычного населения региона было лаконично отмечено Вадуд Махмудом, другим двуязычным деятелем из Самарканда, который был директором женского колледжа учителей, литературным критиком и плодовитым писателем. Более того, он был также личным другом Фитрата и

---

[114] Ҳожи Муин, «Тил масаласи», *Маҳнаткашлар товуши*, 18.06.1918 (в его *Танланган асарлар*, изд. Н.Нозимовой [Ташкент, 2005], 81).

[115] Сохиб Табаров, *Мунзим* (Душанбе, 1992), 40.

[116] «Бамуносибат-и анжуман-и имло-йи узбакон», *Шу'ла-йи инқилоб*, 20.02.1921, 2–4.

[117] Таджикский обком Сталину, июль 1925, в *ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос* (Москва, 2005), 291–292.

Чулпона, и принимал участие в «Чигатой гурунги».[118] Статья в вопросе была вызвана гневом автора на то, что «В последние дни в Ташкенте один студент из Самарканда и еще один или два из Худжанда вместе с таджикским преподавателем из Памира поднимают вопрос о таджикстве». Вадуд признавал, что советским законом все народы в советском государстве пользуются правом на самоопределение и использования своего собственного языка, но видел его мало применимым к таджикам. «Общее число таджиков в Туркестане с точки зрения статистики совсем не известно. Согласно подсчетам в 1920 г., во всем Туркестане имеется до 1,2 млн. таджиков. Как проводился этот подсчет и кем были те, которые назывались таджиками, является сомнительным вопросом». Вадуд также сомневался, что города Самарканд и Худжанд были преимущественно таджикскими. «В Самарканде есть много кварталов (*махалла*), в которых язык всех семей узбекский». Даже Богишамол, окрестности Самарканда с преобладанием *эрони*, где была основана газета «Шу'лайи инқилоб», был заселен «тюркскими племенами, которые только недавно мигрировали из Мерва. Их семейный язык тюркский (*туркча*). ... В Самаркандском Богишамоле нет никого [из таджиков] кроме нескольких «сайидов» и «ага» из Ирана, которые руководят текущим таджикством и которые некоторое время издавали журналы на персидском языке». То же самое можно сказать о Худжанде и Бухаре.[119] Вадуд признавал, что было таджикские население в сельской местности, но все они жили среди узбеков и были двуязычными в разной степени. Язык, однако, был сутью дела для Вадуд, и именно в связи с этим, он сделал самые яркие утверждения. «Мы знаем много других народов мира, говорящих на двух языках, чей родной язык отличается от языка их культуры. Культурная жизнь (*маданий турмушлари*) и литературы этих двуязычных наций осуществляются на этом официальном литературном языке». Это

[118] О Вадуде см. Баҳодир Карим, *Жадид мунаққиди Вадуд Маҳмуд* (Ташкент, 2000); Сирожиддин Аҳмад, «Вадуд Маҳмуд», в www.ziyouz.com.

[119] В.М., «Тожиклик атрофида», *Туркистон*, 30.12.1923, 04.01.1924.

должно быть и в случае с таджиками, которые должны ограничить свой «домашний язык» домом и использовать в общественной жизни узбекский язык. Рассуждения Вадуда стоит процитировать полностью:

> Глубоко ошибочным является понятие, что язык нужен только для приобретения грамотности или чтения алфавита. Язык следует понимать как инструмент культуры. Язык должен иметь литературу, и должен обеспечивать все потребности сегодняшней общественной жизни. … Для такой культурной жизни (*маданий ҳаёт*) таджикский язык или персидский язык Ирана не достаточен. Желание использовать эти языки означает отдалиться от вступления в жизнь (*тирикликка кирмакдан узоқлошмоқ*), потому что среда и ход истории препятствуют этому. Во-вторых, принять этот язык не [значит] принять какой-то полезный язык, а [значит] принять бесполезный, лишний язык. Правда, мы любим персидский за то, что это старый литературный язык. Это тонкий, игривый язык, литературный язык. Мы извлекаем пользу из его «классической персидской» литературы. В этой отношении персидский хороший язык. Но есть разница между «хорошим» и «полезным», и нам нужен больше «полезный», чем «хороший». Именно по этой причине, для таджиков городов и их окрестностей нужен не отдельный язык, а скорейшее и прямое введение [среди них] узбекского языка.[120]

Утверждая, что персидский язык красивый, но не подходит для современной жизни, Вадуд здесь повторял центральный постулат модернистской тюркистской мысли. Тюркский язык был более современным и более прогрессивным, поскольку он имел больший запас современных знаний. Вадуд был готов допустить, чтобы персидский язык преподавался в средних и высших учебных заведениях, «чтобы сохранять это двуязычие» и «потому что я сам из тех, кто считает знание персидского языка

[120] В.М., «Тожиклик атрофида», *Туркистон* , 04.01.1924.

большим достоинством», но он не видит для него места в общественной жизни Туркестана.

Была одна группа персоязычного населения, которая жила компактными группами без каких-либо контактов с узбеками, и была свободна от этих рассуждений. Это были «горные таджики» Восточной Бухары и горных районов Туркестана, наиболее сельских и наиболее отдаленных районов Средней Азии. «Нам нужно обратить на них внимание и открыть школы для них, даже если они не желают этого для себя», при условии, что они живут не в двуязычной зоне, и образование должно быть на их родном языке. Таким образом, именно эти «горные таджики» – не ассимилируемые, далекие и разные – обозначали таджикство для узбекско-ориентированной интеллигенции, *включая большинство носителей персидского языка.* Именно они должны были быть бенефициарами территориальной автономии во время национального размежевания в 1924 г., и именно они должны были нести бремя персидского наследия Средней Азии.

Культурная политика младобухарцев в правительстве вытекала из этих предположений и была решающим фактором в определении судьбы таджикства. Как истинные отпрыски эмирата, большинство младобухарцев были двуязычными, и для них быть «узбеком» или «таджиком» был вопросом выбора. Подавляющее большинство выбрали узбекский язык. Для них Бухара была воплощением чагатайского наследия Средней Азии, тюркского государства, и путь к его искуплению лежал через национализацию и тюркизацию. После того, как они оказались в управлении бухарского государства, они продолжили навязывать свое понимание бухарской идентичности государству. Новый режим переключил язык канцелярии на узбекский и постановил, чтобы все новые школы, которые были открыты в первом порыве революционного энтузиазма, работали на узбекском языке. Государство разрешило школы на персидском языке для «наших иранских и персидских братьев (*эроний ва форсий бирodарларимиз*)», но «собственный народ Бухары (*Бухоронинг ўз халқи*)»

должен был получать образование на узбекском языке.[121] Инспекторы Министерства образования иногда признавали, что ученики в тюркоязычных школах не понимали их уроки, потому что у себя дома они говорили на таджикском,[122] но это понимание было политически неудобным и исчезло в архивах. Фитрат снова свидетельствует о более широких страстях. В 1923 г. он пригласил музыковеда Виктора Успенского в Бухару, чтобы записать бухарский *шашмаком* как часть программы сбора и оформления национального достояния республики. Шашмаком всегда пелся на персидском языке, часто еврейскими певцами, и, таким образом свидетельствует о гибридной природе высокой бухарской культуры. Фитрат хотел, чтобы наследие Бухары было чагатаистским, следовательно, тюркоязычным, и тексты песен, собранные Успенским не соответствовали желаемой структуре. Результаты усилий Успенского были, в конце концов, опубликованы, но музыкальные записи не сопровождались текстами.[123] Во время своего краткого пребывания на посту министра образования Фитрат, говорят, налагал штрафы на тех, кто говорил на работе по-персидски.[124] Один из его учеников, Саттор Джаббор, рассказывал с удовольствием, как во время своего пребывания на должности, Фитрат «сделал многих персизированных мулл снова тюрками (*kaytadan Türk yapmıştir*)», заставляя их, которые «забыли свой родной язык», говорить с ним только по-тюркски.[125]

---

[121] Маориф Назорати, «Марказ ижроия қўмитасига», ЦГА РУз, ф. 47, д. 82, л. 25–25об (01.12.1921).

[122] «Туркий ибтидоий халқ мактабларининг бориши тўғрисида Доклод», ЦГА РУз, ф. 56, оп. 1, д. 24, л. 4 (21.11.1921).

[123] А.Джумаев, «Открывая черный ящик прошлого», *Музыкальная академия*, 2000, № 1, 89–103.

[124] Мухаммаджон Шакури Бухорои, *Хуросон аст инжо: ма'навият, забон вуа аҳёи миллии тожикон*, 2-е изд. (Душанбе, 1997), 146, цитирование обвинения, переданного в таджикской прессе в 1930 г.

[125] Settar Cabbar, *Kurtuluş Yolunda: A Work on Central Asian Literature in a Turkish-Uzbek Mixed Language*, ed. A. Sumru Özbay et al. (Stuttgart, 2000), 145. Cabbar/Жаббор был одним из сту дентов, посланных в Германию в 1922 г.; цитируемый здесь текст был составлен в 1931 г. для

В практике государственного управления БНСР термин *таджик* также едва существовал где-либо как категория. Словарь идентичности в пользовании государства был нестабильным и (по этническому признаку) совершенно запутанным. В нач. 1924 г. все государственные учреждения в Бухаре были опрошены о состоянии коренизации в их рядах. Результаты этого опроса представляют интерес для чтения. Сам процесс был назван *мусульманизацией* на русском языке, и *миллийлаштириш* («национализация») на узбекском. В любом случае, основная ось разницы была в том, что отличает европейцев от других. Министерство финансов делит своих сотрудников на мусульман, татар и русских. Министерство сельского хозяйства использовало простые категории «местных» (*ерли*) и «европейских» (*Оврупоти*). Администрация провинциальной полиции Бухары классифицировало своих сотрудников как тюрков, персов [*форс*], таджиков, русских, евреев, и татар, в то время как провинциальный исполком использовал термины «бухарец» [*Бухоролик*], татарин, русский и еврей.[126] Номенклатура не была стандартизирована, но *таджик*, похоже, здесь использовался только для жителей восточной части Бухары; население города Бухары и глубинки республики определялось либо как бухарцы, узбеки, или тюрки. Один набор статистических данных, представленных в 1922 г. в ЦК БКП Серго Орджоникидзе, определял численность таджиков в Бухаре в 390 000, лишь 14 % от общей численности населения в 2,3 млн. человек.[127]

турецкой аудитории, и оставался в форме машинописи, пока он не был обнаружен филологами в 1990-х и издан с лингвистическим анализом его предположительно «смешанного языка» и горестно бедным переводом.

[126] ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 474, passim.

[127] РГАСПИ, ф. 85, оп. 23, д. 78, л. 12.

Таджикские голоса были замечательны почти полным отсутствием в спорах по размежеванию.[128] Создание Таджикской автономной области в Узбекистане было предложено Файзуллой Ходжаевым, а не таджикским комитетом, которого не существовало. В мае 1924 г., когда Средазбюро вступило в стадию реализации процесса размежевания границ, были созданы национальные подкомитеты для всех национальностей, которые были признаны территориально. Таджиков среди них не было. Абдулле Рахимбоеву было поручено помочь тад- жикским членам партии, «если они хотели провести свою собственную конференцию по этому вопросу».[129] Из этого предложения ничего не вышло, и процесс пошел вперед без таджикского подкомитета и даже без каких-либо таджикско-идентифицирующихся членов узбекской подкомиссии.[130] Когда Средазбюро создало территориальную комиссию, чтобы выработать детали новых границ, таджикской подкомиссии все еще не было, пока в нее не были назначены Абдурахим Хожибоев, Чинор Имомов и Мусо Саиджонов. Хожибоев родился в Худжанде в 1900 г. и учился в русско-туземной школе до переезда в Ташкент в 1918 г., чтобы поступить в новообразованный Народный университет для изучения агрономии. Будучи студентом, он был отправлен в Закаспийскую область для создания местных советов. Он провел год в Мерве и Красноводске, и в основном преподавал, прежде чем вернуться домой. Его подвиги в Закаспийской области были замечены советскими властями, и он был поставлен на работу в сельскохозяйственном отделе Худжандского уезда. Он поднимался по служебной лестнице и в 1923 г. вошел в исполком

[128] Этот вопрос хорошо освещен Arne Haugen, *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia* (Basingstoke, 2003), 149–153.

[129] РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 100, л. 2 (05.05.1924)

[130] Это наблюдение было сделано Усмонхоном Эшонходжаевым на собрании 10 мая. Хомутхонов, член узбекской подкомиссии из Самарканда, вмешавшись, сказал, что, «когда мы обсуждали этот вопрос в Самарканде, то там единогласно было постановлено» присоединиться к узбекской подкомиссии. РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 100, л. 30.

Ферганской области, а в декабре был назначен заместителем наркома сельского хозяйства Туркестана. Ни одна из его работ не была конкретно связана с таджиками, и не было никаких оснований полагать, что до назначения в территориальную комиссию в качестве таджикского делегата Хожибоев идентифицировался как таджик.[131] Его позиция мало чем отличалась от таковой многих других членов партии, определявших себя в качестве узбеков. Карьера Имомова была очень похожей, за исключением того, что он жил и работал, в основном, в Самарканде. Саиджонов происходил из важной бухарской семьи и был ведущим деятелем движения младобухарцев. Таджикская подкомиссия была заполнена назначенцами узбекской делегации. Поэтому не удивительно, что первоначальное предложение о Таджикской автономной области перешло в законодательство без изменений или возражений.

Это предложение существует в архивах в виде недатированного и неподписанного документа, но который явно исходил от узбекской стороны.[132] Он перекликается с многими из предположений, лежавших в основе приведенного выше видения таджиков Вадуда Махмуда. Документ начинается с утверждения, что точных статистических данных нет, но признает существование 1, 240, 000 таджиков в Средней Азии. Единственной «непрерывной зоной с преобладанием таджиков» была Восточная Бухара и соседние районы Самаркандской области, и они должны были образовать Таджикскую автономную область. «Что касается остальных таджиков, то их пока нецелесообразно присоединять к Таджикской области», утверждал документ, потому что большая часть этого населения проживает в городах долины Зарафшана, где они, хотя и преобладают, но так как эти города были центрами узбекских районов, тесно связанных с окружающим узбекским населением экономическими и торговыми интересами и

[131] Эта характеристика основана на моем чтении против волокна биографии Хожибоева, написанной его дочерью. Б.А.Ходжибоева, *Абдурахим Ходжибоев: страницы короткой жизни* (Худжанд, 2000).

[132] «К вопросу об организации таджикской автономной области», РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 102, л. 8–19.

условиями водоснабжения, «не представляется поэтому возможным выделять эти таджикские центры хотя бы в отдельные автономные округа или районы». Таким образом, основная часть таджикского населения не вошла в состав Таджикской автономии, которая, в свою очередь, состояла из самых сельских, экономически неразвитых и отдаленных районов Туркестана и Бухары. Таким образом, таджики Таджикистана оказались синонимом «горных таджиков», воплощением отсталости и угнетения. По словам самого узбекского предложения,

> Предоставление автономии этой области имеет особенно большое значение, так как ни один народ в мире не испытывал пожалуй, такого продолжительного и тяжелого гнета, как горные таджики. Вытесненные победителями-тюрками в высокие горные ущелья, они вынуждены были нести там полуголодное существование, страдать от малоземелья и вечно бороться с суровой горной природой. Раздробленные на мелкие и изолированные группы, они постоянно подчинились деспотической власти мелких ханов, чуждого им происхождения. Принадлежа к одной из самых культурных народностей Азии, имеющей многовековую культуру и богатейшую литературу, они сами были исключительно невежественны. Грамотные мужчины среди них являются редкой и счастливой случайностью, а женщины почти все поголовно неграмотны.[133]

Хотя этот документ признавал существование таджиков в городах долины Зарафшана (т. е. в Самарканде и Бухаре), он также начал процесс их ассимиляции.

Это основное предложение о создании Таджикской автономной области прошло через весь процесс размежевания, в основном, без изменений. Единственное изменение произошло в самом конце процесса от центра: Всесоюзный центральный исполнительный комитет поднял статус Таджикистана от автономной области до уровня автономной республики, и прикрепил к ней район Памира в качестве автономной области. Таджикистан,

[133] Там же, l. 12.

предусмотренный в 1924 г., был небольшим, сельским и отчаянно бедным. У него не было никаких городов; его столица была основана в небольшой деревне, названной по еженедельному рынку, проходившему в ней каждый понедельник. Новая республика была провозглашена только после того, как новое правительство прибыло в Душанбе словно после поездки, напоминающей колониальную экспедицию. 1-й съезд Советов был проведен только в декабре 1926 г., а до этого времени Таджикистан продолжал управляться назначенным ревкомом с полномочными полномочиями. Ссылки на исключительную культурную отсталость «таджиков» были обычным делом в прессе того времени. В ходе политического духа, таджики, предполагаемые наследники городской цивилизации Средней Азии, были превращены в сельское, обитающее в горах, изолированное сообщество, определявшееся своей «культурной отсталостью».

Этот Таджикистан, по всем намерениям и целям, был возвращенной территорией восточной части Бухары. Восточная Бухара была домашней базой архиконсервативных *'улама'*, которые были против проведения реформ в эмирате; она была также оплотом *басмачей*, воевавших против младобухарцев и гарантировала то, что в 1924 г. централизованный контроль над этим регионом был еще номинальным. Если Узбекистан основывался на Бухаре, то Таджикистан был задуман как место, которого в Узбекистане не желали. На самом деле, как мы вскоре увидим, Таджикистан стал свалкой для проигравших политические сражения в Бухаре. Таким образом, становление Таджикистана было обратной стороной создания Узбекистана. Если Узбекистан был наследником Темуридской государственности в Средней Азии, Таджикистан представлял чуть больше, чем наименее приручennые части Мангытского порядка. Создание Таджикистана было актом иссечения со стороны узбекского руководства.

Число коммунистов в новой республике было ничтожным, и оказалось трудно найти людей, чтобы управлять ею. Первый Таджикский ревком возглавил Нусратулла Махсум, уроженец Гарма, и, таким образом, один из очень немногих коммунистов, имевших на самом деле какое-либо выдающееся положение с территории новой республики. Но даже он вырос в Коканде до

вступления в Бухарскую Коммунистическую партию после революции. В 1923 г. он посетил Восточную Бухару в качестве заместителя начальника окружного суда с полномочными полномочиями установить власть правительства БНСР.[134] В 1925 г. он вернулся в регион, чтобы установить власть Таджикской автономной республики.[135] Новая республика была укомплектована, в основном, посторонними, немногие из которых пошли туда добровольно. В учреждениях новой республики было много европейцев, которые принесли с собой чувство миссии, но часто были разочарованы тем, с чем они здесь столкнулись.[136] Политическое руководство включало также много «таджиков» из Туркестана или Бухары. Мало кто из этих людей ранее 1924 г. претендовал на таджикскую идентичность, и большинство их оказались в Таджикистане, потому что потерпели поражение в различных фракционных борьбах в Ташкенте или Бухаре.[137] Абдукодир Мухиддинов, ставший председателем Таджикского совнаркома после 1-го съезда Советов, на протяжении всей своей карьеры в движении младобухарцев определял себя в качестве узбека.[138] В 1924 г. он участвовал в спорах по размежеванию со стороны узбекской делегации и никогда не произносил ни слова (по крайней мере, ни одно не зафиксировано

---

[134] ЦГА РУз, ф. 48, д. 182, л. 30.

[135] О Махсуме см. Р.Масов, изд., *Фидоии миллат* (Душанбе, 2001). Биографические заметки о нем изобилуют в интернете; среди них лучшая, возможно, Р.Абдулло, «Нусратулло Махсум: Он строил независимый советский Таджикистан» (27.06.2011). Доступна в http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1309165380.

[136] Botakoz Kassymbekova, "Helpless Imperialists: European State Workers in Soviet Central Asia in the 1920s and 1930s", *Central Asian Survey* 30 (2011), 21–37.

[137] Gero Fedtke, "How Bukharans Turned into Uzbeks and Tajiks: Soviet Nationalities Policy in the Light of a Personal Rivalry", in *Patterns of Transformation in and around Uzbekistan*, eds. Paolo Sartori and Tommaso Trevisani (Reggio Emilia, 2007), 19–50.

[138] См., например, анкету, где Мухиддинов идентифицировал себя как узбека: «18-инчи февролда бўлган Нозирлар шуросининг ходимлари исфискаси», ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 474, л. 9 (18.02.1924).

стенографистками) на предмет таджиков. Но у него была давняя вражда с Файзуллой Ходжаевым, и создание Таджикистана предоставило Ходжаеву возможность, чтобы, наконец, победить своего соперника. Он использовал свое членство в Оргбюро вновь образованной Коммунистической партии Узбекистана, чтобы назначить Мухиддинова Таджикским ревкомом.[139] В бухарской терминологии это было административным изгнанием в восточную часть Бухары. Политическое поражение, наконец, сделало Мухиддинова таджиком.

Были многие другие, прибывшие в Таджикистан после поражения в политической борьбе в Ташкенте. Аббос Алиев, первый Таджикский комиссар по образованию, родился в Бухаре в семье иранского происхождения. Его отец был активистом Иранской Демократической партии. Сам Алиев до 1917 г. учился в русских и иранских школах в Чарджуе и Ашгабате, где он, похоже, был вовлечен в социалистические организации. Его отец был убит в 1917 г., и Алиев присоединился к первой Бухарской Коммунистической партии, когда она была основана в 1918 г. Как и многие члены БКП, Алиев, выступал в оппозиции младобухарцам в ранние годы БНСР. В 1922 г. он был наказан и отправлен в Москву, чтобы пройти обучение в Коммунистическом университете для тружеников Востока. Когда он возвратился, в 1925 г. был назначен на должность Таджикского ревкома[140]. Абдулла Рахимбоев был, как и Хожибоев, из Худжанда. Он поднялся высоко в КПТ как узбек. Поражение во фракционной борьбе, в которой победа снова была в руках Файзуллы Ходжаева, привело к его отъезду в Москву, где он занимал множество незначительных должностей. Он возвратился в Средней Азию только в 1933 г., на сей раз как таджик, чтобы

[139] Fedtke, “How Bukharans Turned into Uzbeks and Tajiks”, 33.

[140] Подробности о молодости Алиева имеются в его автобиографии, которую он написал в 1923 г. для вступления в партию: РГАСПИ, ф. 62, оп. 4, д. 633, л. 96–97 (сентябрь 1923). Современную биографию написал Махаммаджони Шакури, «Аббос Алиев», в Махаммаджони Шакури Бухорои, *Фитнаи инқилоб дар Бухоро/Аббос Алиев* (Душанбе, 2010), 103–139, который, опустив политические неудачи Алиева, представил его в качестве галантного борца против пантюркизма.

заменить Хожибоева в качестве главы совнаркома Таджикистана. Многие другие партийные работники, обвиненные во фракционизме и интригах закончили свои карьеры в Таджикистане. В ранние годы Таджикистаном управляли, в основном, люди, оказавшиеся там случайно.

Рахим Масов отметил, что читая документы по размежеванию, не узнаешь даже о существовании таджиков. Он прав, но не по тем причинам, в которые он верит, а именно, в «беспринципной, а точнее говоря, преступной по отношению к таджикскому народу, соглашательской, предательской позиции таджикской подкомиссии».[141] Мы можем поставить вопрос несколько по-другому. В 1924 г. в Средней Азии было много носителей персидского языка, но [не было] никакого таджикского народа. Более того, не существовало даже таджикского национального движения, которое могло бы говорить от имени потенциального таджикского народа, или выдвигать за него требования и бороться за его признание. При отсутствии такого признания, единственной вещью, отличавшей носителей персидского языка от их тюркоязычных соседей был язык, а он просто никогда не был указателем идентичности или узла мобилизации для носителей персидского языка Туркестана. Действительно, в 1924 г. таджики не существовали как народ.

Строительство таджикской культуры

Первоначальное узбекское предложение о создании Таджикской области предполагало, что городские таджики из Узбекистана будут служить в качестве резерва для кадров в «восточно-бухарской Таджикской области».[142] Однако лишь немногие из этих кадров были заинтересованы, чтобы переехать в сельскую глушь Таджикистана. Самарканд в течение нескольких лет оставался центром таджикского издательства, в котором первенство взяли целый ряд ссыльных разных сортов. Наиболее важной фигурой в таджикской культуре был Айни. Он был ведущим в

[141] Масов, *История топорного разделения*, 47.
[142] РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 102, л. 7.

Средней Азии автором, писавшим на персидском языке (хотя он писал также на узбекском языке), и именно он впервые использовал термин *таджикский* для языка, и ввел в оборот, чтобы отличить его от персидского языка. Это тоже был Айни, который практически в одиночку создал свод таджикской литературы, писал рассказы, романы, и работы по истории в своей жизни полной необыкновенной производительности. (Необычным было также то, что его жизнь не оборвалась в 1938 г.). Еще при жизни он был признан выдающимся таджикским интеллектуалом, но почти до конца своей жизни продолжал жить в Самарканде, переехав в Душанбе всего за несколько месяцев до своей смерти в 1954 г. Вторым крупным деятелем таджикской культурной жизни в этот период был другой изгнанник, Абу-л-Косим Лохути, ветеран политических беспорядков в Иране, который бежал в Советский Союз после провала дерзкого восстания в Табризе в 1922 г.[143] Лохути 3 года провел в Москве, где продолжал писать, но нашел также работу в издательстве народов СССР, которое затем возглавлял Назир Туракулов. Лахути быстро достиг известности как советский писатель – сборник его стихов, прославлявших революционную эпоху в Советском Союзе, был опубликован в Москве, а Чулпон перевел его на узбекский язык. В 1925 г. Лохути был откомандирован в Душанбе в качестве главы секции агитации и пропаганды (агитпроп)

[143] Лохути был важным участником политических беспорядков в годы после иранской конституционной революции. Он бежал из Ирана во время Великой войны, и провел несколько лет в Стамбуле во время 1-й мировой войны. Он вернулся в Иран и вновь окунулся в политическую борьбу, которая завершилась восстанием в Табризе. Лучшим источником информации о деятельности Лохути остается краткий автобиографический отрывок, который он опубликовал в очень официальном месте, но который остается незаменимым: Абдулкасим [*так!*] Лахути, «О себе», *Советская литература,* 1954, вып. 4: 138–144; о более широком контексте иранской жизни Лохути, см. Stephanie Cronin, “Iran’s Forgotten Revolutionary: Abulqasim Lahuti and the Tabriz insurrection of 1922”, in *Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New Perspectives on the Iranian Left*, ed. Stephanie Cronin (London, 2004).

Таджикского обкома, где он провел 5 лет.[144] Еще одним изгнанником был Нисар Мухаммад, индийский революционер, служивший в качестве комиссара республики по вопросам образования.[145] И, наконец, учет первых лет таджикской литературы не может быть полным без упоминания самого Фитрата, который вернулся в таджики после десятилетия отречения.

Фитрат был человеком, который ввел современное писание прозы в персидскую литературу в Средней Азии. До 1917 г. его персидские писания были новыми не только по содержанию, но и по стилю.[146] Фитрат избегал частых витиеватых конструкций, которым благоволили писатели персидской традиции, и вместо этого последовал новым обычаям простоты, прямоты и близости к разговорному языку, получившим также распространение в современной иранской литературе. Тем не менее, он отрекся от персидского языка в 1917 г. и ничего не публиковал на нем до 1927 г., когда он написал «Суриши Восе‘» («Восстание Восе‘»), пьесу о крестьянском восстании в Бухаре в 1880-е гг. Работа аналогична «Арслон», его пьесе на узбекском языке о земельной реформе, появившейся в том же году. То, что толкнуло Фитрата обратно в царство персидского языка, была резкая критика его и его работы за их якобы пантюркизм. Писание на таджикском языке было для Фитрата способом, чтобы избежать преследования новых самозванных советских узбекских «деятелей культуры» и опровергнуть обвинения в пантюркизме. Литературная продукция Фитрата в годы после 1927 г. (когда бои на «идеологическом фронте» были нацелены на дореволюционную интеллигенцию с еще большим ожесточением, как мы это увидим

---

[144] Обстоятельства прибытия Лохути в Душанбе были быстро мифологизированы; для постсоветской оценки см. Худойназар Асозода, *Саргузашти Устод Лохути* (Душанбе, 2009).

[145] Подробности жизни Нисар Мухаммада скудны; он был известен как Нисар Мухаммад Афганский, но советские источники также утверждали, что он был британским подданным из Пешавара, бежавшим из страны от смертного приговора, нависшего над его головой; см. Rzehak, *BOM Persischen,* 148–149n.

[146] Садриддин ‘Айни, *Намуна-йи адабиёти тожик* (Москва, 1926), 531.

в следующей главе) были сосредоточены на персидские темы. Это тоже было формой изгнания, и случай Фитрата был во многих отношениях аналогичным с Мухиддиновым. Политические трудности в Узбекистане привели Фитратом обратно в мир персидской письменной традиции, который теперь окрестили таджикской.

Тем не менее, создание Таджикистана привело к отступничествам от чагатаистского проекта, так как многие персоязычное интеллектуалы стали идентифицировать себя таджиками. Некоторые из них были ветеранами письменной традиции, такие как старый друг и коллега Айни Абдувохид Мунзим и грозный Саййид Ризо Ализода. Другие принимали участие в узбекской культурной жизни, и видели себя узбеками. Хаджи Муин, который в 1917 г. упрекал Фитрата за то, что он писал на персидском языке, стал крупной таджикской фигурой, каким стал и Туракул Зехни (1892 – 1983) из Самарканда, бывший в 1923 г. делегатом на конференции по узбекской орфографии[147]. Нарзулло Бектош (1900 – 1938), родился в Самарканде, до 1926 г. был заядлым чагатаистом. Он принял псевдоним по имени анатолийской суфия и даже отрицал существование каких-либо таджиков в Самарканде. Мы не знаем, что привело к изменению в его сердце, но в 1928 г. он переехал в Душанбе и занимал ряд важных редакционных должностей.[148] Другие вошли в литературную жизнь впервые. Поэт Пайрав Сулаймони (1899 – 1933) происходил из обеспеченной бухарской семьи. Он учился в иранской школе в Мерве и во время революции был зачислен в русское реальное училище в Кагане. Он работал в советских учреждениях в Ташкенте и Самарканде, где и закончилась его короткая жизнь. В Таджикистане он никогда не жил.[149] Жалол Икроми (1909 – 1993) происходил из известной семьи *казиев* в Бухаре, которая была лишена собственности революцией. В

[147] «Ўрта Осиё ўзбекларининг имло конференсияси», *Туркистон,* 31.10.1923.

[148] Абдухолиқ Набиев, *Нарзуллои Бектош ва илми адаби тожики солҳои 20–30 садаи XX* (Душанбе, 2004).

[149] Соҳиб Табаров, *Пайрав Сулаймони: Очерки ҳаёт ва эҷодиёт* (Душанбе, 2013).

1927 г. он все еще считал себя узбеком, но писал на обоих языках. Встреча с Айни дала первый рассказ Икроми, опубликованный в «Роҳбар-и дониш», когда он был еще студентом в Бухаре. Он переехал в Душанбе только в 1930 г.[150] Эти авторы вместе составляли интеллигенцию с таджикским самосознанием, которая сделала много, чтобы сформулировать параметры таджикства.

Они действовали в литературном поле таджикского языка, который также возник в результате создания Таджикской республики. В Средней Азия не было персоязычного периодического печатного издания со времени закрытия «Шу'ла-йи инқилоб» в конце 1921 г. Процесс национального размежевания привел к основанию газеты «Овоз-и тожик» («Голос таджиков») в Самарканде в августе 1924 г. в декабре она стала органом Таджикского республиканского комитета партии, но по-прежнему печаталась в Самарканде в течение еще 2-х лет, и часто не доходила до Таджикистана. В конце концов, помощь пришла извне, когда типография и арабский шрифт были привезены из Казани для основания печатного производства в Душанбе и создания Таджикского издательства («Нашри Тожик»).[151] К «Овоз-и тожик» вскоре присоединились «Мулло Мушфики», иллюстрированный сатирический журнал, названный в честь подрывной культурной фигуры из прошлого, и «Рохбар-и дониш» («Руководство по знаниям»), общественный журнал для учителей, но также место, где можно было обсуждать вопросы таджикской идентичности. Эти 3 издания, финансировавшиеся, благодаря статусу Таджикистана как автономной республики, имевшей на это право, играли фундаментальную роль в создании таджикской идентичности.[152] Они привлекли ряд писателей из персоязычного населения Средней Азии.

---

[150] Джонон Икроми, *Джалол Икрами: Неизвестные страницы* (Душанбе, 2010), 32–33.

[151] И.К.Усмонов, «Становление и развитие таджикской партийно-советской печати 1917–1929 гг.», в И.К.Усмонов, *Журналистика,* ч. 2 (Душанбе, 2005), 66–67.

[152] Для обзора таджикской литературной среды этого периода все еще полезна статья Jiří Bečka, "Tajik Literature from the 16th Century to the

Тем не менее, с самого начала было не совсем понятным, чем должна была быть таджикская культура. В своих ранних работах, посвященных вопросу таджиков, перед тем, как был создан Таджикистан, Айни использовал слово *таджик* только в значении «горные таджики». «Всем известно, что таджики Туркестана отстают от других в плане знаний и образования», писал он в сентябре 1924 г. Поэтому образование для таджикского народа (*қавм*) было «вопросом жизни и смерти».[153] Это образование должно быть дано на «языке горных таджиков», а не на языке городов, который был непонятен простым горцам. «Язык горных таджиков является простым персидским языком, лишенным иранских формальностей, свободным от примеси непонятных арабских слов, а также в соответствии с морфологией персидского языка. Правда, их произношение кажется городским персам (*форсиёни шаҳри*) испорченным. Тем не менее, он чист и в соответствии с правилами. Такой язык понятен от Фолгара и Мастчоха до Каротегина и Дарвоза [т. е. по всей Таджикской республике]».[154] Таджикский язык должен был быть простым, этнически чистым языком горных таджиков.

К весне следующего года Айни перешел к гораздо расширительному определению таджикства, которое охватывало все персоязычное население Средней Азии и его «тысячелетнее» литературное наследие. Он изложил свое видение таджикского наследия в антологии таджикской литературы, которая была введена в оборот новым правительством Таджикистана. Предисловие Айни к антологии стоит процитировать целиком:

Present", in Jan Rypka et al., *History of Iranian Literature*, trans. P. van Popta-Hope (Dordrecht, 1968), 546–554. О ранней таджикской прессе теперь см. Аъзамжон Азимов, *Воқеияти зиндаги ва матбуоти тожик* (Душанбе, 2000).

[153] Айни, «Дар бораи мактаб ва маорифи тожик», *Овози Тожик,* 01.09.1924, в Айни, *Акнун навбати қалам аст,* в 2-х томах. (Душанбе, 1977), 1: 272–273.

[154] Айни, «Дар бораи китобҳои мактабии тожикон», *Овози Тожик,* 12.09.1924, в Айни, *Акнун,* 1: 274.

> С первых событий, записанных истории до сегодняшнего дня, великий народ, называемый *таджик* или *тазик*, жил на землях Трансоксианы и Туркестана. Таким же образом развивались его язык и литература. Развитие таджикского языка и литературы не зависели от возраста или занятия престола. Таким образом, мы видим, как высоко таджикская литература развивалась на этой земле в эпоху Саманидов, которые по расе были персоязычными (*‘ирқан форсийзабон ҳастанд*), она развивалась таким же образом во времена Чингисидов, Темуридов, Шайбанидов, Аштарханидов и Мангытов, которые по расе были монголами, тюрками, и узбеками. Таким образом, очевидно, что развитие таджикского языка и литературы в этих местах происходило не просто из-за господства Саманидов или иммиграции иранцев. Реальной причиной этого является наличие в этих местах большого народа по имени *таджик* арийской расы.[155]

Таджикский народ существовал в Средней Азии постоянно с незапамятных времен и его культурное развитие не зависело от политической власти или военного завоевания. Если чагатаистское видение узбекского народа концентрировалось на традиции государственности, таджикский народ Айни существовал, несмотря на отсутствие власти; вместо этого, он цивилизировал завоевателей. В другом месте, Айни заявил, что «таджики были в первых рядах и руководителями всей культурной работы» в долгой истории «Таджикистана, Туркестана и Трансоксианы». Культура, которую они создали, была принята теми, кто победил их, так что «великий завоеватель Темур, несмотря на то, что был тюрком, написал свою автобиографию на таджикском языке». Культура его двора была выражена на таджикском языке, и таджикская культура продолжалась во дворцах правителей Средней Азии вплоть до русского завоевания.[156] В то же время,

---

[155] Айни, *Намуна-йи адабиёти тожик,* 3.

[156] Айни, «Ба муносабати эълони жумҳурияти мухтори Тожикистон» в *Акнун,* 1: 290–291. Он также утверждал, что восточная Бухара всегда

таджикский народ в определении Айни не включал другие персоязычные народы, такие как *эрони*, афганцы, или жителей самого Ирана. Айни здесь сочетал претензии на долговечность, историческую первичность и автохтонность с претензиями на культурное превосходство таджикского народа. Впервые в истории персоязычное население Средней Азии преподносилось как трансисторическое сообщество, народ со своим собственным правом. Такая формулировка явно была ответом на претензии чагатаизма, который видел государственное строительство в качестве центрального компонента законности своих притязаний на государственность и тем самым пытался вычеркнуть существование персоязычного городского населения в Средней Азии.

Айни присваивал также темы из современного европейского ориентализма. Уже в 1925 г. правительство Таджикистана организовало Ассоциацию по изучению Таджикистана и иранских народов за его пределами, на котором собрались несколько российских ученых, чтобы исследовать прошлое и настоящее новой республики. Известный востоковед В.В.Бартольд в своем историческом очерке таджиков представил их как «коренных жителей современного Туркестана» и обозначил историю персоязычного населения региона как историю таджиков.[157] Определение Бартольда имело много общего с определением Айни таджиков в качестве постоянно существовавшего персоязычного народа и цитировалось представителями Таджикистана множество раз. Притязание Айни по признаку расы, совершенно беспрецедентное в персидской литературной традиции Средней Азии, может быть достаточно четко прослежено в работе А.А. Семенова, который писал об арийской (не персидской или таджикской) культуре в Средней Азии.[158] В последующее десятилетие арийская тема занимала видное место в таджикской прессе.

была независимой от власти городов, пока эмир Музаффар не покорил ее с помощью России.

[157] Бартольд, «Таджики», 93.

[158] А.А.Семенов, «Материальные памятники арийской культуры», в Н.Л.Корженевский, изд., *Таджикистан: сборник статей* (Ташкент, 1925), 113–150.

Важно также отметить, что формулировка Айни о таджикстве не имела ничего общего с Ираном. Таджикский народ был коренным в «Трансоксиане и Туркестане», сообщество со своим собственным правом, своей собственной культурой и литературой. «Образцы таджикской литературы», антология Айни, была также упражнением в строительстве канонов. Она претендовала на то, что таджикскому народу принадлежит вся персидской литература написанная в «Трансоксиане и Туркестане» от Рудаки (ум. ок. 941 г.) до Фитрата и самого Айни. От ее акцента на поэзию до использования исламского (*хиджри*) календаря антология является очень традиционной работой в жанре *тазкира*, но через нее Айни закрепил претензию таджикского народа на большой кусок в еще большей области персидской литературы. Западные наблюдатели обычно находят различие между таджикским и персидским вынужденно и искусственно, еще одна из практик «разделяй и властвуй» Советов. Вопросы были немного более сложными. Очерчивание Айни отдельной таджикской традиции являлось частью гораздо большего явления разрыва персоязычного мира, имевшего место в то время. Персоязычный мир (*қаламрав-и забони форси*) взаимосвязанный общими культурными нормами и литературными соглашениями, всегда был больше, чем государство Иран, и большинство авторов этой культуры не были этническими иранцами. Претензия Трансоксианы на персоязычное наследие был старым, как и у самого Ирана, и совершенно не зависело от него. Дело не только в том, что новоперсидский язык возник в Бухаре, при дворе Саманидов, а в том, что большая часть действий в «Шохнома» Фирдоуси, персидской книге царей, происходит в Трансоксании, на землях, которые не были частью какого-либо государства, управлявшего из того, что сейчас называется Ираном. На протяжении веков Бухара была крупным центром суннитского *персоязычного* мира, тогда как в последующие века большая часть персидской поэзии была произведена в Индии, чем в самом Иране. Этот персоязычный мир начал распадаться в XIX в. перед лицом более исключительных национальных идеологий или колониализма. Роль персоязычного наследия значительно уменьшилась в индийской культурной жизни, так как персидский был заме-

нен английским как языка правительства и *урду* в качестве языка литературы. Персоязычные элиты в Бухаре, Туркестане и Азербайджане, как мы уже видели, также отошли от персидского наследия. С другой стороны, в Иране подъем национальных чувств привел к двойным действиям, порочащим персидскую литературу за пределами границ Ирана, с особой насмешкой, прибереженной для «индийского стиля» (*сабк-и хинди*), и изображающим персидскую литературу синонимом Ирана. Идеология конца XIX в. литературного возвращения (*бозгашт-и адаби*) осудила индийскую поэзию как производную и неподлинную, а позже модернисты пришли к тому, что в ней не хватает инновационности. Целью было национализировать персоязычное наследие от имени современного иранского национального государства. В нач. XX в., в то же время, когда Айни составлял свою антологию таджикской литературы, иранские националистические историки создавали канон иранской литературы, претендуя на некоторые фигуры, как подлинных иранцев (празднование тысячелетия Фирдоуси в 1934 г., превратившее Фирдоуси в *иранского* поэта, было во многом частью этого процесса), и исключая других.[159] Созданный Айни таджикский канон в отличие от иранского является частью этого более широкого явления. Таджикский язык также претендовал на персоязычное наследие как и иранский персидский язык.[160]

---

[159] О строительстве канона в Иране, см. Farzin Vejdani, *Making History in Iran: Education, Nationalism, and Print Culture* (Stanford, 2014); о национализации Фирдоуси, см. Afshin Marashi, *Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870–1940* (Seattle, 2008), chap. 5.

[160] В связи с этим, мы также можем прислушаться к заключению пакистанского поэта Фаиза (1911 – 1984), практика и наследника персоязычной традиции и частого гостя Советского Союза. Представляя таджикский язык своей *урду*-язычной аудитории, он сказал: «Язык Таджикистана персидский, но не персидский иранцев, а наш. Люди здесь называют его не персидским, а таджикским. Это просто и правильно. На самом деле, я думаю, что современный иранский язык следовало бы называть иранским, а не персидским, потому что его нынешний словарный запас и произношение сильно отличаются от того, что когда-то был общим научным и литературным языком Средней Азии». Фаиз

Айни преподносил коренное персоязычное население Средней Азии как единый народ с трансисторическим существованием. В конечном счете, эта точка зрения заключалась в определении таджикской национальной идентичности. В краткосрочной перспективе, однако, Айни столкнулся с значительным количеством проблем. Собранная в его альманахе поэзия представляла литературную традицию веков; она во многом расходилась с языками горных районов Восточной Бухары. Был ли этот язык подходящим для советских таджиков, строящих новый мир? В конце 1920-х гг. среди таджикских интеллектуалов по этому вопросу вспыхнули лихорадочные споры, которые во многом были сравнимы со спорами по поводу чагатайского наследия. Таджикский спор был между «интернационалистами», считавшими, что таджикский язык должен быть понятным за пределами СССР, с тем чтобы выполнить свою роль в качестве революционной среды, и «изобретателями языка (*эжодчи*)», которые хотели создать письменный язык из речи сельского (следовательно, в языковом и национальном отношениях аутентичного) населения.[161] Значительную роль в этих дискуссиях сыграли европейские ученые, возможно, более значительную, чем в дискуссиях в Узбекистане. В конце пришли к компромиссу, в котором некоторые особенности сельской таджикской речи были сохранены в рамках нового литературного стандарта, но наследие веков не было полностью удалено. Таджикство было основано как на его персоязычном прошлом, его специфической географии, так и его советской современности.

Возникновение Таджикского национального сознания

Лутц Рзехак совершенно прав, когда отмечал, что «основание Таджикистана было не результатом таджикского национа-

---

Ахмад Фаиз, Мах о сал-е ашна'и Faiż Aḥmad Faiż, *Mah o sāl-e āshnā'ī* (Karachi, 1981), 33.

[161] Rzehak, *Vom Persischen zum Tadschikischen*, chapter 6, представляет собой наиболее полное обсуждение этих дискуссий; см. также Б.С. Асимова, *Языковое строительство в Таджикистане, 1920–1940 гг.* (Душанбе, 1982).

лизма, а часом его рождения».[162] Таджикская национальная идентичность появилась только после того, как была создана Таджикская республика. Самой удивительной особенностью этого преобразования является быстрый темп, в котором таджикская интеллигенция возникла и страстность, с которой ее члены выдвигали свои претензии. Первоначально претензии были сосредоточены на языковых правах таджиков в Узбекистане, но очень быстро переросли в территориальные требования. Таджикские претензии приняли форму не только требования повысить статус Таджикистана до полноправной республики, но и требования дополнительной территории от Узбекистана. Это второе было весьма необычным в советском контексте, и потенциально проблематичным, так как от него пахло национализмом и ирредентизмом. Тип характеров, выдвигавших эти требования, включал как новые лица, так и людей, которые в 1924 г. считали себя узбеками.

Основной причиной того, почему так быстро выросла таджикская национальная активность, была политика, проводившаяся властями Узбекистана. Фундаментальной особенностью чагатаистской концепции узбекства было непризнание персоязычного наследия Средней Азии и сопутствующее отрицание наличия большого персоязычного населения в регионе. С самого начала узбекские власти стремились свести к минимуму число таджиков в Узбекистане. Всесоюзная перепись населения 1926 г. сообщила резкое сокращение числа таджиков в Узбекистане по сравнению с предыдущими переписями. По данным Центрального статистического управления, в 1923 г. в Самарканде было 81,700 таджиков из общей численности населения 102,700, а в 1926 г. только 61000 из 138,800.[163] ЦСУ допустило возмож-

[162] Rzehak, *Vom Persischen zum Tadschikischen,* 154.

[163] ГАРФ, ф. 3316, оп. 22, д. 127, л. 148 (21.12.1929). Цифры были фактически ниже в опубликованной версии переписи, в которой перечислены только 350 603 таджиков в Узбекистане за пределами Таджикской АССР. В Самарканде было только 10 716 таджиков из общей численности населения 104 444, в то время как в Бухаре было 3 977 из 60 784. См. *Всесоюзная перепись населения 1926 года,* Т. 15 (Москва, 1928), 9, 19–20, 27–29.

ность того, что национальное самосознание многих из исчезнувших таджиков изменилось, и теперь они считают себя узбеками.[164] Точно так же, узбекский комиссариат просвещения пытался, в результате бездействия или по поручению, ограничить школьное обучение на таджикском языке. «Главная масса населения в городах: Худжанда, Бухары, Самарканда – узбеки», утверждала одна из его резолюций, «и даже лица, говорящие на таджикском языке, могут быть не таджиками, и таджикский язык может быть их неродным языком, а только разговорным. Так как 90 % таджиков владеют узбекским языком, вопрос об организации таджикских школ не является особо существенным».[165] Были споры даже по языку, на котором дети говорили дома, с владением узбекского языка как невыполнение права выбора детей оседлого коренного населения.

Эти действия вызвали возмущение среди нарождающейся таджикской интеллигенции и привели к быстрой радикализации ее позиций. Основным местом для выражения этого недовольства была таджикская пресса, чьи страницы были заполнены сообщениями об узбекском волюнтаризме. В нем сообщалось много случаев, когда людям говорили, что если они объявят себя таджиками, будут вынуждены переехать в Таджикистан.[166] Для таджикских представителей, это было неопровержимым доказательством того, что перепись была сфальсифицирована и что таджики были зарегистрированы в качестве узбеков. Аналогичным образом, в таджикских газетах широко представлены жалобы по поводу отсутствия предоставления школьного обучения на таджикском языке в Узбекистане.[167] Эти сообщения привели к быстрой радикализации в природе таджикских требований. В 1929 г., когда узбекский Наркомпрос решил определить «истинный и объективный подход», на каком языке дети говорили дома для того, чтобы переложить обучение в школах

[164] ГАРФ, ф. 3316, оп. 22, д. 127, л. 148 (21.12.1929).

[165] Цитируется в «Сводка агентурно-документальных данных о развитии и росте шовинизма узбекской интеллигенции» (31.05.1928), в *ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос,* 580.

[166] Мирзоали Жўраев, *Аз Самарқанд то Бухоро* (Душанбе, 2013), 69.

[167] См. там же, в разных местах, о таких сообщениях в прессе.

национальных меньшинств на язык, на котором говорят их ученики.[168] Таджикские жалобы переросли в требования об отделении от Узбекистана.

Уже в мае 1926 г. Таджикское руководство подняло этот вопрос к самому Сталину. В меморандуме, Ширишох Шохтемур, член Таджикского ревкома, жаловался на стремление «объузбечить всякими мерами дикого административного нажима и шовинистического произвола» 800 000 таджиков в Узбекистане, которые получили отказ в своих языковых правах и принудительной ассимиляции к узбекству. Шохтемур перечислил ряд нарушений, которые допустил Узбекистан. Таджикские дети были вынуждены посещать узбекские школы, в то время как «пантюркистские шовинисты» отрицают само существование таджиков как народа. Таджикоязычных школ не хватало, они плохо финансировались, и вообще не поощрялись узбекской администрацией. Институт учителей таджикского языка в Самарканде (который также должен был удовлетворять потребности Таджикистана) была жалким двухкомнатным заведением, в то время как преподавание таджикского языка было запрещено в большинстве школ Узбекистана, даже в районах с таджикским населением. Выступления на официальных торжествах по случаю 1-й годовщины создания Таджикской автономной республики были на узбекском, что спровоцировало демонстрацию против Узбекистана.[169] В течение 2-х последующих лет этот список жалоб было повторен в многочисленных петициях, направленных в различные уровни партийных и государственных иерархий. Такие жалобы стремились вызвать вмешательство государства в отношении узбекской политики. Однако, в 1928 г. Мухиддинов поставил вопрос в другой плоскости, требуя не только разделения Таджикистана от Узбекистана, но и включение в него городов Самарканда и Бухары. Население

[168] «О переводе преподавания нацменовских школах УзССР на родной язык учащихся (Тезисы)», ЦГА РУз, ф. 94, оп. 5, д. 434, л. 90–93.

[169] Ш.Шотемор, «О культурном и социально-экономическом положении таджиков на территории узбекской республики», ГАРФ, ф. 3316, оп. 64, д. 224, л. 1–5.

Бухары, утверждал он, с незапамятных времен было персоязычным и поэтому таджикским. Однако, под влиянием панисламизма и пантюркизма, писал он, младобухарцы отрицали существование таджиков и стремились силой ассимилировать их с узбекством. После национального размежевания панисламизм и пантюркизм были частично заменены скрипучим узбекским национализмом, являвшимся большой «политической ошибкой», извращением национальной политики, и имел потенциал для дестабилизации советской власти в Средней Азии.[170] Логичным решением было отдать город Таджикистану. Следует также отметить, что с самого начала таджикские активисты использовали подозрения партии в панисламизме и пантюркизме, чтобы критиковать узбекскую политику и показать ее вредной интересам партии, государства и революции.[171] «Такое положение вещей», утверждал с ударением Шохтемур в своем докладной записке, «вполне соответствовало и соответствует взглядам панисламских, пантюркистских и панузбекистских кругов современной узбекской интеллигенции и духовенства». Жалуясь на «извращение» линии партии со стороны своих противников, таджикские активисты, таким образом, изображали себя истинными Советами. Обвинения в панисламизме, пантюркизме и национал-шовинизме – основных фобиях партии в Средней Азии в 1920-е гг. – продолжают быть основой таджикских жалоб на действия узбекской политики по сей день.

---

[170] А.Мухиддинов, «Мардум-и шаҳр ва атроф-и Бухоро тожиканд ё ўзбак», *Раҳбар-и дониш,* 1928, вып. 8-9, 15–18; русский перевод опубликован в органе Средазбюро: «Таджики или узбеки населяют город Бухару и его окрестности», *За партию*, 1929, № 9.

[171] В другой статье Мухиддинов напал непосредственно на *джадидов*, которые к этому времени с партийной точки зрения стали обозначать буржуазный национализм и контрреволюцию. Он инкриминировал себя в некоторой степени в контрреволюционном поведении, которое он осудил, но утверждал, что увидел свет в течение своего 10-месячного пребывания в Москве в качестве торгового представителя республики. А.Мухитдинов, «Роль джадидов в Бухарской революции», *За партию*, 1928, № 9.

Шохтемур, который появился в качестве знаменосца таджикских требований, был новым видом таджиков. Он родился в Шугнане на Памире, происходил из семьи *шугни*-язычных исмаилитов. Ставший сиротой в детстве, он был принят русским офицером, который привез его в Ташкент, где он учился в русской школе. С революцией, он в числе многих других молодых людей с русским образованием вступил в советские органы. Он работал в Туркестане перед тем, как в 1922 г. был назначен в тройку с заданием установить советскую власть на Памире. В Ташкент он вернулся в 1924 г., как раз во время размежевания. Таким образом, он не был ни персоязычным, ни суннитом, но в отличие от большинства таджиков, которые были таковыми, он никогда не был под влиянием *джадидов* и их национальной идеи.[172] Мухиддинов был совсем наоборот, отпрыском известной семьи в Бухаре, который до 1924 г. проявлял мало интереса к таджикству. Теперь он использовал критику джадидизма, пантюркизма и панисламизма не только чтобы показать себя на стороне советской власти, но и дискредитировать узбекский режим, возглавляемый его Немезидой, Файзуллой Ходжаевым. Ясно, что для Мухиддинова таджикская национальная проблема была полностью связана с его фракционной борьбой с Ходжаевым. Единственный путь для него, чтобы возвратиться в Бухару, состоял в том, чтобы требовать ее для республики, где он, в конце концов, оказался.[173]

Мухиддинов был поддержан несколькими другими писателями, включая его товарища изгнанника Алиева. Они представили эту проблему так, чтобы Средазбюро или Центральный комитет не смогли ее игнорировать.[174] ОГПУ, тем временем,

---

[172] В постсоветском Таджикистане, Шохтемур рассматривается как один из основателей Таджикистана, и его жизнь привлекла значительное внимание. Всеобъемлющий сборник, Ширинҳоҷ Шоҳтемур, ред. Қ.Аламшоев (Душанбе, 2009), приводит несколько различных биографий с несколькими документами.

[173] Fedtke, "How Bukharans Turned into Uzbeks and Tajiks", 36–38.

[174] Аббос Алиёв, «Мас'ала-йи милли дар Бухоро ва атрофи он», *Раҳбар-и дониш*, № 11-12 (1928): 13–18; Ш.Джаббаров, «Против извращения национальной политики», *За партию*, 1929, № 3-4: 93–98. О дру-

долго собирал материалы по «узбекизму и росту шовинизма» среди узбекской интеллигенции. Как мы покажем в следующих 2-х главах, эти подозрения принесли узбекской интеллигенции тяжелые потери. Таджикские жалобы, изложенные на языке, прямо соответствовавшем языку ОГПУ, означали, что проблема узбекско-таджикских межэтнических отношений была очень большой на повестке дня политической полиции и партии. Обсуждение разделения Таджикистана от Узбекистана и связанных с этим территориальных урегулирований, начатых в 1929 г., было непосредственно связано с подозрениями государства об «узбекском шовинизме». Эти подозрения, в свою очередь, коренились в попытках очистить ряды партии и утвердить центральный контроль над направлением местной культурной жизни, которые начались с открытием в 1926 г. «идеологического фронта».

гих сообщениях в прессе и прошений в архивах, см. Масов, *История*, 135–145, 163–169.

XX

Adeeb Khalid. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2015.

В 2015 г. в издательстве университета Корнелл в Нью Йорке (США) вышла в свет книга «Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR» («Становление Узбекистана: нация, империя и революция в ранний период СССР») американского ученого пакистанского происхождения профессора азиатских исследований и истории от Jane and Raphael Bernstein в Carleton College (Northfield, Minnesota, USA) Адиба Халида, получившего известность своими ранее опубликованными работами, такими, как «The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia» (University of California Press, 1998) и «Islam after Communism: Religion and Politics of Muslim Central Asia» (University of California Press, 2007). Настоящая книга посвящена истории Средней Азии в ранний советский период (1917 – 1932 гг.).

Книга состоит из Введения, 12 глав и Эпилога, снабжена глоссарием, библиографией первоисточников, списком условных сокращений, указателем и картами.

В начале книги (Acknowledgments) автор приносит свою благодарность организациям и лицам, оказавшим ему содействие и помощь в период ведения настоящего исследования, продолжавшегося 15 лет.

Далее приводится техническая заметка, состоящая из 3-х частей. В 1-й части «Nomenclature» («Терминология») автор объясняет значения терминов (социальных, этнических, территориально-административных и др.), использованных в его исследовании. Во 2-й части «Transliteration» («Транслитерация») автор пишет, какие формы транслитераций использованы в его книге для передачи слов (имен, титулов, терминов и т.д.) на языках народов Средней Азии и на русском языке. В 3-й части «Names and Places» («Имена и места») автор отмечает, что имена собственные, литературные псевдонимы, а также названия мест, упомянутые в исследовании, переданы в той форме, в ка-

кой они употреблялись в изучаемый период, причем не в русской, а в местной транслитерации.

Во **Введении** (Introduction), состоящем из предисловия и 10 разделов, автор намечает основные направления своего исследования.

В предисловии говорится, что в первые годы после падения царского режима и победы большевистской революции в Средней Азии были две реальные политические силы с двумя противоположными видениями будущего Туркестанского края – большевики и *джадиды*, т. е. национальная интеллигенция. Большевики, руководствуясь утопической идеей и политикой жестоких методов борьбы с «отсталостью», обещали привести все народы к прекрасному будущему – коммунизму. *Джадиды* были мусульманами и националистами. Они мечтали об образовании национальной автономии и осуществлении прогрессивных реформ в мусульманском обществе.

В 1-м разделе «A New History of Central Asia» («Новая история Средней Азии») дается характеристика историографии в постсоветской Средней Азии. Распад Советского Союза и окончание холодной войны оказали большое влияние на дальнейшее развитие историографии республик Средней Азии. В новых политических условиях появилась потребность написания новой истории региона, что стало объектом исследований не только историков региона, но и всего мира. В результате в западных странах появились в свет блестящие работы, посвященные изучению процессов создания новых наций в Туркменистане, Киргизии и Таджикистане. Настоящая работа посвящена исследованию процесса создания новой нации в ключевой республике всего региона – Узбекистане.

Во 2-м разделе «Nation, Progress, and Civilization in an Age of Revolution» («Нация, прогресс и цивилизация в эпоху революции») речь идет о модернистских идеях агрессивного реформирования ислама, которые выдвигала национальная интеллигенция (*джадиды*), и о том, как в первые годы после захвата власти большевиками последние привлекали их в государственные структуры с целью пропаганды своих идей среди местного населения.

В 3-м разделе «Between Empire and Revolution» («Между империей и революцией») говорится о правовом статусе местного населения и том, какой путь прошла национальная интеллигенция Туркестана в период от начала 1-й русской революции (1905 г.) и реформы П.Столыпина (1907 г.) до февральской и октябрьской революций (1917 г.), и в первой декаде советской власти до того, как Узбекистан окончательно встал на путь «строительства социализма».

В 4-м разделе «Muslim Intellectuals in Their Society» («Мусульманские интеллектуалы в своем обществе») автор пишет, что в изучаемый период модернисты ислама, т. е. *джадиды*, были не единственной силой, представлявшей мусульманское общество. После революции к их рядам присоединилась новая волна активистов, которые вошли в общественную жизнь через партийные или советские учреждения и до этого не принимали участия в мусульманской куль- турной реформе.

В 5-м разделе «Nation Making and Nation Projects in the Soviet Union» («Создание наций и национальные проекты в Советском Союзе») автор пишет, что национально-территориальное размежевание 1924 г. было часть пансоветской политики административно-территориального разделения единого исторически сложившегося этнокультурного целого, проводниками которой было российские этнографы и законодатели. При этом историографы постсоветских республик Средней Азии оценивают это как «нормальный процесс», в котором всего лишь были допущены «ошибки», дающие повод для территориальных претензий. В своей книге автор предлагает различные генеалогии появления наций в Средней Азии.

В 6-м разделе «Chaghatayism» and the Making of Uzbekistan» («Чагатаизм и создание Узбекистана») автор отмечает, что появившийся в результате национально-территориального размежевания 1924 г. Узбекистан не был продуктом политики большевистской партии или советского государства. Создание Узбекистана было победой национального проекта мусульманской интеллигенции Средней Азии в условиях советского колониализма. Мусульманские интеллектуалы, а не советские этногра-

фы и партийные функционеры были авторами Узбекистана и узбекской нации.

В 7-м разделе «Cultural Revolution» («Культурная революция») говорится, что в первое десятилетие после революции большевики поставили на первый план задачу о создании новой культуры, которая должна была подняться из пепла старой. Культурная жизнь того периода была отмечена борьбой против власти установленных элит в обществе, против эпистемологического порядка, который закрепил это, против правил социального поведения, против устоев тюркско-персидской литературной традиции, и против Ислама в целом. Этот культурный радикализм запечатлен не в архивных документах, а в культурной продукции того периода.

В 8-м разделе «The Soviet Union from the Edge» («Советский Союз с окраины») речь идет о путях внедрения советской идеологии в национальной периферии. По своему значению национально-территориальное размежевание являлось второй революцией в Средней Азии, которая была призвана обеспечить победу советской власти. Вместе с учреждением национальных республик в 1926 г. был открыт «идеологический фронт» в культурной сфере, направленный на «чистку» общества от националистов путем вытеснения *джадидов*, которые теперь рассматривались как «старая интеллигенция». В конечном итоге эта кампания привела к гибели узбекской национальной интеллигенции в 1937 – 1938 гг.

В 9-м разделе «The Global and the Local» («Глобальное и локальное») автор пишет, что исследовал национальный проект Средней Азии не как уникальное явление, а в контексте сравнения с другими национальными движениями мира того времени. Сравнительно-сопоставительный анализ проводился в двух направлениях. С одной стороны автор сопоставлял национальное движение Средней Азии с подобными движениями в других частях Советского Союза, а с другой – с национальными и культурно-просветительскими движениями мусульманского мира – Турции, Ирана и Афганистана.

В 10-м разделе «A Note on Sources» («Заметка об источниках») автор дает характеристику источникам своего

исследования. Основную часть их составляют источники на русском, узбекском и таджикском языках – периодическая пресса 20-х гг. XX в., а также литературные произведения и педагогические материалы того времени. Вторую группу источников составляют официальные документы того времени, хранящиеся в доступных архивах. Наиболее важную часть источников составляют материалы, хранящиеся в архивах ЧК, ГПУ, ОГПУ и НКВД СССР и Узбекистана, некоторые из которых частично открыты для исследователей.

В конце Введения автор отмечает, что тематически все главы книги кроме 1-й делятся на 3 группы. В 2-й – 5-й главах рассматриваются политические события, происходившие в регионе в период до 1924 г. Каждая глава посвящена рассмотрению определенного политического проекта: Туркестанская автономия в период Февральской революции, Туркестанская автономия в период советской власти, преследование мусульманской модернистской республики в Бухаре, советский проект национального строительства в Советской Средней Азии.

6-я – 9-я главы посвящены культурной революции того времени. В них рассматриваются такие вопросы, как культурный радикализм и дискуссии вокруг него, роль ислама в новом обществе, триумф идеи наций в Средней Азии, образование Узбекистана и Таджикистана как двух отдельных национальных республик.

В 10-й – 12-й главах рассматриваются политические и культурные преобразования, осуществленные в период после 1926 г., когда партия открыла «идеологический фронт» и начала устанавливать свою монополию в культурной политике. Особое внимание уделяется чисткам Наркомпроса и кампании против предполагаемых националистических тайных обществ в период между 1929 и 1931 гг., а 12-я глава посвящена окончательному уничтожению узбекской интеллигенции в 1938 г.

В заключительной части Введения автор пишет, что настоящая книга является своего рода элегией по двум потерянным поколениям среднеазиатской интеллигенции.

1-я глава «Intelligentsia and Reform in Tsarist Central Asia» («Интеллигенция и реформа в царской Средней Азии») состоит из предисловия и 7 разделов[175].

Предисловие начинается с цитаты из передовой статьи лидера культурно-просветительского движения *джадидов* Мунавар кори Абдурашидхона «Ислох не демакдир», опубликованной в газете «Хуршид» 28.09.1906 г., в которой он констатировал, что причиной всех бед народа являются отсталость и невежество. Поэтому он призывал своих соотечественников пропагандировать изучение светских наук путем преподавания в мусульманских *мактабах* и *мадраса*. Его слова нашли отклик в сердцах мусульман и в течение последующих 10 с лишним лет национальная интеллигенция добилась значительный результатов в этом направлении: были открыты школы с новым методом обучения (*усул-и джадид*), в которых преподавались история, география, литература и другие светские предметы, издавались газеты, организованы театральные труппы, библиотеки, читальные залы, благотворительные общества. В этот процесс были вовлечены также некоторые из представителей мусульманского духовенства (*'улама'*) и состоятельных слоев мусульманского общества.

В 1-м разделе «Authority and Leadership in Muslim Society» («Авторитет и лидерство в мусульманском обществе») говорится о том, что политика, которую проводили колониальные власти в Туркестане, привела к появлению национальной интеллигенции, отстаивавшей интересы местного населения и выступавшей за проведение реформ и модернизацию ислама с целью сохранения мусульманской нации в противостоянии русской оккупации. Местные элиты завоеванных стран не были включены в разряд привилегированных сословий Российской империи. В Туркестане ханская элита была ликвидирована, а мусульманская элита лишена государственной поддержки, так как ислам не имел здесь официального статуса. Власти не решались вести

[175] Основная часть этой главы основана на материалах ранее опубликованной книги автора «The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia» (Berkeley, 1998).

открытую борьбу против ислама, но проводили политику его игнорирования, что привело к постепенному упадку всех его институтов. К нач. XX в. место старой ханской элиты заняли служившие интересам колониальных властей мусульманское духовенство (*'улама'*) и новое поколение зажиточных городских торговцев, сколотивших состояние, благодаря торговле с Россией. В этих условиях и зародилось прогрессивное культурно-просветительское движение молодых реформистов – *джадидов*, ставших лидерами национального движения.

Во 2-м разделе «The Geography of Reform» («География реформы») автор пишет, что движение *джадидов* Туркестана было частью глобального культурно-просветительского движения, охватившего в нач. XX в. весь мусульманский мир. В колониальных странах Азии и Африки молодежь имела возможность учиться и получать образование в культурных центрах своих метрополий – в Англии и Франции. В Туркестане положение было иным. Из мусульман лишь единицы имели возможность учиться в городах России, а еще меньше в Европе. Поэтому туркестанцы знакомились с новыми прогрессивными идеями через посредство своих единоверцев в других странах – турков, азербайджанцев и татар. Основным инструментом в деле распространения идей *джадидизма* служил тюркский язык, понятный для мусульман многих стран. В Туркестане широко распространялись периодические издания *джадидов* России и Турции. Еще одним каналом обмена информацией были поездки мусульман для совершения паломничества в Мекку. Так, в Туркестане впервые появились театральные труппы из Азербайджана, а поэзия оказалась под сильным влиянием османской. *Джадиды* были под сильным влиянием русской и европейской культуры, почитали ее и мечтали внедрить ее культурные достижения в мусульманское общество.

В 3-м разделе «Bukharan Trajectories» («Бухарские траектории») речь идет о положении в соседнем с Туркестанским краем ханстве – Бухаре, которая была протекторатом Российской империи с правом независимого внутреннего управления. Здесь была сохранена ханская власть, считавшаяся последним оплотом ислама в регионе, но были противоречия между двумя со-

перничавшими региональными группами мусульманского духовенства (*'улама'*) – Бухари и Куляби, заключавшиеся в незначительных расхождениях в интерпретации канонов ислама. Вместе с тем в Бухаре зарождалась новая интеллигенция и реформистское движение, в основном, среди торговцев и предпринимателей, желавших установления твердой законности, введения технических новшеств и стабильного экономического развития. В отличие от Туркестана в Бухаре идея проведения реформ могла бы иметь государственную поддержку. Реформисты надеялись на это и неоднократно обращались к эмиру с просьбой взять инициативу в свои руки и провести реформу по образцу Османской империи. Одним из активных сторонников проведения реформ был А.Фитрат (1886 – 1938), получивший высшее образование в Стамбуле. Он был истинным патриотом Бухары и написал несколько трудов, в которых призывал людей к борьбе с невежеством и изуче- нию светских наук. Фитрат и другие реформаторы вплоть до 1917 г. обращались к эмиру как к отцу нации с просьбой взять инициативу в свои руки и провести реформу. Но все их призывы остались без ответа, после чего реформаторы потеряли надежду на поддержку эмира.

В 4-м разделе «Nation and Homeland in Turkestan» («Нация и родина в Туркестане») рассматривается понятие «нация», что в нач. XX в. было предметом дискуссий во всем мире. В понимании *джадидов* нацию определяло единство двух категорий – родины и религии, т. е. общество людей, которых объединяла определенная территория и вероисповедание. Себя они относили к нации, которую они называли «Мусульмане Туркестана». Эту нацию, включавшую почти все мусульманское население Туркестана кроме бухарских евреев, они противопоставляли другим мусульманским сообществам Российской и Османской империй. Термин «Туркестан» *джажиды* использовали в очень узком значении и подразумевали под ним только территорию Туркестанского края, и не включали в него Бухарское и Хивинское ханства, и тем более области, относящиеся к Афганистану и Китаю. Конфессиональный национализм *джадидов* также был очень ограниченным, а термин «мусульманин» в их понимании имел очень узкое значение и подразумевал только городское и

оседлое население края. Кочевники (казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки) в это понятие не входили. Еще один из главных факторов, объединявших «мусульман Туркестан» в одну нацию, *джадиды* видели в тюркизме, т. е. едином тюркском языке оседлого населения Туркестанского края. Автор отмечает, что следует делать различие между понятиями «пантюркизм» и «тюркизм». Первое из них означает политическое объединение тюркоязычных народов, а второе – культурную принадлежность того или иного народа.

В 5-м разделе «The Political Trajectory of Jadidism» («Политические траектории джадидизма») рассматривается политическая программа *джадидизма*, который вплоть до 1917 г. оставался культурно-просветительским движением, не преследовавшим политических целей. Деятельность *джадидов* была направлена только на реформирование мусульманского общества, и они никогда не ставили цель достижения независимости. В политическом плане они стремились лишь к достижению автономии и равенству прав мусульман Туркестана с другими подданными Российской империи. Важным документом, отражающим политическую программу движения *джадидов* является «Проект культурной автономии Туркестана», который в 1905 г. представил на рассмотрение Государственной Думы один из лидеров этого движения Махмудходжа Бехбуди (1874 – 1919). *Джадиды* проявляли лояльность царскому правительству и действовали только в рамках закона. Они не воспринимали методы революционной борьбы, а идеи социал-демократов считали не приемлемыми и чуждыми для мусульман. Этой линии они придерживались вплоть до самого конца царской власти. Когда в 1914 г. Российская империя вступила в войну, *джадиды* заняли лояльную позицию, а когда в 1916 г. население Туркестана подняло восстание против царских властей, требуя освобождения мусульман от мобилизации, *джадиды* открыто поддержали указ правительства о мобилизации. Все это предрешило судьбу *джадидов* после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г.

В 6-м разделе «The Cast of Characters» («Персонажи») приводятся биографические сведения о видных представителях движения *джадидов*, таких как Махмудходжа Бехбуди (1874 –

1919), Мунаввар кори Абдурашидхон оглы (1878 – 1931), Хамза Хакимзода Ниёзи (1889 – 1929), Абдулла Авлони (1978 – 1934), Обиджон Махмудов (1871 – 1936), Саидносир Мирджалилов (1884 – 1937), Убайдулла Ходжаев (1886 – 1942), Абдулхамид Чулпон (1898 – 1938), Абдулла Кодири (1894 – 1938), Садриддин Айни (1878 – 1954), Файзулла Ходжаев (1896 – 1938) и Абдурауф Фитрат (1886 – 1938).

В 7-м разделе «On the Eve» («Накануне») речь идет о событиях, происходивших в Туркестане накануне двух революций 1917 г. Летом 1916 г. в степных районах Туркестана вспыхнуло восстание кочевников, вызванное императорским указом, отменившим освобождение коренного населения от военной службы и предписывавшим набор туркестанских войск для службы в тылу. Восстание было направлено против царских чиновников и европейских крестьян-переселенцев. Восстание быстро переросло в неприкрытые этнические столкновения между европейцами и кочевниками. Кровопролитие продолжалось до конца года и в начале следующего. *Джадиды* имели смутное представление об этом восстании. Для них призыв на военную службу означал включение мусульман Туркестана в императорское русло, что давало надежду на политические уступки после войны. Поэтому они активно поддерживали усилия властей по набору, закрывая глаза на зверства, совершаемые вооруженными поселенцами против коренного населения. Восстание 1916 г. и его последствия ясно дали понять, что фундаментальный раскол в Средней Азии произошел не между классами, а между расами и народами.

2-я глава «The Moment of Opportunity» («Момент возможностей») состоит из предисловия и 8 разделов.

В предисловии говорится, что низложение царя в феврале 1917 г. открыло новую эру для народов национальных окраин Российской империи. Временное правительство объявило равноправие всех граждан Российской империи и отменило все установленные ранее различия по положению, полу, этнической принадлежности и вероисповеданию. Каждому гражданину, достигшему возраста 20 лет, было предоставлено право голоса, гарантирована свобода печати и собраний. Для национальной

интеллигенции Туркестана открылись большие перспективы и появилась реальная возможность внедрения в жизнь своих идей. Однако энтузиазм *джадидов* встретил жесткую оппозицию в внутри самого мусульманского общества, широкие слои которого отвергли их планы проведения реформ. В октябре страна пережила еще одну революцию, в результате которой власть перешла в руки русских солдатов и рабочих. Все надежды *джадидов* на осуществление своих планов рухнули. Тем не менее, они сделали решительный шаг и провозгласили Туркестан автономией с временным правительством в Коканде. Однако вскоре все их начинания были потоплены в крови и в стране начался хаос. Весь ход этих событий внес большие изменения в мировоззрении *джадидов* и заставил их пересмотреть свою политическую программу. В этой главе речь идет об этой сложной политической ситуации, которая сложилась в Туркестане в 1917 г.

В 1-м разделе «From Exhortation to Mobilization» («От призыва к мобилизации») рассматриваются события, происходившие в Туркестане после победы февральской революции. 16 апреля в Ташкенте был проведен 1-й съезд мусульман Туркестана, в работе которого приняли участие представители всех кругов местного населения. В итоге съезда делегаты проголосовали за то, чтобы Туркестан был территориальной автономией в составе демократической федеративной Российской республики и было принято решение о создании Туркестанского Национального Центрального Совета в качестве исполнительного органа. Однако, кажущееся единство взглядов, достигнутое во время конгресса быстро исчезло, уступив место глубоким разногласиям в мусульманском обществе. С одной стороны были молодые модернисты – *джадиды*, объединившиеся с русскоязычной казахской, татарской и башкирской интеллигенций (М.Чокай, А.З.Валиди и др.), и отделившиеся от них торговцы с более радикальными взглядами, объединившиеся в группу «Турон» во главе с Абдуллой Авлони. С другой стороны были консервативные силы мусульманского общества – традиционалистское духовенство (*'улама'*), городская знать и купечество, не желавшие уступать свое лидерство молодым модернистам.

Во 2-м разделе «Contesting Islam» («Оспаривание ислама») речь идет о двух различных подходах в понимании ислама. Мусульманское духовенство (*'улама'*) в целом выступало за сохранение традиционных канонов ислама. Они были решительно против реформ, которые предлагали *джадиды*, называя их «неопытными юнцами», не получившими полноценного образования, ни религиозного, ни светского. Они считали, что светские дела, не должны отделяться от религиозных, и все вопросы должны решаться на основе предписаний *шари'ата*. Тем самым они стремились сохранить свое влияние и власть в мусульманском обществе. Их оппоненты также говорили о исламе и *шари'ате*, но в совершенно ином ключе. С точки зрения *джадидов*, февральская революция давала возможность освободиться от некоторых вредных устоев и обычаев ислама, тормозящих развитие общества, путем проведения реформ.

В 3-м разделе «The Sorrows of the Homeland» («Страдания Родины») говорится о том, что в восприятии *джадидов* понятия «мусульманин» и «турк» слились в единое целое. А.Фитрат после бегства из Бухары нашел убежище в Самарканде, где писал статьи для газеты «Хуррият» («Свобода»), издаваемой Бехбуди. В июле он опубликовал поэму под названием «Юрт қайғуси» («Страдания Родины»), в которой отстаивал идею родины всех тюрков «Великого Турана» придавая этому термину этническое значение. Под словами «мусульмане Туркестана» он понимал исключительно тюрков. Фитрат был далеко не единственным, кто обращался к идеям тюркизма и тюркского наследия мусульман Туркестана. В 1917 г. тюркизм стал главной особенностью политического сознания всех *джадидов*. Национальное самосознание было необходимой формой формирования политического сознания, без которого невозможно было достичь национальной солидарности.

В 4-м разделе «Settler Socialism» («Колонизаторский социализм») речь идет о политических настроениях в среде русских колонистов в Туркестане. Русские колонисты и солдаты, прибывшие в 1916 г. для подавления восстания, предполагали, что коренное население так же, как и в 1905 г., не будет проявлять активность в период революции 1917, и удовлетворится уступ-

ками со стороны властей. Поэтому они сами занялись формированием своих организаций. К осени 1917 г. Туркестан был ареной полномасштабного этнического насилия, в котором оружие имели только русские. В такой ситуации 27 октября исполком Ташкентского новогородского Совета, подкрепленный группой солдат, начал вооруженное восстание против правительства и к 1 ноября русские солдаты Ташкента взяли власть от имени Советов. Состоявший исключительно из русских Ташкентский Совет захватил власть в Ташкенте и претендовал на управление всем Туркестаном. В его составе не было ни одного представителя мусульманского населения, ни в Совнаркоме, ни в исполкоме Совета. Колониальные поселенцы захватили власть над туземцами под лозунгом борьбы с классовой эксплуатацией.

В 5-м разделе «The Experiment in Government» («Эксперимент в правительстве») изложена история образования и ликвидации Туркестанской автономии в Коканде. В ответ на захват власти Ташкентским Советом лидеры «Шуро-и исломия» начали искать совершенно новую территорию для своего правительства и организовали 4-й съезд мусульман Туркестана, который прошел 27 ноября в Коканде. Коканд был наиболее оживленным торговым центром Туркестана после Ташкента и оставался вне досягаемости колониальных социалистов Ташкента. На этом конгрессе была принята резолюция, в которой провозглашалась Туркестанская автономия в составе Российской Федеративной Демократической республики. Национальная интеллигенция Туркестана праздновала провозглашение автономии, сравнивая это событие с возрождением великой тюркской государственности. Объявление автономии в Коканде означало для них возвращением Туркестанской нации на мировую арену. Однако их ликование продолжалось не долго. В середине февраля Ташкентские войска начали всеобщее нападение на Коканд. Русские легко выиграли сражение за счет использования безжалостной силы, в результате чего большая часть старого города Коканда была сожжена дотла. Правительство Туркестанской автономии прекратило свое существование, длившееся всего 78 дней.

В 6-м разделе «An Ottoman Episode» («Османский эпизод») речь идет о многочисленных миссиях, отправленных Кокандс-

ким правительством в Баку и Стамбул с просьбой оказать военную помощь против власти большевиков, а также на мирные конференции, проходившие в Швейцарии, Версале и Париже. Все эти миссии не принесли результатов, но связь с османами осуществлялась другими путями, чему, в частности, способствовало решение большевиков «освободить» всех османских военнопленных после подписания договора в Брест-Литовске. Это означало, что около 65 тыс. османских военнопленных, содержавшихся в лагерях провинциальной России и в Сибири, были оставлены на произвол судьбы. На своем пути домой многие из них проезжали через Среднюю Азию, где включились в политические потрясения времени. В течение 2, 5 лет, с весны 1918 г. до конца 1920 г. османские военнопленные были важной частью жизни городов Туркестана. Многие из них приняли предложения о работе в открываемых под эгидой Советского Союза новых школ. Они были причиной появления целого ряда молодежных политических организаций с явной пантюркистской ориентацией. Османские военнопленные создали также первые в Средней Азии войска бойскаутов с ударением на дисциплину и физическую подготовку, а также ряд других полувоенизированных молодежных групп. Именно в этой среде появились тайные общества, стремящиеся организовать подпольное национальное движение. Османский эпизод оказался недолговечным, так как в конце 1920 г. большинство военнопленных разъехались или были депортированы.

В 7-м разделе «A Society in Turmoil» («Общество в смятении») речь идет о в условиях голоде и разрухе в первый год после прихода к власти большевиков, грабительской политике, которую они проводили в отношении местного населения, и массовой эмиграции местного населения за пределы Туркестана и России. Зверская расправа, учиненная ташкентскими красногвардейцами над местным населением в Коканде, погрузила Туркестан в кошмар насилия, которое не спадало в течение 5 лет. К весне 1918 г. политическая власть прекратила свое существование в Туркестане. Советская власть была основана, прежде всего, на военной силе, которая была в руках русского колонистского населения региона, и служила проведению реквизи-

ций и конфискаций имущества, особенно продуктов питания. «Национализация», т. е. насильственная конфискация, была первым шагом революционной политики, которую начало осуществлять советское правительство. В сельской местности, русские поселенцы, используя революционный лозунг «власть на местах», изымали земельные участки, принадлежавшие их коренным соседям, особенно кочевникам. Вооруженные русские крестьяне формировали отряды для защиты своего имущества и продовольствия, и конфискации его у своих коренных соседей. Между 1915 и 1920 гг. площадь обрабатываемых земель в Туркестане сократилась вдвое, а численность скота уменьшилась на 75 %. Производство хлопка практически прекратилось. В течение этих 5 лет гражданское население Туркестана сократилось на четверть, с 7,148,800 в 1915 г. до 5,336,500 в 1920 г. Коренное сельское население сократилась на 30,5 %. Многие бежали через границу в Иран, Афганистан и Синьцзян. Большинство их составляли казахские и туркменские кочевники, которые в массовом порядке бежали через советскую границу. На всем протяжении 1920-х и в нач. 1930-х гг, отдельные лица и семьи из числа оседлого населения также продолжали бежать через границу.

В 8-м разделе «A Central Asian Civil War» («Среднеазиатская гражданская война») дается оценка роли движения *басмачей* в политических событиях первых лет советской власти. В сер. 1920-х гг. вся Средняя Азия была охвачена сельским восстанием *басмачей*, которое началось в Фергане зимой 1917 – 1918 гг. в ответ на грабежи, реквизиции и конфискации со стороны советской власти. Сельское население мобилизовалось для того, чтобы защитить свои земли и продовольствие от бесчинств русских поселенцев. В 1920 г. после свержения эмира Бухары, повстанческое движение распространилось на горные районы Восточной Бухары, а затем в некоторые районы Самаркандской области. *Басмачи* подняли восстание против поборов правительства, находящегося в городе, и для многих *курбаши* было мало разницы, кто составлял это правительство – европейцы или мусульмане. Большинство *басмачей* не делали различия между городскими мусульманами и большевиками. Мятеж *басмачей* был гражданской войной, в которой между собой воевали выход-

цы из Средней Азии. Вместо того, чтобы стать героическим национальным сопротивлением против иноземцев, *басмачи* были предметом глубоких разногласий внутри среднеазиатского общества. Конфликт ожесточил среднеазиатское общество и открыл в нем глубокие разногласия. Национальное движение не одержало победу внутри самого общества, и не было никакого консенсуса на пути к будущему.

3-я глава «Nationalizing the Revolution» («Национализирование революции») состоит из предисловия и 6 разделов.

В предисловии говорится, что большевики с самого начала приняли ярую антиколониальной риторику, но они не имели ясного представления о том, как будут пересекаться категории нации и класса. Ленин не только запутал национальный вопрос в России с колониального вопросом за рубежом, он также приравнивал колониализм с классовым угнетением. В колониальных ситуациях национальность казалась синонимом класса. Практическое применение этой линии мысли в Туркестане означало отвергнуть политику Ташкентского Совета, который использовал язык класса для закрытия колониальному населению всех доступов к власти. Таким образом, Москва была вынуждена включить мусульман в новые органы власти за счет поселенцев. Такая политика была очень перспективной для *джадидов*, которым революция имела смысл только как антиколониальный и национальный феномен. Все это радикализировало программу реформ *джадидов* и придало ей новую актуальность. Мусульманский мир может быть спасен только через прогресс, что стало возможным только благодаря революционным изменениям. В период между весной 1918 г. и летом 1920 г. *джадиды* сформулировали свое видение будущего Туркестана, который должен стать одновременно мусульманским, национальным и революционным.

В 1-м разделе «The Bolsheviks and Turkestan» («Большевики и Туркестан») речь идет об отправке в Туркестан специальных эмиссаров из центра, налаживании власти большевиков и их политике привлечения мусульман в органы власти. Чтобы удержать в новых условиях Туркестан в составе Российского государства, советская власть в Туркестане должна была стать при-

мером для колониального мира, дистанцироваться от своих предшественников в царской России и опираться на местное население. Поэтому основной задачей Центра в 1918 и 1919 гг. было заставить Ташкентский Совет отказаться от политики исключения мусульман из власти. В феврале 1918 г. центр назначил Петра Кобозева своим «полномочным комиссаром» в Туркестане с задачей установления контроля над местной советской властью. Он прибыл в Ташкент в апреле с двумя татарскими официальными лицами из Наркомнаца. Ему предшествовала телеграмма И.В.Сталина, а затем комиссара по делам национальностей. Кобозев и его товарищи принялись ломать монополию поселенцев на власть. Они мобилизовали мусульманское население и привлекали его в новые институты власти. Кобозев заверил, что 9 из его 36 членов были мусульманами, и что новый Совнарком содержал 4 мусульман из 16. Кобозев также возглавил создание впервые Коммунистической партии Туркестана (КПТ). Кобозев созвал конференцию всех большевистских организаций Туркестана в июне 1918 г. и курировал формирование КПТ в качестве филиала Российской коммунистической партии.

Во 2-м разделе «Muslims in the Soviet Order» («Мусульмане в советском порядке») говорится о формировании новых органов власти с участием мусульманской интеллигенции, союзе *джадидов* и коммунистов в борьбе против консерваторов (*'улама'*). Первые отклики *джадидов* к слиянию с большевиками были полностью отрицательными. Но вмешательство центра против коммунистов поселенцев открыло совершенно новые возможности. Для многих *джадидов* новые органы власти стали местом для продолжения мобилизации 1917 г., как против европейских поселенцев, так и против «реакции» в своем собственном обществе. Многие члены «Шуро-и исломия» и правительства Туркестанской автономии в Коканде стали большевиками и вошли в советские органы власти. *Джадиды* использовали свой доступ к новым институтам, чтобы продолжить свою борьбу с консерваторами (*'улама'*). Одним из первых актов вновь образованного Совета старого города Ташкента была просьба к городской полиции арестовать «контрреволюционных» *улемов* из «Уламо жамияти» и конфискации их имущество. Однако, новый порядок

расширил доступ к общественной жизни, и к *джадидам* присоединились различного рода активисты-мужи, которые вошли в общественную жизнь не путем участия в культурной реформе, а непосредственно через новую политику. Поэтому их интеллектуальные траектории отличались от *джадидов* в важных направлениях. Многие из этих свежеиспеченных коммунистов получили образование в так называемых русско-туземных школах и свободно владели русским языком, который стал необходимым условием для участия в новой политике, инициированной Февральской революцией. Мало кто из них был серьезно вовлечен в проект исламской реформы, определявший *джадидизм* до революции.

В 3-м разделе «New Languages of Politics» («Новые языки политики») речь идет о том, как мусульмане Туркестана воспринимали идеологию большевиков. После захвата власти Ташкентским Советом, различные мусульманские деятели пытались использовать язык класса, но только чтобы сделать его местным. Автономное правительство в Коканде было вынуждено собирать для себя «пролетарскую» легитимность и организовало конференцию мусульманских рабочих в Коканде в январе 1918 г. В то же время, активисты установили Совет мусульманских рабочих в Ташкенте, хотя единственным признаком его существования был его печатный орган, «национальный, политический, экономический, исторический, научный и социальный журнал», который назывался «Ишчилар дунёси» («Мир рабочих»). Он подверг резкой критике действия и политику большевиков и стремился образовать рабочих мусульман об опасности большевизма. Два месяца спустя после падения правительства в Коканде в Ташкенте появилась «Мусульманская рабочая партия», платформа которой состояла из требования обширных национальных и языковых прав коренного населения Туркестана и связывала революцию непосредственно с национальным освобождением. Шерали Лапин, в свою очередь, вернулся после разгрома в Коканде и написал увлекательное письмо в Ташкентский Совет от имени «Уламо жамияти», в котором он утверждал, что корни социализма лежат в исламе, чье учение о социальной справедливости предвещала марксистская критика капи-

тализма, и, таким образом, *улемы*, как носители ислама, были реальной силой революции в мусульманском обществе и естественными партнерами советской власти (в отличие от «так называемых прогрессистов», которые только хотели европеизации мусульманского общества и, следовательно, чтобы подготовить почву для капитализма). Единство и борьба против угнетения, такой смысл имел большевизм для выходцев из Средней Азии.

В 4-м разделе «Liberating the East» («Освобождая Восток») говорится о том, что главной идеей, обеспечившей точку соприкосновения между большевиками и мусульманской интеллигенцией Средней Азии, была миссия освобождения Востока от колониального гнета. Для социальной революции необходимо было лишить европейские державы их колоний, чтобы потом преуспеть в метрополии. Большевики с самого прихода к власти придавали большое значение «Востоку», рассчитывая на революционный потенциал угнетенных колониальным гнетом народов. Поэтому один из первых указов большевиков был адресован «трудящимся мусульманам России и Востока». «Национально-колониальный вопрос» был одним из основных на 2-м конгрессе Коминтерна в июле 1920 г., созвавшем в сентябре 1-й съезд народов Востока в Баку. Во всех этих событиях Туркестан занимал центральное место как «парадная дверь на Восток», авангард революции в Индии и «мусульманском Востоке». Интеллектуалы Средней Азии пришли к идее антиколониальной революции по своему пути. После поражения Османской империи в мировой войне *джадиды* стали рассматривать ее, как и весь мусульманский мир, жертвой империализма. Ситуация привела *джадидов* к переоценке большевиков, в которых они теперь видели агентов нового мирового порядка, содержащего возможность национального освобождения и прогресса, а также борьбу против реакции. Опыт 1917 и 1918 гг. сделал культурные и политические горизонты *джадидов* более радикальными и они увлеклись идеей революции как одной из форм изменения общества. Для них теперь империализм, эксплуатация и угнетение стали отличительными чертами Европы (и Великобритании, в частности). Фитрат в своих работах сосредоточил внимание на колониальном гнете народа под британским владычеством в Ин-

дии и восхвалял тел, кто боролся против него. Фитрат теперь предлагал стратегический альянс между мусульманским миром и Советской Россией. В 1919 – 1920 гг. Ташкент, фактически, стал перекрестком мировой революции, где собирались османские подданные разных мастей, иранские эмигранты, афганские дипломаты и индийские революционеры. Коммунизм стал для народов Востока синонимом антиколониального национального восстания. В риторике мусульманских коммунистов в Туркестане доминировал дух глобальной борьбы против британского империализма и предоставил им миссию всемирно-исторических пропорций. Если Туркестан должен был стать моделью успешной антиколониальной социалистической революции, то проводившаяся там политика имела большое значение. Мусульманские коммунисты Туркестана надеялись, что советскую политику в Туркестане будут формировать императивы «революционизирования Востока». Антиколониальное понимание революции занимало центральное место в мировоззрении первых мусульманских коммунистов в Туркестане.

В 5-м разделе «The Musburo and the Imagining of a Revolutionary Turkestan» («Мусбюро и представление революционного Туркестана») речь идет о том, как протекало утверждение коммунистов от мусульман в советских органах власти и их взаимоотношениях с коммунистами от европейских поселенцев. Форсированное вступление мусульман в органы революционной власти столкнулось с непримиримой оппозицией европейских коммунистов Туркестана, составлявших подавляющее большинство в ТурЦИК. Поэтому в марте 1919 г. Кобозев настаивал на формировании Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций Туркестана (Мусбюро) с задачей пропаганды идей советской власти среди коренного населения и создания среди нее партийных организаций. Мусбюро создало сеть организаций по всему Туркестану, набранных из среды мусульманского населения, а также провело 3 конференции в период с мая 1919 г. до января 1920 г. Мусбюро было предоставлено право напрямую общаться с Москвой и выпускать свою газету. Оно стало основной опорой Кобозева в его борьбе с местными русскими лидерами и для утверждения мусульманской власти в но-

вых учреждениях. Уже к сентябрю при поддержке Кобозева мусульманские коммунисты составляли большинство в ТурЦИК. Мусульманские коммунисты направили все свои силы на защиту коренного населения от бесчинств европейских поселенцев, борьбу за продовольствие и против монополии европейцев над революцией. Главной политической фигурой в этот период был лидер мусульманских коммунистов Турар Рыскулов. Пользуясь поддержкой Кобозева, мусульманские коммунисты вели свою деятельность независимо от европейских коммунистов даже в вопросах внешней политики. Советский строй в старых городах Туркестана имел собственный смысл. Исключение составлял глава мусульманских коммунистов Турар Рыскулов. *Джадиды* имели с ними общую платформу, но последние, в отличие от первых, в качестве фундаментальной категории использовали не тюркизм, а нацию, и не ссылались на Темура. Тем не менее, совместными усилиями они выпустили несколько чисто тюркистских резолюций. В январе 1920 г. был созван 5-й съезд КПТ с большинством мусульманских делегатов, которые переименовали Туркестан в Тюркскую Советскую Республику, а КПТ в Тюркскую Коммунистическую партию. Таким образом колониальный Туркестан имевший территориальное значение превратился в национальную республику тюркских народов, чье единство рассматривалось как важный аспект интернационализма. Для мусульман революция имела смысл только в качестве национальной антиколониальной борьбы. Революция должна была отменить колониальный гнет в стране и освободить колониальный мир за рубежом, и мусульманским коммунистам Советского государства принадлежала в этом деле особая роль. Революция была средством национального освобождения и модернизации.

В 6-м разделе «The Turkkomissiia and the Assertion of Central Control» («Турккомиссия и установление центрального управления») говорится о прибытии в октябре 1919 г. из Москвы в Туркестан специальной комиссии центральной власти для контроля над новыми органами управления и о последовавших в связи с этим изменениях. В Туркестан в значительных количествах прибыли части Красной армии. ЦК назначил специальную ко-

миссию Туркестана (Турккомиссия) в качестве полномочного органа, управляющего регионом. В комиссию входили Г.Бокий, М.Фрунзе, Ф.Голощекин, В.Куйбышев и Я.Рудзутак, а возглавлял ее возглавлял Ш.Элиава. Прибытие комиссии резко изменило политический ландшафт в Туркестане резко и положило конец периоду относительной независимости региона от центра, которой он пользовался с марта 1917 г. Мусбюро не смогло установить с Турккомиссией таких же сердечных отношений, как с Кобозевым. Командующим войсками Туркестанского фронта Красной Армии был М.В.Фрунзе, который агрессивно принял Рыскулова и Мусбюро, резко критикуя его позицию как «мелкобуржуазного национализма». Он заставил Турккомиссию аннулировать резолюции Мусбюро о переименовании Туркестана и КПТ. Весной 1920 г. разразилась напряженная борьба между Турккомиссией и мусульманскими коммунистами Туркестана, которые теперь составляли большинство как в ЦК КПТ, так и в ТурЦИК. Они отказались реализовать решения Турккомиссии и отправили в центр несколько жалоб на ее действия. Но эти жалобы не дали никаких результатов. Мусульманские коммунисты считали себя логическими носителями советской власти в Туркестане. Рыскулов утверждал, что Туркестан должен быть национальной республикой, пользующейся широкой автономией, в т.ч. правом на проведение своей внешней политики и выпуска своих деньги. Однако Фрунзе и Турккомиссия заняли жесткую позицию в отношении национального коммунизма. 22 июня Политбюро приняло резолюцию, в которой было определено положение Туркестана в советском государстве. Внешние связи, внешняя торговля и военного дела должны были быть исключительной прерогативой центра, а экономическая политика и продовольственное снабжение Туркестана должны были проводиться в рамках планов, установленных правительством РСФСР. Указом была провозглашена Туркестанская Советская Социалистическая Республика в качестве автономной части РСФСР. Политбюро преобразовало Туркомиссию в Туркестанское бюро (Туркбюро) в качестве полномочного агента центральной власти. В 1922 г. Туркбюро было преобразовано в Средазбюро с расширением юрисдикции на Бухару и Хиву. Политбюро

также приказало переизбрать все партийные и советские комитеты в Туркестане, из которых были вытеснены Рыскулов и его последователи. Этот процесс сопровождался волной арестов «националистов», а также депортацией многих европейцев, обвиненных в колонизаторстве. Таким образом, лето 1920 г. стало поворотным моментом в установлении советской власти в Туркестане. Деятельность национальных коммунистов была взята под жесткий контроль центральных властей. Национальное движение ушло в подполье.

4-я глава «The Muslim Republic of Bukhara» («Мусульманская республика Бухары») состоит из предисловия и 7 разделов.

В предисловии говорится о том, что летом 1920 г. М.Фрунзе решил положить конец Бухарскому эмирату, выбрав военное решение этого вопроса. В конце августа Красная армия вторглась на территорию ханства и свергла власть эмира. Бухара была объявлена «Бухарской Народной Советской Республикой» (БСНР) во главе с Бухарской Коммунистической партией (БКП), в которую были привлечены и молодые бухарцы. Таким образом политическая власть в Бухаре на короткое время оказалась в руках *джадидов*, которые сделали попытку реализовать свою программу мусульманской реформы, хотя и радикализованную революцией, и создать национальную республику. В отличие от Туркестана БНСР основывалась не на идеях марксизма и ленинизма, а на идеях мусульманского модернизма; это была коммунистическая, а мусульманская республика. Еще с нач. XX в. в мировоззрении бухарских реформаторов особую роль занимали османские модели. Благотворительные общества Бухары посылали молодых людей учиться в Стамбул и создали в Бухаре дальний угол Османского политического мира. Теперь русская революция неожиданно дала реформаторам возможность привести свою программу в действие. БНСР имела значительную роль в триумфе тюркизма в Средней Азии. Именно в БНСР кристаллизуется понятие Бухары как тюркского государства. Младобухарцы сделали узбекский язык официальным языком государства и проводили политику, изменившую национальный ландшафт Средней Азии.

В 1-м разделе «The Young Bukharans in Exile» («Младобухарцы в изгнании») речь идет о радикальных изменениях, произошедших в мировоззрении реформаторов Бухары за 3,5 года в период между Февральской революцией и вторжением Красной армии в Бухару. Неудача *джадидов* в апреле 1917 г. привели к массовому исходу их в Туркестан. В то время как реформаторы пытались привлечь внешние силы в бухарские дела, в революционном хаосе эмир максимизировал свою независимость от России, заручившись поддержкой консервативного духовенства (*'улама'*). Младобухарцы надеялись, что Ташкентский Совет, вопреки желанию Временного правительства, выступит против эмира. В марте 1918 г. председатель Совнаркома Ташкента Ф.И.Колесов, гордый тем, что разрушил Коканд, появился в Кагане и заявил младобухарцам, что через 5 дней собирается вторгнуться в Бухару. 17 марта младобухарцы спешно сформировал «революционный комитет» и сформулировали ультиматум, который Колесов должен был доставить эмиру. Но ультиматум не удался, военная авантюра Колесова закончилась провалом, и 25 марта в Кызыл-тепа между советским режимом и Бухарой был подписан мирный договор. В течение следующих 2-х лет эмир Бухары выступал в качестве суверенного правителя, выпуская бумажные деньги, инициируя дипломатические контакты с Афганистаном и англичанами в Иране и Закаспием. После поражения Колесова в Бухаре усилились преследования младобухарцев, которые были объявлены предателями и отступниками, ничем не отличающимися от большевиков. Многие из них были арестованы и убиты, а их имущество конфисковано. Остальные бежали в Ташкент, который с мая 1918 г. стал главным центром их деятельности. Изгнание стало причиной изменения политических целей младобухарцев, возбудив в них ярую ненависть к эмиру и увлечение идеями революции. Если до 1917 г. бухарские *джадиды* видели в эмире Бухары последнего оставшегося в живых мусульманского монарха в Средней Азии, то теперь в их глазах он был испорченным, кровожадным деспотом, жившим за счет тяжелого труда подвластных ему крестьян. В сентябре 1918 г. небольшая группа мусульман, проживающих в русских анклавах в Бухаре организовала Бухарскую комму-

нистическую партию (БКП), отношения которой с младобухарцами были враждебными. Перед вторжением в Бухару 28 августа 1920 г. Фрунзе вынудил младобухарцев к слиянию с БКП, хотя обе стороны были этим недовольны. Новая партия называлась БКП, но доминирующую роль в ней играли младобухарцы.

Во 2-м разделе «The Young Bukharans in Power» («Младобухарцы у власти») речь идет о процессе государственного строительства в БНСР во главе с младобухарцами и коммунистами. После объявления БНСР младобухарцы сразу начали формировать органы революционной власти: ревком, Совет министров и министерства. В отличие от Туркестана, где *джадиды* никогда не брали в свои руки политическую власть, советская тактика поставила Бухарских мусульманских модернистских реформаторов на управление государством. Принудительное слияние с БКП не сделало младобухарцев за одну ночь убежденными коммунистами, так же как не изменило их политических взглядов. Необходимость успокоить Советов вынудило правительство БНСР использовать идеологическое двуязычие, в результате чего в своих связях с советскими властями они «говорили как большевики», но все внутренние дела своего государства направили на укрепление национального суверенитета и независимости. Они стремились создать централизованное, современное национальное государства с полным суверенитетом и членством в зарождающемся мировом порядке национальных государств. На всех уровнях государственного строительства чувствовалось влияние Османской империи. Узбекский язык, объявленный государственным, и был под влиянием османского языка. Главными фигурами этого периода были Фитрат, Файзулла Ходжаев, Айни и др. Младобухарцы задолго до революции отводили государству ведущую роль в проведении реформ. Поэтому их видение будущего своего государства не имело ничего общего с классовой борьбой, не говоря уже о других категориях, которыми руководствовались большевики. В документах БНСР полностью отсутствует марксистская система отсчета и класса. Главной целью революции было преодоление невежества и достижение прогресса. Внутренняя политика младобухарцев была направлена на создание современного централизованного государ-

ства с единой административной структурой. В октябре 1920 г. была создана отдельная комиссия по защите революции, а в феврале 1921 г. основана Бухарская Красная армия, которая рассматривалась как национальная армия. Главной идеей младобухарцев, по-прежнему, был тюркизм, который проявлялся в их использовании узбекского языка в качестве языка канцелярии и обучения. Для младобухарцев Бухарская республика была продуктом исламского возрождения, национального освобождения и антиколониальной революции, а не коммунизма или русской революции. Бухарское правительство начало посылать студентов за границу, чтобы приобрести современное техническое образование. Младобухарцы надеялись сделать Бухару суверенным, модернизированным национальным государством со своей собственной экономической и внешней политикой. Они образовали Министерство иностранных дел и приступили к учреждению консульских представительств в нескольких соседних странах. Представители в Кабуле и Москве носили звание посла (*сафир*), в то время как те, кто был назначен в Петроград, Ташкент, Баку и Тбилиси были консулами. Они также выразили надежду, что БКП вступит в Коминтерн в качестве независимой партии, а не в качестве спутника РКП (б). Все эти надежды были быстро раздавлены Советами, но они являются хорошим показателем того, как младобухарцы представляли политику.

В 3-м разделе «The Demise of the Old Culture in Bukhara» («Гибель старой культуры в Бухаре») речь идет о прекращении господства старой мусульманской культуры в общественной жизни Бухары. Побег эмира и установление власти младобухарцев поставили печать на судьбе традиционной городской персоязычной культурной элиты и породившей ее дворцовой культуры. Хотя некоторые из знати оказывали поддержку младобухарцам, свержение старого строя безвозвратно изменило параметры культурной и политической жизни в Бухаре. Часть старой знати бежала с эмиром, а другая была в гневе на младобухарцев. Новое правительство наказало всех *улемов*, преследовавших *джадидов* с апреля 1917 г. Все высшее мусульманское духовенство было арестовано и подвергалось издевательствам и унижениям. Сначала их заставили чистить туалеты и подметать ули-

цы, затем заставили вырыть себе могилы, и казнили 18 октября. Новое правительство конфисковало имущество эмира, его семьи, а также тех, кто бежал с ним. С другой стороны, бежавшие из Бухары *джадиды* возвращались обратно, и вступали в новые органы власти. С точки зрения бухарской политической элиты, это означало крах бухарских *'улама'* из фракции *кухистани* и господство бухарской (или *тумани)* фракции. Первоначально некоторые из старой литературной элиты нашли свою нишу в новом порядке. Вакфная администрация продолжала нанимать членов старой финансовой администрации, но теперь они были наемными работниками, лишенные своих старых регалий, и жившие в нищете. В других отношениях также солнце садилось над старой культурой. Вторжение в Бухару нанесло огромный ущерб наследию города. Библиотеки эмира и его дяди книголюба Носирхона тура были уничтожены во время бомбардировок и последовавших за ними пожаров, книги из многих других личных библиотек были изъяты и переданы в новую национальную библиотеку. Многие *мадраса* опустели, так как студенты покинули их из-за расстройства дел. Министерство образования уделяло значительное внимание историко-этнографическим исследованиям, но они должны были быть на службе нации, что исключало участие в них литераторов старшего поколения. Образцами продукции этой новой плеяды историков был каталог древностей Бухары, составленный по заказу министерства Мусо Саиджоновым, и переводы работ европейских ученых по истории Средней Азии, таких как Вамбери и Бартольд. Эти переводы были на персидском языке, а на узбекском, который младобухарцы объявили государственным языком новой республики. Литераторы старшего поколения продолжали сочинять литературу и историографию, следуя канонам старых традиций, но их эпоха уже прошла. Они были отодвинуты в сторону как в социальном и языковом, так и гносеологическом плане.

В 4-м разделе «State and Islam in Bukhara» («Государство и ислам в Бухаре») говорится о роли ислама в государстве младобухарцев. Младобухарцы стремились модернизировать ислам и не пытались устранить его из общественной жизни. Для сущест-

вования республики необходима была исламская легитимность. Младобухарцы вели фракционную борьбу с консервативным духовенством (*'улама'*). Но на их стороне было несколько видных бухарских *улемов*, поддерживавших проведение реформ. Именно к ним обратились младобухарцы, как только оказались у власти. Чтобы быть в согласии с *шари'атом*, новое правительство получило от них *фетву* объявить об отстранении эмира от власти. В 1922 г. было создано Общество юристов (Фуқаҳо жамияти), которое выпускало прокламации населению от имени младобухарцев и их революции. В январе 1924 г. правительство организовало конференцию «просвещенных *улемов*», которые выдали разрешение на реформы *мадраса* и осудили сложные празднования праздников жизненного цикла, а также, в духе времени, против британского империализма на «Востоке». Один из первых указов нового правительства поставил все казийские суды под надзор Министерства юстиции. Кроме того, правительство создало администрацию *вакфов* для контроля за сбором доходов от всех *вакфов* и их расходом. Последующие законы отменили *вакфы*, наделенные для использования потомками благодетелей (*вақф-и авлод*) и передали наделенные средства для использования в культурных и образовательных целях. В марте 1922 г. был пересмотрен закон о *вакфах* комиссией во главе с Фитратом, которая упразднила Администрацию *вакфов* и создала в Дирекцию *вакфов* при Министерстве образования. Все вакфное имущество оставалось освобожденным от уплаты налогов. *Вакфы* в пользу мечетей должны были оставаться у мечетей, но переведены под руководство Дирекции *вакфов*. Все остальные *вакфы* должны были быть предоставлены в распоряжение Дирекции *вакфов* и расходоваться на действующие новометодные школы или строительство новых школ, *мадраса*, и детских домов, а также для публикации газет, журналов, полезных книг, т. е. на реализацию джадидской программы культурной реформы. Уже в марте 1921 г. Администрация *вакфов* использовала свои средства на ремонтные работ на исторических памятниках (в т. ч. Минор-и калон), поврежденных во время захвата Бухары, а в дальнейшем отремонтировала несколько *мадраса* и восстановила их с реформированным учебным пла-

ном. Контроль за доходами от *вакф* дал государству возможность требовать изменения в учебной программе и право голоса в приеме на работу и увольнение преподавателей в *мадраса* столицы. В июле 1922 г. Дирекция *вакфов* решила возобновить работу 10 *мадраса*, студенты которых бежали в хаосе революции. В октябре 1923 г. правительство организовало конференцию работавших на вакфных землях крестьян, выставивших ряд требований, в т.ч. расследовать финансы Администрации *вакфов*. Их требование было немедленно выполнено, ГПУ провело обыски в офисах Администрации *вакфов* и конфисковало ее документы. Затем последовал новый закон, закрепивший различие между религиозными и культурно-образовательными *вакфами*, причем последние должны были использоваться для реформы старометодных школ и *мадраса*, назначения подходящих инструкторов, ввода в эксплуатацию учебников и издания газет и журналов, чтобы «бороться с фанатизмом и невежеством».

В 5-м разделе «Consolidating the Republic» («Укрепление республики») речь идет о том, как младобухарцы боролись за обеспечение легитимности своей власти в глазах местного населения. Несмотря на все преследования и вымогательства, налагавшиеся эмиром на своих подданных, начиная с 1917 г., его легитимность от этого сильно не пострадала. Что касается младобухарцев, то их идеи были чуждыми местному населению. Они пришли к власти, благодаря Красной армии, которая захватив Бухару, уничтожила и повредила многие исторические памятники города. Поэтому в глазах местного населения младобухарцы «разорили свою собственную священную родину». Ходили слухи о том, что эмир собирается вернуться в Бухару, чтобы вернуть трон своих предков и наказать мятежников. На протяжении всего периода существования республики не прекращались мятежи, особенно, в горных районах Восточной Бухары, которая была оплотом консервативного духовенства (*'улама'*) Бухары, непримиримых противников проведения реформ. Свержение эмира привело к утверждению власти местных правителей и военачальников. Это было так называемое бухарское басмаческое повстанческое движение, которое длилось практически все время существования БНСР. В документах того времени это

повстанческое движение характеризуется как гражданская война. Центральный контроль над этими районами мог быть установлен только при помощи Красной армии, которая почти полностью состояла из европейцев и рассматривалась как оккупационная армия. Сами младобухарцы без помощи Красной армии не могли ничего сделать. Еще одной проблемой для младобухарцев были разногласия с членами старой БКП, которые постоянно писали против них доносы в центральные органы власти. Но еще более серьезной проблемой было горькое соперничество и борьба за власть между Файзуллой Ходжаевым и Абдукодиром Мухиддиновым. В основе этого соперничества были не идейные разногласия, а личные мотивы, уходящие корнями в дореволюционное прошлое Бухары. В этом конфликте Советы приняли сторону Ходжаева и поддержали его. Тем не менее, при всем том, что Ходжаев был в долгу перед Советами, Ходжаев последовательно стремился к достижению максимальной независимости своего правительства и суверенитету. Его кузен Усмон Ходжа пошел по другому пути. После того, как он был избран главой ЦИК республики в сентябре 1921 г., через 3 месяца он бежал. Проехав по Восточной Бухаре в компании военного министра Арифова, он привел бухарский отряд в Душанбе для нападения на Советский гарнизон в городе, в результате которого несколько высокопоставленных командиров Советов были захвачены в качестве заложников. Усмон Ходжа объявил всеобщую войну всем русским войскам в республике, призвав «всех тех, у кого есть оружие на руках», чтобы присоединиться к борьбе за «избавление от агрессии врага», которая продолжалась на протяжении полувека. Хотя Красная армия смогла прорвать блокаду, она не смогла захватить Усмон Ходжу, который сначала сотрудничал с Энвер-пашой, а в апреле 1922 г. перебрался в Афганистан, чтобы обратиться за помощью к Аманулле, а также к англичанам. Оттуда он уехал в Турцию, где под именем Осман Кожаоглу сформировал ядро сообщества эмигрантов из Средней Азии.

В 6-м разделе «Secret Societies» («Тайные общества») о подпольных организациях, действовавших против советской власти в Бухаре и Туркестане. Многие младобухарцы были шокиро-

ваны масштабом разрушений города во время его захвата Красной армией, и начали изучать различные пути действий против советской власти. Таким образом, Бухара превратилась в центр всех антисоветски настроенных сил. 31 декабря 1920 г. в Бухару прибыл Ахмед Зеки Валиди, который стал инициатором формирования тайной организации для борьбы за национальное освобождение. Он имел поддержку некоторых высокопоставленных лиц в бухарском правительстве. В апреле 1921 г. несколько деятелей из числа бухарцев, туркестанцев и казахов образовали Союз национальных народных мусульманских организаций Средней Азии (Ўрта Осиё миллий авомий мусулмон жамиятлари иттиҳоди) или «Миллий иттиход», с общей программой. В 1922 г. название организации было изменено на Туркистон миллий бирлиги (Национальное единство Туркестана). Главной целью этой организации было достижение независимости «Туркестана», который должен был стать «демократической республикой» с полной свободой в делах государства и вопросах религии. Туркестан должен был иметь свою собственную национальную армию и экономическую независимость, и стремиться к развитию современной науки и образования с прямым доступом к европейской цивилизации (а не через русский язык). Доступ к природным ресурсам страны должен был быть пропорциональным доле каждой национальности в населении. Термин «Туркестан» был использован расширительно для обозначения всей русской Средней Азии, а именно влючал царскую область Туркестан, Бухару, Хиву, Казахскую республику (т. е. бывший Степной край), а также районы с башкирским населением. Стремление к независимости было основано на принципе национального самоопределения и было направлено против русских поселенцев и Российского государства. «Туркестан» явно был задуман как родина всех тюрков, проживающих на территории Российской империи. Программа не включала территории, населенные тюркскими народами, но находящиеся под властью Китая и Афганистана. «Миллий иттиход» имел ЦК, проводил периодические «конгрессы», на которых решались вопросы практики и политики, и был таким же продуктом российской политической жизни, как большевики. В марте 1921 г. чекисты арестовали в Ав-

лие-Ата двух мужчин, которые направлялись в китайский Туркестан с письмами, адресованными к консулам Японии и Великобритании соответственно в Кульдже и Кашгаре. В этих письмах руководители ЦК «Миллий Иттиход» просили военную и финансовую помощь для борьбы Туркестана против агрессии и насилия большевиков. Письма были для ЧК достаточным доказательством существования обширного контрреволюционного заговора, связанного с иностранными державами. Агенты ЧК арестовали в Ташкенте ряд людей, которые были осуждены и приговорены к смерти.

В 7-м разделе «Between a Rock and a Hard Place» («Между молотом и наковальней»)[176] говорится о действиях центрального правительства, направленных на ограничение суверенитета государства младобухарцев. Советы не были заинтересованы в поддержке мусульманского модернистского национального государства в Средней Азии. Они собирались как можно быстрее включить Бухару в основное русло советской жизни и подчинить ее командам центрального правительства. Годы революции и гражданской войны переориентировали внешнюю торговлю Бухары. Немногие бухарские купцы приняли российскую валюту, выданную Временным правительством, не говоря уже о Советской, а также экспорт в Россию резко упал, многие стали смотреть на рынки в Афганистане и Индии. Советы стремились как можно скорее отменить такое развитие событий, потому что они хотели получать бухарские товары (хлопок, зерно и др.) по низким ценам. В 1921 г. извлечение ресурсов из Бухары стали важной частью обязанностей Туркбюро. Попытки правительства БНСР проводить свою собственную политику вызвало в Москве враждебное отношение. Чтобы привести Бухару в подчинение центральное правительство провело экономическую и валютную унификацию 3-х республик Средней Азии. В мае 1922 г. большевики решили взять Бухару под еще более жесткий контроль. С этой целью Центральный Комитет создал Среднезиатский экономический совет и в течение следующих 2-х лет Средазбюро вынудило бухарское и хивинское руководство при-

[176] Букв. «Между скалой и песчаным местом».

нять новые условия. Попытка БКП присоединиться к Коминтерну в качестве самостоятельной партии также столкнулась с решительным противодействием со стороны ЦК РКП (б). Таким же образом Москва была нетерпима к попытке младобухарцев создать свои собственные внешние связи. Советские власти препятствовали деятельности иностранных дипломатических миссий, направлявшихся в Бухару, а также посольств и представительств Бухары, открытых в зарубежных странах. В результате этих действий были арестованы и депортированы все османские военнопленные, работавшие в Бухаре в качестве учителей, закрыты посольства и представительства Бухары или взяты под контроль советских посольств, отозваны студенты, учившиеся за рубежом. Конец автономии младобухарцев пришел в июне 1923 г., когда советский полпред в Бухаре провел чистку бухарского кабинета. Бухарский ЦИК отстранил от должностей 4-х министров и сослал их в Москву. Отставка 4-х министров наказала остальных членов правительства, которые признали факт давления Советского Союза. После этой чистки тон заявлений и деятельности бухарского правительства резко изменились. Исчезли попытки максимизировать свою сферу действия, исчезли иллюзии о национальной независимости и использование исламской риторики. Бухара была советизирована. В целом, 1923 г. был поворотным моментом в политической истории Средней Азии. К той осени, Красная армия решительно изменила ход войны против *басмачей*. Для среднеазиатской интеллигенции 1923 г. тоже был решающим. Три различных национальных проектов – Кокандская автономия, Мусбюро и БНСР – потерпели неудачу. С этого времени национальные проекты были вынуждены работать в рамках советского режима.

5-я глава «The Long Road to Soviet Power» («Долгий путь к советской власти») состоит из предисловия и 6 разделов.

В предисловии говорится о том, что после того, как летом 1920 г. центральные власти вытеснили мусульманских коммунистов во главе с Рыскуловым, начали процесс укрепления своего контроля над советскими и партийными учреждениями в Туркестане. Установление советской власти требовало массовой мобилизации, в результате которой в сфере политики было за-

действовано большое число людей. Советское строительство включало организацию крестьян, ремесленников и женщин, а также молодежи; создание газет и школ; кампании по борьбе с неграмотностью; и создание новой административной структуры гораздо обширной, чем в царские времена. Это, в свою очередь, требовало политического образования (*политпросвет*) или, по крайней мере, политграмоты (*сиёсий савод*). Самопровозглашенным ведущим к этому спасению была Коммунистическая партия, провидец будущего и монопольный поставщик политики и консультаций. Новый режим нуждался в поддержке избирателей в местном обществе. Для привлечения новобранцев в новые институты власти Советы использовали разногласия в обществе, которых было много. Они нашли желающих новобранцев среди молодежи, которой не терпелось бросить вызов авторитету старших и переделать мир по-своему. Они нашли сторонников среди женщин, бежавших от оскорбительных браков или угнетения их семей. Немало членов новых учреждений были сиротами, выросшими за пределами структур традиционной семейной жизни. Детские дома были главными поставщиками студентов для создававшихся новых учебных заведений, в которые родители часто неохотно отправляли своих детей. Советские учреждения создали новую арену, в которой разыгрывалась борьба за власть в местном обществе. Первое выступление Москвы в Туркестане в 1918 г. было направлено на сдерживание власти, в которой доминировали европейцы Ташкентского Совета. Использование большевиками антиколониальной риторики и их обещания национальной автономии дали мусульманским активистам надежду в борьбе против колонизаторства Средней Азии. Этой надежде была дана новая жизнь в 1923 г., когда партия развернула по всей стране политику *коренизации*, обещавшей позитивные изменения в нерусских районах СССР. Но эти надежды не сбылись. Новая политика столкнулась с решительной оппозицией со стороны европейских поселенцев в Средней Азии, численность которых после революции увеличилась за счет вновь прибывших. Отсутствие исполнения решений породило недовольство местного населения, которое было вос-

принято партийными властями и политической полицией как признак нелояльности и «национализма».

В 1-м разделе «Between Empire and Revolution» («Между империей и революцией») речь идет об экономической политике советских властей, в результате которой Туркестан был превращен в хлопково-сырьевую базу для промышленных предприятий России и Украины. В течение нескольких лет после 1920 г. Средняя Азия вновь была присоединена к Российскому государству в советских условиях. Туркестан стал автономной республикой в составе Советского государства. Туркомиссия была превращена в Туркестанского бюро (Туркбюро), которое по-прежнему выступало в качестве полномочного органа центрального управления. В апреле 1922 г. оно было переименовано в Среднеазиатское Бюро (Средазбюро) и его власть распространялась на Народные республики Бухары и Хорезма. В 1922 г. был учрежден Среднеазиатский экономический совет (СредазЭкосо) с целью регулирования экономик 3-х республик и их подчинения централизованному управлению и планированию. Центр нуждался в экономических ресурсах Туркестана, который, несмотря на собственный голод, поставлял продукты питания в Россию. Но самым главным продуктом Туркестана был хлопок, производство которого после 1917 г. тяжело пострадало. В сентябре 1921 г. в Москве был учрежден Главный комитет по хлопку (Главхлопком), задачей которого было закупать хлопок, поставлять его на текстильные фабрики (в основном в России), организовать кредиты для производителей, и уход за оросительной сетью. Главхлопком занимался также закупкой зерна, которое он использовал для оплаты крестьянам, выращивавшим хлопок, а также выдавал кредиты производителям хлопка. Советское правительство объявило главной целью экономической политики «хлопковую независимость» и стремилось увеличить производство хлопка в Средней Азии. Цену на хлопок устанавливал Главхлопком. Цена хлопка была очень низкой и не покрывала даже издержек производства. Национальные коммунисты надеялись, что советская власть принесет в регион индустриализацию. Но эти надежды быстро исчезли. В 1927 г. экономической политикой было определено, чтобы промышленное про-

изводство концентрировалось в России и Украине. Это подтвердило статус Средней Азии в качестве поставщика сырья для промышленности в других регионах. Таким образом, обещание революции о равномерном развитии всех регионов не было исполнено, что вызвало у коммунистов Средней Азии чувство большого разочарования.

Во 2-м разделе «Sovietizing Central Asia» («Советизация Средней Азии») речь идет о формировании советских органов власти в Средней Азии. Самым важным институтом в стране Советов была Коммунистическая партия, которая была авангардом революции и хранилищем политической мудрости. Главной целью нового режима было полное изменение установленного порядка в обществе. Основной формой управления стали городские и сельские советы, и их исполнительные комитеты (исполкомы). Советы были призваны довести до деревни революцию, отдав руководство в руки бедных. Главной опорой режима были бедные и безземельные крестьяне. В 1920 г. был организован Союз бедных и безземельных крестьян «Кошчи» (Пахарь), который стал инструментом вмешательства партии в жизнь деревни. В 1925 – 1927 гг. Союз был задействован в проведении земельно-водной реформы, но вскоре после этого распался. Еще одной точкой опоры партии были женщины. Чтобы наладить связь с женской половиной общества, в 1919 г. партия учредила женскую секцию (Женотдел), активистами которого были оказавшиеся в беде женщины: вдовы, разведенные женщины, а также отказавшиеся от оскорбительных браков, или просто те, кто жил в условиях крайней нищеты. После нескольких лет дислокации, число таких женщин было значительным. Женотдел обеспечивал таким женщинам занятость через трудовые кооперативы (артели) и предоставлял юридичес- кие права, которых раньше у них не было. Городская молодежь была организована в Коммунистический Союз молодежи (Комсомол), который был кузницей политических и культурных радикалов. Государство организовало также рабочие и потребительские кооперативы для привлечения ремесленников в социалистический сектор экономики и противодействия влиянию рынка (а также «баев и кулаков») на экономическую жизнь региона. Кооперативное дви-

жение способствовало перестройке сил в Туркестанском обществе, так как купцы потеряли большую часть своей экономической мощи и своей культурной и социальной власти. С образованием Узбекистана в 1924 г. партия стала оказывать более существенное вмешательство в жизнь общества. Одним из первых шагов была реформа земельно-водных отношений в сельской местности, в которой земля была национализирована и перераспределена тем, кто на ней работал. Земельно-водная реформа 1925 – 1927 гг. была первой попыткой перераспределения земли между оседлым мусульманским населением Средней Азии. Перераспределение земли предполагало повысить экономическую производительность, но основная цель реформы была политическая, а именно, изолировать и отобрать имущество верхних слоев в сельской местности, которые считались враждебными режиму, и вместо них создать лояльный режиму округ избирателей из безземельных и малоземельных крестьян. Земельная реформа сопровождалась программой «районирования», преобразившей административную структуру республики. В связи с районированием и земельной реформой было осуществлено много работ в области геодезии и сбора информации о сельской местности, чего раньше никогда никто не делал. СредазЭкосо создала также Комиссию по изучению деревни, в которой работали европейские этнографы и экономисты, выпустившие серию детальных тематических исследований сел в разных уголках Средней Азии.

В 3-м разделе «Political Literacy» («Политическая грамотность») говорится о мерах партии по распространению среди местного населения идей строительства советского общества. Большевики хотели воспитать массы так, чтобы все мыслили как большевики. С этой целью, они составили программу политического образования (политпросвет), призванную закрепить новые привычки мышления в сознании населения так, чтобы видеть политику в категориях и терминах нового режима. Политпросвет проводил «массовую работу» по всей стране, но главный упор делался на группы, которые должны были быть главным избирательным округом партии. Советы выслали агитационные поезда и речные суда в недавно завоеванные Красной

армией земли. В 1920 г. несколько месяцев в Средней Азии провел поезд «Красный Восток», который привез памфлеты и широкополосные издания, показывал короткометражные фильмы и ставил спектакли. В течение следующих нескольких лет «мудрость партии и ее решений» представлялись общественности через публичные лекции, Красные *чайханы*, политические клубы, читальные залы, театр и кино. До национального размежевания, усилия по политпросвету производили лишь незначительные результаты, тем более, что многие учреждения были привязаны к бюджетам местных правительств или профсоюзов или «Кошчи». Красные *чайханы* должны были стать очагами политической мудрости, где плакаты и газеты приветствовали клиентов. Однако, многие из них не отличались от обычных *чайхан*, а читальни и библиотеки были в плохом состоянии, лекций читалось мало, и находились они далеко друг от друга. Тем не менее, в 1926 г. было выпущено много новых материалов – технические планы работы, учебные программы для политических клубов и комсомольских курсов, тексты для использования агитаторов, а также большой выбор революционных пьес, переведенных с русского, татарского, и азербайджанского языков. Проводились конференции активистов политпросвета, которые мобилизовали энтузиазм вокруг предмета. В каком-то смысле политпросвет был побратимом с кампанией по «ликвидации неграмотности». Как и с государственным строительством на низовом уровне, ни одно из этих усилий не имело большого успеха, и все же достижения партии в новых начинаниях и использовании новых возможностей были ощутимыми. Новый раунд выборов в 1926 г. сопровождался агитационной кампанией при поддержке новых материалов, специально созданных или переведенных для него. Агитаторы ходили по сельской местности и проводили встречи, в т. ч. отдельно для женщин. В качестве основных достижений они указывали на ру- ководство советского режима в борьбе с *басмачами*, его роль в экономическом восстановлении, обещание земельной реформы, а также развитие хлопкового сельского хозяйства («главного источника благосостояния крестьян»). Результаты редко были удовлетворительны-

ми для властей, но такие выборы были признаком нового присутствия государства в сельской местности.

В 4-м разделе «The Limits of Korenizatsiia» («Пределы коренизации») говорится о том, как протекал процесс привлечения местного населения к строительству советского общества. Целью политики коренизации большевиков была необходимость дифференцирования советской власти от ее царского предшественника в нерусских окраинах Российской империи. Большевики должны были завоевать доверие туземцев, показав им, что они не империалисты. Нерусские народы нового Советского государства должны были рассматривать советскую власть, как свою собственную. Советская власть должна была стать «местной». Коренизация предоставила официальный мандат для продвижения национальных элит и национальных языков в нерусских частях Советского государства. Однако эта политика встретила сопротивление русских, проживавших в национальных республиках. В Туркестане мусульманские коммунисты с энтузиазмом принялись реализовать ключевые пункты этой политики. Уже в 1918 г. государственным языком был объявлен «тюркский». В январе 1923 г. правительство Туркестана предприняло усилия для переключения на официальную работу на местных языках. Из Совнаркома во все комиссариаты был направлен циркуляр с указанием вести всю переписку на «местных языках», а ТурЦИК постановил, чтобы все отделения ниже уездного уровня наняли хотя бы одного человека, способного вести переписку на местном языке. Мусульманские коммунисты придавали коренизации большое значение и лично участвовали в ее реализации. Политические цели коренизации часто сталкивались с интересами экономической эффективности. Коренизация обходилась дорого, потому что требовала дополнительного найма функционеров, чтобы обеспечить переводы, обучение туземцев в новых рабочих местах, а также преподавание коренных языков европейцам. Аргументы об экономической рациональности коренизации всегда был против нее, так как практиканты снижали производительность труда. Об этом часто заявляли европейские рабочие, доминировавшие в небольшом промышленном секторе. Преобладание в транспорте давало европейцам

стратегическое преимущество в регионе, а также чувство собственности на новый порядок. Государство, в свою очередь остро осознавало, что русский «пролетариат» региона был главной опорой советского режима. Меры Советского государства в перераспределении или выравнивании различных этнических линий встретило решительное сопротивление со стороны европейского населения региона. Преимущество в найме туземцев создало огромное недовольство среди русских и других европейцев в Средней Азии. Этнический конфликт был отличительной чертой политики в Средней Азии с 1916 г., но преимущественный прием на работу вызвал новое чувство негодования среди европейцев. Это был вопрос о праве собственности на революцию, режим и регион. Насилие по этническому признаку, от отдельных боев до организованных драк между русскими и коренными были общей чертой общественной жизни в 1920-е гг., и самые крупные из них столкнули сотни людей с обеих сторон и привели к многочисленным человеческим жертвам. В конечном счете, коренизация была прерогативой партии, но не давала туземцам возможность для предъявления требований. Но даже такое положение дел было значительным. Советское государство могло бы выбрать и другой путь, не признавая существование различных национальностей или не вмешиваясь в жизнь обществе и культуру. Даже если некоторые из элементов коренизации не были полностью реализованы, ожидания, которые она создала, определили горизонты культурных изменений в начале советского периода.

В 5-м разделе «The Vanguard of the Revolution» («Авангард революции») речь идет о формировании новой партийной элиты из мусульманских коммунистов. Самым важным институтом революционного режима была Коммунистическая партия, которая должна была быть авангардом революции, хранителем ее идеологической чистоты, и создателем своей политики. Поэтому членство в партии было ограничено избранными, теми, кто мог доказать свою стойкость к делу. Большевики постоянно беспокоились о социальном составе своей партии и об уровне политического сознания и идеологической чистоты своих членов. В то же время для строительства новых органов власти больше-

вики нуждались в квалифицированных местных кадрах. В первые годы после революции большинство вступавших в партию местных жителей имели мало представления о том, что такое коммунизм, революция, или Советская власть. Кроме того, среди них было мало людей, владеющих русским языком и имеющих современное образование. КПТ была основана только в июне 1918 г., но ее ряды росли быстро, так что к нач. 1920 г., она насчитала не менее 57 тыс. членов. Лишь немногие из этих членов отвечали критериям политического сознания и идеологической чистоты. Туркомиссия относилась к мусульманским коммунистам с глубоким подозрением, считая многих из них «буржуазными националистами». В июле 1920 г. началась кампания чистки рядов КПТ от «чужеродных» или «политически бессознательных элементов». В результате из партии были исключены 42 % ее членов. Еще одна чистка была в нач. 1922 г., когда ряды членов партии были сокращены еще на 30 %, так что к 1 августа 1922 г. в рядах КПТ осталось только 15 273 членов и кандидатов в члены. Для воспитания идеологически надежных кадров в 1920 г. партия открыла в Ташкенте советско-партийную школу, а к 1923 г. в Туркестане было уже 6 таких школ, в т.ч. Среднеазиатский Коммунистический университет. С 1921 г. партия начала посылать молодых перспективных членов для обучения в коммунистических учреждениях в России. Во главе КПТ стояли «избранные» мусульманские коммунисты. Но в рядах партии далеко не было единства взглядов. Наиболее значительным был разрыв между местными и европейскими ее членами, у которых были отдельные партийные ячейки. Главным разногласием было чувство собственности на партию и революцию. Европейские рабочие с презрением относились к мусульманским коммунистам даже на уровне партийных элит. Мусульмане в верхней части партийной иерархии во главе с Рыскуловым сначала воспринимали революцию через призму нации и антиколониализма. Новое руководство мусульманских коммунистов продолжало ту же линию, но было вынуждено работать под более строгой партийной дисциплиной. Его члены пришли из зажиточных городских семей, были в основном выпускниками русско-туземных школ и принимали активное участие в му-

сульманской политике в 1917 г. Из них казах Назир Туракулов (1892 – 1937) из Коканда в 1928 г. был назначен советским консулом в Королевстве Хиджаз в Джидде, а в 1932 г., когда статус дипломатических отношений между Саудовским государством и СССР был повышен, стал советским послом.

В 6-м разделе «Young Communists» («Молодые коммунисты») речь идет о зарождении молодого поколения коммунистов – младокоммунистов. В 1920-х гг. был сделан первый набор в руководство КПТ из самопровозглашенной группы «Молодых коммунистов», людей молодого поколения, имевших формальное образование в партийных учреждениях. В 1924 г. члены этой когорты сделали вызов существующему мусульманскому руководству КПТ, которое они обвиняли в компромиссе, патриархальности и карьеризме. Они также происходили из элитных семей и были выпускниками русско-туземных школ и гимназий. Главой группы был Усмонхон Эшонходжаев (1899 – 1937) из Андижана. Кроме него в группу входили Рахимжон Иногамов (1902 – 1938), татарин Ханифи Бурнашев (1900 – 1938) из Намангана, Акмал Икромов (1898 – 1938) из Ташкента, которые еще до революции принимали активное участие в общественной жизни. Они хотели очистить КПТ от всех членов с «патриархальными предрассудками». Весной 1924 г. они начали крупное наступление по вопросу о положении женщин в обществе, требуя, чтобы партия запретила ношение *паранжи.* Разногласия молодых коммунистов со старой гвардией были, в первую очередь, по вопросам культурной политики. Они считали, что быстрому прогрессу нации препятствовали карьеризм и недостаточная преданность революции. Они критиковали также местное русское руководство, обвиняя его в «болезни колониализма». После образования Узбекистана молодые коммунисты получили ключевые должности в новых органах власти. Исаак Зеленский, прибывший в Ташкент в качестве нового главы Средазбюро, руководил свержением старой гвардии мусульманских коммунистов и заменой их молодыми ком- мунистами. Партком Ташкента был поставлен под непосредственное руководство ЦК в Москве. Акмал Икромов был назначен секретарем ЦК новой КПУз, а Рахимжон Иногамов стал первым комиссаром образования. В

последующие годы молодые коммунисты играли важную роль в культурной политике. Для молодых коммунистов революция, прежде всего, означала национальный подъем, уничтожение колониального наследия, стремление к «фактическому равенству». Надзор центра (через назначенный Средазбюро) был дополнен другими рычагами контроля европейцев. Число узбеков в ЦК Компартии Узбекистана не превышало числа европейцев, а ответственный секретарь был русским. Местные русские сохранили чувство собственности не только на партию, но и на революцию и советский строй в целом. В более общем плане, партия оставалась европейским пространством, в котором даже элитные узбеки были аутсайдерами. Напряженность в отношениях между европейцами и местными жителями отразилась на линии партийной жизни того периода. Неспособность коренных кадров контролировать политическую повестку дня или даже темпы изменения привели к значительному недовольству среди них. Напряжение между «надеждой национал-коммунистов на уравнение и волей партийной власти контролировать ход действий было определяющей чертой их неуклюжих отношений. 10 лет спустя, это оказалось фатальным для многих из партийной элиты Средней Азии.

6-я глава «A Revolution of the Mind» («Революция разума») состоит из пре- дисловия и 7 разделов.

В предисловии говорится, что период в полтора десятилетия после 1917 г. был золотым веком культуры в Средней Азии, периодом большого творчества и непрекращающейся активности, так как местные интеллектуалы выливали свою энергию на создание современной и «революционной» национальной культуры. Большая часть современной культуры Средней Азии была сформирована именно в этот короткий период. За эти 15 лет возник театр, в литературе на узбекском и таджикском языках появился новый жанр романа, а устоявшиеся традиции поэзии сменила современная поэтика. В течение этого времени сформировались современные разговорные и письменные языки Средней Азии, так же как и национальные идентичности, лежавшие в основе требований суверенитета современных государств в регионе. В этот период не было ничего кроме культурной революции.

Для небольшой группы участвующих в ней молодых людей культурная революция была тесно связана с серией восстаний – против власти прошлого, эстетических условностей, их старейшин, самого ислама. Политическое восстание было часто также бунтом поколений, и оба были напрямую связаны с все более горькими конфликтами внутри мусульманского общества, открывшимися в 1917 г. Их претензия на руководство была отклонена на избирательных участках (а в случае Бухары была встречена применением насилия и преследования). Оказалось, что нацию не заботило их видение перемен. Этот опыт научил *джадидов* не умеренности, а дальнейшей радикализации. Изменения должны были быть радикальными, внезапными, и обязывающими, и это должна была быть, прежде всего, революция разума. Революция имела смысл для *джадидов*, потому что она позволила узбекскому народу занять свое место в мире. Становление хозяином своих прав, занятие свое место в мире требовало возрождения и самопреобразования, что было возможно только через революцию разума. Создававшийся новый путь мышления этой революции должен был быть как национальным, так и современным. Это было обещание современности, что привлекло *джадидов* в революцию. Учредители Туркестанского национального единства надеялись развивать современное образование и науку с прямым доступом к «европейской цивилизации», а также решение направить студентов в Германию было частью этого проекта. Европа оставалась эталоном современности и цивилизации, даже если модели прогресса пришли в Среднюю Азию из Османской империи. Османской империи больше не было, но носителем османских моделей была возникшая на ее месте Турецкая Республика. Несмотря на то, что к 1923 г. устойчивый контакт с Турцией прекратился, реформы в Турции нашли свое отражение в узбекской прессе, и по-прежнему рассматривались многими как модели реформ в мусульманском мире. В первое десятилетие у партийных органов советской власти не было контроля над местной культурной продукцией. Только в 1926 г. партия стала достаточно сильной, чтобы установить полный контроль над культурной сферой в Средней

Азии. Именно в это время был открыт «идеологический фронт» против «старой интеллигенции».

В 1-м разделе «A New Cultural Field» («Новое культурное поле») речь идет об изменениях в сфере культуры в 20-е гг. Джадидизм появился в публичном пространстве, построенном вокруг частных издательств и прессы, благотворительных обществ, театра и школы. Царизм всегда с подозрительностью относился к частной инициативе и сохранял за собой право подвергать цензуре прессу и все книги, требовать официального разрешения на организацию благотворительных обществ, открытие школ или постановку театра. Для большевиков вещи обстояли по-другому. Их проект был основан на завоевании общественной сферы, с тем, чтобы мобилизовать население на радикальную трансформацию, которую они задумали. Общественность должна была быть пространством для дидактической практики партийного государства. После революции основное внимание новых властей было направлено на то, чтобы культура стала сферой деятельности партии. Национализация печатных машин Ташкентским Советом в марте 1918 г. вызвало мгновенное прекращение не только мусульманской прессы, которая процветала в 1917 г., но и основанной на литографии торговли узбекских и персидских книг, которая к тому времени продолжалась около 30 лет. Газеты были заменены официально санкционированной «Красной прессой». После территориального размежевания 1924 г. советская пресса стала достаточно прочной и в значительной степени защищена от давления рынка. Народная пресса, укомплектованная местной интеллигенцией, редактировалась мусульманскими коммунистами. Поэтому советская пресса 1920-х гг. носила прямую преемственность джадидской прессы дореволюционного периода. Пресса выполняла роль форума для культурных дискуссий среди коренной интеллигенции, где обсуждались вопросы образования, языка и идентичности. Политический язык, используемый в народной прессе, был более широким, чем у их русских коллег и внутрипартийных дискуссий. Только приход новой когорты «деятелей культуры» в 1927 г. позволил более строго соблюдать в прессе директивы партии. Книгоиздание было преобразовано в гораздо большей степени.

Книготорговцы старых книг были заменены Госиздатом, который стал функционировать только в 1921 г. и опубликовал массу книг на узбекском, казахском и русском языках. Новые книги выглядели иначе, все они были типографскими, имели совершенно другое содержание, чем дореволюционная книжная продукция. К 1923 г. турецкие издания уже были не доступны в Средней Азии. Тем не менее, в Советском Союзе продолжала существовать более широкая тюркская сфера, охватывавшая татарские земли, Азербайджан и Крым, в которых свободно циркулировали тексты и люди. Самым ярким примером этой тюркской сферы деятельности была Орфографическая реформа и пропаганда латинизации. Москва стала новым источником вдохновения. До 1917 г. только очень немногие выходцы из Средней Азии учились в Петербурге или Москве. С 1921 г. советские власти начали на систематической основе посылать Туркестанских студентов в Москву, где они учились в рабфаке и в Коммунистическом университете трудящихся Востока, учрежденном в 1921 г. Большинство из тех, кто ехал учиться, уже знали русский язык, а некоторые учили русский язык, следуя моде. Эти контакты принесли в узбекскую литературу новые жанры и новые влияния, в т.ч. и политические.

Во 2-м разделе «New Forms, New Content» («Новые формы, новое содержание») речь идет о развитии театра и литературы в 20-е гг. Театр был основным проводником реформистских идей *джадидов*. Он был одинаково необходим и Советам, которые видели в бродячих театральных труппах важный путь распространения своих посланий. До 1921 г. театр в Туркестане продолжали ставить частные группы, но они могли рассчитывать на поддержку со стороны Советов. В период между 1917 и 1921 гг. наблюдался всплеск активности театров в Ташкенте и других городах Средней Азии. В 1921 г. Туркомпрос взял все театральные постановки под свое ведение. В ближайшей перспективе производительность театральной сцены от этого пострадала, поскольку круг тем существенно сократился, но в долгосрочной перспективе поглощение способствовало профессионализации местного театра. Театр появился в Туркестане, благодаря усилиям энтузиастов, очень немногие из которых имели какое-либо

обучение в театральном искусстве и технике. Хотя первая когорта произвела таких стойких приверженцев как Хамза и Маннон Уйгур, местный театр оставался в значительной степени любительским. В 1924 г. Туркомпрос получил финансирование на создание узбекской драматической студии в Москве, и в течение следующих нескольких лет ряд актеров и режиссеров учились в Москве. Народная пресса в этот период создала новый вид прозы, используя язык, стоявший гораздо ближе к разговорной речи, с сознательным избеганием различных видов орнамента (рифмованной прозы, сложных метафор, удвоенных прилагательных), что было характерно для более ранних авторов, стремившихся показать свою виртуозность. Из этой журналистики возник современный короткий рассказ и в конечном итоге роман. Наиболее важную роль в создании современной литературной прозы на узбекском и таджикском языках сыграли соответственно Абдулла Кодири и Садриддин Айни. Впервые в узбекской письменной культуре он наложил живой язык улицы на бумагу и сделал больше, чем кто-либо, чтобы отдалить литературный узбекский язык от персизированных моделей прошлого и превратить его в узбекский язык настоящего времени. Его роман «Ўткан кунлар» (Ушедшие дни), первая часть которого вышла в 1926 г., стал основополагающим документом современной узбекской литературной прозы. В то время как зарождались театр и новая литературная проза, в этой бурной эпохе поэзия сохранила свое значение. Как и в прозе, поэзия была новой, как в своей форме, так и в содержании. В ней чувствовался робкий бунт против условностей чагатайской поэзии и ее персизированного наследия. Поэты экспериментировали с новыми рифмами, размерами и образами. Словарь также был удивительно новый, с сознательным усилием, чтобы отказаться от персидских и арабских слов. Поэзия должна была стать национальной, и была национализирована когортой молодых поэтов, из которых Фитрат и Чулпон были признанными мастерами. Антология «Молодые узбекские поэты», опубликованная под их редакцией была одновременно манифестом и витриной работ нового поколения поэтов, которые характеризовались новизной и преданностью нации.

В 3-м разделе «New Faces» («Новые лица») речь идет о новом поколении поэтов и писателей, пришедших в литературную жизнь в 20-е гг. Эта ранняя революционная когорта с взглядами, схожими с писателями дореволюционного времени, включала такие фигуры, как Гози Юнус, Элбек и Боту. Другие имена были менее значительными в литературной жизни 20-х гг. Известный поэт Тавалло в 1918 г. вступил в партию и подключился к советской работе, и после этого почти ничего не опубликовал. Один из самых известных *джадидов* Абдулла Авлони, который до 1917 г. был поэтом, писателем и ведущей фигурой в зарождающейся театральной жизни столицы, после революции написал всего несколько отрывков в журнале «Муштум». Хамза, бывший до революции одним из ведущих *джадидов*, играл заметную роль в политической жизни Коканда. В 1918 г. он бросил все свои силы на театральную сцену и поставил ряд спектаклей при поддержке партийной секции агитпроп и Красной армии, но после 1920 г. карьера Хамзы пришла в упадок. Кроме *джадидов* на новом культурном поле были и другие фигуры. В редакциях газет и журналов работали политические деятели, назначенные ТурЦИК и утвержденные КПТ. Они привели в культурное поле молодых людей с несколько иной ориентацией, хотя их отношение к культуре имело много общего с взглядами *джадидов*. Назир Туракулов работал в отделе образования Кокандском областного Совета и редактировал газеты на узбекском языке. В 1919 г. Рыскулов привел его в Ташкент работать в Мусбюро. В апреле 1920 г. он был назначен сначала наркомом образования, а затем главой ТурЦИК. Вместе с тем он был редактором узбекского журнала «Инкилоб» (Революция) и казахской газеты «Ак жол» (Новый путь). Молодые люди, взявшие на себя ответственность советской печати, принадлежали к тому же социальному миру, что и *джадиды* и разделяли многие из их проблем. Молодой коммунист Абдулхай Тожиев был ответственным за журнал «Муштум». Усмонхон Эшонходжаев в свои 22 года был редактором органа ЦК газеты «Туркистон». Редакторы могли потерять свои должности за публикацию политически неприемлемых материалов. Поэтому они прилагали усилие, чтобы «говорить по-большевицки» и излагать свои взгляды сло-

вами приемлемыми для партии. Во многих случаях они создавали на узбекском языке словарный запас самого большевизма. Отношения между *джадидами* и теми, кто вошел в общественную жизнь через партию, часто были чреватыми.

В 4-м разделе «The Struggle over Muslim Education» («Борьба за мусульманское образование») речь идет о ходе реформ в сфере образования в 20-е гг. В 1917 г. одним из первых актов «Шуро-и исломия» в Ташкенте было создание Комиссии по школам с целью реформирования и регулирования мусульманских школ – *мактабов*. В последующие месяцы *джадиды* организовали многочисленные интенсивные курсы для подготовки новых учителей и открыли много новых школ. Поскольку реформа образования стала предметом спора между модернистами (*джадид*) и консерваторами (*'улама'*), *мадраса* выступили в качестве бастионов «Уламо жамияти». Советские институты в области образования были полностью в распоряжении *джадидов*. В июле 1918 г. Мунаввар кори был назначен председателем вновь образованного Союза учителей и осущест- вил первые шаги по реформированию образования. В феврале 1919 г. он стал главой тюркской части Туркомпроса и начальником его вакфной секции. Если до революции *джадиды* убеждали богатых совершать благотворительную поддержку новометодных школ, то теперь они с помощью советов использовали «революционные» методы реквизиций или конфискаций имущества для новых школ. В результате в период с 1917 по 1920 гг. во всем Туркестане было открыто много школ с новым методом обучения. Быстрое расширение новометодных школ требовало новых учителей. Туркомпрос финансировал интенсивные краткосрочные курсы для подготовки учителей, но многие рабочие места были заняты османскими военнопленными. В их школах основное внимание уделялось физическое воспитанию и военной музыке в традициях позднеосманских военных академий. Османские офицеры также ввели в Туркестане *скаутинг* и в 1918 г. образовали в Ташкенте первые отряды *скаутов* «Изчилар». В сер. 1920-х гг. турки ушли со сцены и новые народные школы вернулись к джадидистской модели. В 1921 г. с началом НЭПа резко сократились бюджет и рабочие места, что привело к стремительно-

му снижению числа школ в Туркестане. Условия и качество обучения были низкими и родители не хотели отдавать своих детей в советские школы. В их глазах репутация старометодных *мактабов* оставалась безупречной и их численность не уменьшилась. В Бухаре ситуация была еще хуже. Многие родители считали новый метод обучения противоречащим *шари'ату*. Однако число *мадраса* резко сократилось, поскольку студенты бежали в хаосе революции, вакфная собственность была разворована, а помещения были конфискованы. В 1920 г. Туркомпрос попытался модернизировать *мадраса*, заставляя их включить в учебный план нерелигиозные предметы. В 1925 г. Ташкентский исполком потребовал полную регистрацию всех религиозных школ. Этот шаг вызвал массовую демонстрацию студентов *мадраса* в нач. 1926 г., в результате чего все *мадраса* в городе были закрыты. С упразднением образования *мадраса* в Ташкенте и значительным сокращением в Бухаре и Самарканде, центр исламского учения сместился в Фергану.

В 5-м разделе «Debating Women, Imagining a New Life» («Обсуждая женщин, воображая новую жизнь») речь идет начале процесса вовлечения мусульманс- ких женщин в общественную жизнь. Для национального проекта *джадидов* «женский вопрос» имел основополагающее значение. Их позиция была основа- на на модернистских взглядах, общих для большей части мусульманского мира. Главной их заботой было образование женщин, чтобы они приносили пользу нации. Для прогресса нации женщины должны были измениться. Отсутствие образования рассматривалось в качестве основной причины женской отсталости. Активисты организовали курсы для женщин-преподавателей, которые в 1919 г. были оформлены в институт учителей (Хотинқизлар билим юрти). За первую пол. 1920-х гг. Билим юрти подготовил когорту женщин выпускников, начавших преподавать и сделавших вклад в общественную жизнь через прессу и театральную сцену. Были открыты начальные школы для девочек, женщины были среди студентов, отправленных в Москву и Германию. Женский Билим юрти финансировался Туркомпросом, но в сер. 1920-х гг. оставался по существу джадидским учреждением. Первые выпускники женского Билим юрти сформирова-

ли круг активистов за права женщин. Многие из них были выходцами из интеллигентских семей. В 1925 г. они составили ядро редакции органа женского отделения КПУз «Янги йўл» (Новый путь). Многие авторы делали различие между открытием лиц и освобождением. Небольшое число женщин открыли лица, некоторые по необходимости (чтобы работать), другие демонстративно. В 1924 г. группа молодых людей, приверженных идее «новой жизни» сформировали в Ташкенте добровольческий «Союз друзей новой жизни» (Янги турмуш дўстлари бирлиги). Одним из первых актов Турккомиссии было учреждение филиала Отдела по делам женщин Коммунистической партии (Женотдел) в Туркестане. Женотдел, укомплектованный, в основном, европейскими женщинами, командированными из Москвы, занимался созданием женских клубов в различных городах Средней Азии. Они предоставляли юридическую помощь женщинам, оказавшимся в беде, стремились организовать их экономически, создавая трудовые кооперативы для женщин, нуждающихся в работе. Женотдел искал неблагополучных женщин – вдов, изгнанных со стороны своих мужей, или тех, кто бежал от оскорбительного отношения. Таким образом, Женотдел набирал своих сторонников за счет существующих расколов в Туркестанском обществе. Для многих женщин он предложил альтернативу семье или судам *казиев*, и часто такие женщины становились наиболее преданными сторонниками миссии Женотдела в Туркестане. Такие женщины имели весьма различное понимание будущего, чем женщины из интеллигенции, которые прошли через Билим юрти. У них было гораздо меньше интереса к «культуре» и гораздо больше они были озабочены деятельностью в поддержку партии. Работники Женотдела, особенно в сельской местности, столкнулись с ожесточенной враждебностью и часто были субъектом сексуального насилия. Многие мусульманские женщины, обучавшиеся в советских школах, вызвали ненависть членов своих семей и *махалли*.

В 6-м разделе «Soviet Orientalism» («Советский ориентализм») говорится об отношении европейского населения Советского государства к народам Средней Азии и его отражении в литературе и искусстве. Революция не привела к существенному

переосмыслению места Средней Азии в культурном воображении европейского населения Советского государства. Европейские интеллектуалы всегда отделяли «Европу» от «Азии», Запад от Востока, прогресс от отсталости. В лучшем случае, они считали себя носителями культуры, призванными просвещать туземцев, чтобы поднять их уровень. В худшем случае, они видели туземцев по своей природе чуждыми и неспособными к прогрессу. Лишь немногие европейцы перешли границы, разделявшие их от местного общества. Для подавляющего большинства европейских интеллектуалов, Средняя Азия, как и «Восток» в целом, была получателем дара революции и просвещения и не имела равноправного места в утопиях советского европейского воображения. В отличие от Кавказа, в культурном воображении русских Средней Азия была неизвестным полем даже после 50 лет имперского правления. Это не изменилась и после революции. Этот регион почти отсутствует в литературном воображении русского авангарда 1920-х гг. Исключение составляет роман А.Неверова «Ташкент – город хлебный» (1923), который изобразил Туркестан как землю изобилия, солнечного света и богатых сартов, где жертвы голода на Волге могли приобрести хлеб дешевле. В целом Ташкент является городом с русским окружением, куда стремится попасть каждый русский. Формирующийся кинематограф очень ясно передавал это расстояние между европейцами и туземцами. В первых фильмах о Средней Азии, снятых в 1925 г. европейцами, все лица были европейцами. Эти ранние фильмы вписывались в более широкую традицию колониального фильма. Преобладало экзотическое и живописное, в то время как местные жители являлись примитивными и зачастую опасными. Даже после того, как в 1926 г. в Узбекистане была основана своя студия «Шарк юлдузи», кинематограф оставался в руках европейцев и вплоть до нач. 1930-х. гг. представление в них туземцев сохраняло черты преемственности колониального фильма. С документальными фильмами дела обстояли немного лучше. На всем протяжении 1920-х гг. советские кинематографисты потратили значи- тельную энергию документирования «безграничного пространства страны Советов» во всем ее многообразии. Наряду с вымыслом этот корпус создал новую вооб-

ражаемую географию Советского государства, которая состояла из русских и коренных жителей, имевших в нем разные ставки. Для первых чувство собственности имело основополагающее значение. Работа европейцев заключалась в познании безграничных земель, чтобы открывать их и побеждать. Неевропейцы должны были подтягиваться к ним и цивилизоваться. Нерусские пространства стали ареной для героической работы европейцев, чтобы укрощать, покорять и цивилизовать. В 1926 г. в области литературы и искусства начинается наступление идеологических структур, после чего история Средней Азии могла быть рассказана только в установленных партией пределах и в диктуемой ей лексике. Единственным допустимым вектором остался класс, а вопросы нации и колонизаторства потеряли свою легитимность. История революции в Средней Азии должна была рассматриваться только через призму класса. В ней не было места для таких неудобств, как восстание 1916 г. или бесчинства русских поселенцев.

В 7-м разделе «Disenchantment» («Разочарование») речь идет о том, что *джадиды* были разочарованы в советском режиме, но, тем не менее, продолжали с ним сотрудничать для осуществления своей программы реформ. Очень скоро все надежды, которые *джадиды* возлагали на революцию, рухнули. Им становилось все более ясно, что большевики не имели намерений менять свои планы с учетом местных условий, не говоря уже о том, чтобы приспособить альтернативные точки зрения культурных изменений. В этом отношении удушение Бухарской республики в 1923 г. было важной вехой, так как оно показало, что перевес был на стороне большевиков. Уже к 1923 г. разлом был виден и в узбекской литературной продукции. Для Фитрата изгнание из правительства Бухары было явно поворотным моментом. Разочарование обещаниями революции привело к тому, что он стал предпочитать тишину и бездействие. Это отразилось и на его стихах. Еще более очевидным примером является Чулпон. До революции он возлагал большие надежды на просветление, современность и свержение колониального неравенства. Прибытие агитационного поезда «Красный Восток» в марте 1920 г. было для него «одним из подарков новой эпохи». Он

выразил надежду, что «Этот поезд даст Туркестану и всему Востоку знание, образование, просвещение, [и] здоровые идеи». Он продолжал писать о колонизаторстве, но его поэзии не удалось облечь свойэнтузиазм в отношении нации в приемлемой советской одежде. Бросается в глаза патриотизм его многочисленных стихов, оплакивающих разрушения в Фергане, совершенные русскими поселенцами и *басмачами*. К 1923 г. его стенания превратились в тоску по возмездию. Внешне эти стихи сетовали на расхищение Ферганы русскими поселенцами, но никто не сомневался, что Чулпон имел в виду более широкий аспект, а именно русских колонизаторов. К тому времени Чулпон уехал в Москву, а затем был обвинен в «национализме». Тем не менее, разочарование советским режимом не означало отказ от проекта реформы. На самом деле, для Фитрата месяцы, проведенные в Москве, были весьма продуктивными. Изгнание только закалило его реформаторские убеждения и придало им остроту. После возвращения в Среднюю Азию в сентябре 1924 г. Фитрат постоянно находился в противоречии с партией, но в последующие годы он написал огромную массу научных работ, посвященных узбекскому языку, литературе и музыке. Для других, тоже разочарование советским строем не означало примирение с «традиционным» обществом. Разочарование советским режимом не заставило дореволюционную интеллигенцию отказаться от своего проекта культурной трансформации, но сделало задачу его осуществления намного сложнее.

7-я глава «Islam between Reform and Revolution» («Ислам между реформой и революцией») состоит из предисловия и 7 разделов.

В предисловии говорится, что цели и задачи реформ и революции были переплетены и направлены на ослабление исламских институтов в обществе. Революция предоставила *джадидам* большие возможности для осуществления их программы реформ. Местные советы обычно использовали язык исламской реформы в сочетании с языком революции и ввели в действие реформы исламской практики. Местные советы помогли *джадидам* финансировать новометодные школы и театр, а также в нанесении удара по их противникам – консерваторам (*'улама'*).

Одним из основных объектов *джадидской* критики, были *тои*, т. е. празднования важных событий жизненного цикла, такие как рождения, свадьбы и смерть среди мусульман, как и вопрос о положении женщин в обществе. *Джадиды* критиковали *тои* за их расточительность и несоответствие нормам «истинного ислама», а также тот факт, что девочек отдавали замуж без их согласия. При помощи Совета мусульманских крестьянских и рабочих депутатов *джадиды* начали реформировать исламские суды *казиев* в Самарканде. В 1918 г. старогородской совет Ташкента объявил вне закона «Уламо жамияти» и конфисковал его активы. В январе 1923 г. реформистские *улемы* из «Фукахо жамияти» (Союз юристов) ходатайствовали перед исполкомом Ташкентского старогородского Совета запретить деятельность различных суфийских деятелей (*маддох* и *воиз*) на улицах Ташкента и сделать вне закона публичное исполнение *зикра*. В Бухаре государство выступало еще более прямолинейно с целью реформировать *мадраса*, национализировать *вакфы* и взять под контроль суфийскую практику. Ислам, практика и прикрепленные к ней институты стали центральной площадкой для оспаривания власти в мусульманском обществе. Тем не менее, реформы и революция имели разные цели, хотя и могли сходиться по некоторым вопросам. Джадидизм начался как проект переосмысления «ислама» через обращение к исламским источникам власти и с позиции, расположенной внутри исламской традиции. Как и их коллеги в других частях мусульманского мира, *джадиды* давно критиковали практиковавшиеся обычаи, такие как посещение святынь, щедрые застолья, и брак в молодом возрасте, как недопустимые в свете письменных источников ислама. Они также выступали за бюрократизацию исламской власти. Революция в понимании партии была чем-то совсем другим. Партия стремилась изменить роль ислама в обществе и политике, действуя с позиции полностью вне исламской традиции и на самом деле весьма враждебной исламу. Для большевиков конечной целью являлось не реформа, а искоренение религии из общества. Границы между реформой и революцией было трудно разграничить, и на практике между ними не было противоречия. В 1927 г., когда партия, наконец, начала кампанию против

ислама и исламских институтов, форма реформ совершенно преобразилась. Исламские институты, такие как казийские суды и *вакфы* также стали местами интенсивного оспаривания среди мусульман. Они также тяжко пострадали от экономического хаоса того периода и от нового политического порядка, который отодвинул их на второй план, если не упразднил их совсем. К 1927 г. сочетание реформ и революции ослабило исламские институты в Узбекистане до такой степени, что их окончательная ликвидация была менее травматичной, чем могла бы быть.

В 1-м разделе «Religious Ferment» («Религиозное брожение») речь идет о других движениях, выступавших наряду с *джадидами* за реформу ислама в Туркестане. Революция произошла в период значительных религиозных дебатов в Средней Азии и глубоко изменила их контуры. Джадидизм был лишь одним из многих движений, отвергавших допустимость практиковавшихся в исламе обычаев и традиций (*урф-одатлар*). Другое реформистское течение состояло из *улемов*, в основном, из Ташкента, которые также стремились закрепить ислам в соответствии с письменной традицией и «очистить *шари'ат* от суеверий (*хурофот*) и инноваций (*бид'ат*)». Но их взгляды имели мало общего с понятием прогресса или нации, а были близки с салафизму. Печатным органом этой группы реформистов был журнал «ал-Ислох» (Реформа), основанный в 1915 г. в Ташкенте. *Улемы* появившегося в 1917 г. общества «Фукахо жамияти» к ним не относились. Еще более строгим реформистским течением были «Ахл-и хадис» (Сторонники хадисов), которые видели хадисы в качестве высшего источника власти, отменяющего *фикх* и другие традиции. Активность этой группы реформистов возросла в 1919 г. с приходом в Ташкент ученого ливанского происхождения Са'ид Мухаммада ибн ал-'Асали ат-Тараблуси (ок. 1867 – 1932), который был, якобы, выслан из Османской империи за его религиозные взгляды, и почти 20 лет провел в Кашгаре, преподавая в местных *мадраса*. Он получил известность как Шомий домла (Сирийский учитель) и пользовался большим авторитетом. В нач. 1919 г. он приехал в Туркестан, чтобы посетить родину ал-Бухари. В Ташкенте он быстро приобрел уважение местных *улемов*. Он стремился восстановить авторитет ха-

дисов, в частности, канонического сборника хадисов «ас-Сахих» имама ал-Бухари. Прибыв в Туркестан, однако, он стал критиковать местные обычаи, а также всю традицию преподавания, укоренившуюся во всех *мадраса*. В течение первой пол. 1920-х гг., он принимал активное участие в различных инициативах по реформированию исламских судов и регулированию *вакфа* в Туркестане и Бухаре. Еще одним реформистским движением были бахаисты, воспользовавшиеся вольностями, предоставленными революцией в 1917 г., чтобы начать свою кампанию прозелитизма. Бахаизм проник в Туркестан через трудовую миграцию из Ирана в Закаспийский край, и на рубеже веков в Ашхабаде была небольшая община *бахаи*, считавшаяся исламской сектой. В 1918 г. община *бахаи* начала издавать в Ташкенте журнал «Вахдат» (Единство). Консервативные *улемы* считали их еретиками и отождествляли с *джадидами*. Подобно *джадидам*, бахаисты придерживались модернистского подхода к религии, поэтому вера *бахаи* привлекала многих *джадидов*. По крайней мере, один *джадидский* деятель, Вадуд Махмуд из Самарканда, формально принял веру *бахаи*. Все эти реформистские течения объединяла общая цель – критика традиционных способов познания ислама, традиционной практики (*урф-одатлар*), связанной с ними, и их носителями, консервативных *улемов* и суфийских деятелей (*эшон, маддох, каландар, во'из*).

Во 2-м разделе «Reform and Revolution» («Реформа и революция») речь идет о критике реформистами традиционных обычаев, не имевших ничего общего с исламом, в частности, посещений святых мест. Критика обычной практики создало плодородную почву для сотрудничества, и часто бывало трудно определить, где реформистская критика сливалась с революционным осуждением ислама. Указ Ташкентского старогородского совета, запретивший суфиев на улицах города был одновременно примером реформы ислама и упражнением в новых методах власти. То же самое было с вопросом о святынях (*мазор*), в котором реформаторы всех мастей легче всего могли найти общее понимание с Советами. Святыни усеяли пейзаж всей Средней Азии, сделав его исламским. Посещение святых мест, как и везде, было главной чертой исламской религиозной жизни в Сред-

ней Азии. Но этот обычай подвергся наиболее резкой критике со стороны реформаторов. Традиционалисты видели в практике поиска заступничества у святых людей форму идолопоклонства, являвшегося *ширк*, т. е. грехом, наносящим ущерб единству Бога. Модернисты добавили к этой критике еще один слой неодобрения, который сделал посещение святынь знаком отсталости, незнания и доверчивости людей. Модернистская критика святынь изображала их в качестве притонов педерастии и разврата, где недобросовестные *эшоны* пользовались простотой людей, извращая их нравственность. Ликвидация святынь и посещений святынь было важным пунктом реформистской повестки дня. В 1924 г. Ташкента *махкама-йи шар'ийа* издала *фетву* о дозволенности разрушения могил, которым более 30 лет, так как «*мазоры* занимают слишком много места в старом городе». В результате, ряд могил в квартале Кокча были выровнены, а на их месте построена школа. Такие сносы стали обычным явлением, в основном по инициативе реформаторов. В 1923 г. правительство младобухарцев приступило к сносу кладбищ в черте города Бухары. Два года спустя был снесен *мазор* Шайхонтахур, один из самых известных в Ташкенте. Мероприятие было отмечено в «Муштум», чей комментарий был ярким примером переплетения «реформистской» и «революционной» критики традиционных обычаев. В нем *улемы*, выступавшие против разрушения *мазора*, были изображены в обличии дьявола в соответствии с европейскими представлениями (с рогами и хвостом). Видение *мазоров* в качестве домов сатаны едва ли было традицией большевиков – критика *мазоров* здесь семантически расположена в исламской традиции, даже если ее форма европейская и большевицкая. До 1926 г. редактором «Муштум» был Абдулла Кодири, который высмеивал узость мировоззрения консервативных традиционалистов (*'улама'*), их неспособность понять мир, в котором они жили, и прежде всего их неспособность понять сам ислам. Но нигде в своей работе Кодири не отказывался от ислама.

В 3-м разделе «Muslim Anticlericalism» («Мусульманский антиклерикализм») речь идет о критике *улемов* реформистами в прессе и театре, которую автор сравнивает с европейским антиклерикализмом. Еще с нач. XX в. *джадиды* видели традициона-

листских *улемов* самым большим препятствием на пути реформирования общества и самого ислама. Мусульманские реформаторы имели в своем распоряжении давнюю традицию скептицизма к благочестию исламской традиции, но на рубеже XX в. она была дополнена новыми источниками. Мусульманские критики *улемов* могли теперь заимствовать идеи у европейского антиклерикализма. В Османской империи критики религии начали клеймить своих *улемов* как духовенство, связывая их с отрицательными чертами, которые приписывали христианскому духовенству в европейском антиклерикализме. В 1911 г. Фитрат включил французский республиканский антиклерикализм в свою критику положения дел в Бухаре. По мере того, как в течение 1917 г. конфликт обострялся, джадидские живописания *улемов* становились все более жесткими и саркастичными. Газеты осуждали *эшонов* и других религиозных деятелей за различные злодеяния, называя имена и публично требуя наказания и воздаяния. Еще одним местом, где можно было бы осмеять *улемов*, был театр, который в те годы был решительно антиклерикальным, без позитивного изображения *улемов*. На новый уровень критику *улемов* и *эшонов* подняла карикатура, которая вошла в мусульманский мир в конце XIX в. и быстро поставлена на службу сатиры, поскольку могла преодолеть барьер, поставленный неграмотностью. Наиболее важным каналом был издававшийся в Тифлисе журнал «Молла Насреддин», который читался тюркоязычными обществами Российской и Османской империй, а также в Иране. Почти все его карикатуристы были европейцами, стили которых были разработаны в современной Европе, но их продукция служила коренной мусульманской реформистской критике. К 1917 г. «Молла Насреддин» создал значительный свод образов и типов, отображавших *улемов* (и им подобных) в язвительном свете. В Средней Азии своя иллюс- трированная пресса появилась только в 1923 г. по инициативе Советов. В том же году партия создала сатирическую прессу, которая была призвана служить в качестве стимула для обеспечения революционности в советских учреждениях и обществе в целом. Образцом для всех служил московский сатирический журнал «Крокодил», аналоги которого появились на других основных языках по все-

му Советскому государству. В Туркестане таким аналогом был журнал «Муштум» (Кулак), в котором чувствовалось также влияние журнала «Молла Насреддин». Он нем через прозу и поэзию авторы шутили о всех аспектах жизни общества – его отсталости, его нежелании слушать идеи прогресса и перемен, и отношении к женщине, но они также жестоко высмеивали *улемов* и суфийских фигур, как в тексте, так и в карикатуре. Главным художник журнала «Муштум» был европеец, который использовал в своих описаниях европейские персонажи, особенно религиозных деятелей (Иисус, Сатана, Бог), часто похо- жие на те, что появлялись в «Крокодиле» и других русских журналах того времени. Карикатуры, публиковавшиеся в этом журнале, нанесли большой урон авторитету *улемов* в обществе. Отпечатанные в большом формате и ярком цвете, они могли быть использованы и в качестве плакатов.

В 4-м разделе «The Ulama Besieged» («Улама осаждены») речь идет положении традиционалистских *улемов* в условиях их травли реформистами и большевиками. После того, как *джадиды* при помощи советской власти весной 1918 г. упразднили все организации *улемов*, последние были исключены из нового общественного пространства. Однако, отмена организаций *улемов* не привело к потере их авторитета в обществе, которое сохранялось еще долго и часто принимало очень ощутимые формы. В эти времена хаоса традиционалисты представляли себя в качестве поборников порядка, истинного ислама. Во время недолгого восстания Осипова в январе 1919 г. они встали на сторону повстанцев и захватили старый город Ташкента в течение дня. Они использовали их мгновенное господство, чтобы рассчитаться со своими мусульманскими врагами. В районах, удерживаемых *басмачами*, *улемы* осуществляли власть в качестве *казиев*, только благодаря власти полевых командиров. В других случаях наоборот, суфийские фигуры привели к власти *басмачей*, как это имело место в Мастчох. Некоторые из них мечтали создать «исламское государство», которое они называли Мусулмонобод (Земля мусульман), что означало пространство под управлением мусульманского государя, в котором *улемы* могли бы управлять обществом, согласно правилам *шари'ата*, не скован-

ным ограничениями, установленными царской или советской властью. Некоторые *улемы* стремились работать в советских учреждениях, использовавших свои полномочия, чтобы предстать перед местными исполкомами в качестве выразителей воли населения. Они даже пели «Интернационал» на публичных собраниях, чтобы отстаивать свои революционные полномочия. Таких *улемов* называли «красными муллами». Но усилия *улемов* использовать язык революции не имели успеха. В марте 1923 г. некий Мубашширхон Саййидхон оглы, *казий* из Авлие-Ата, представил длинный аргумент против советского закона о разводе, который давал женщинам право инициировать развод. Но это обращение, отличающееся своим сочетанием женоненавистничества, обычного ислама и языка класса, не имело практического эффекта. Недовольство *улемов* было частью жалоб населения, но иногда они смогли мобилизовать свои полномочия в актах сопротивления или насилия. Через год после того, как Мубашширхон написал свою записку о разводе, он выступил в качестве лидера группы и открыто критиковал правительство. После разрушения могил в Кокчинском районе Ташкента в ме- четях появились анонимные прокламации, проклинающие жителей *махалли* за то, что они разрушили кладбище, не посоветовавшись с «авторитетными и заслуживающими доверия» *улемами*. В эти годы *улемы* мобилизовали население в защиту *корихона* и *мадраса*. Сохранение авторитета *улемов* приводило их противников в отчаяние и заставляло принимать против них более радикальные меры.

В 5-м разделе «Islamic Institutions in the Era of Revolution» («Исламские институты в эпоху революции») речь идет о деятельности казийских судов, *вакфов* и других исламских институтов в 20-е гг. Первые законодательные акты большевиков отделили церковь от государства, изгнали религию из образования, брака, и сделали развод легко доступным. Еще в годы гражданской войны они начали штурм Русской православной церкви, конфискуя ее имущество и разрушая ее способность к сопротивлению. В первые годы советской власти Средняя Азия избежала большинства этих антирелигиозных инициатив из-за слабости советской власти и угрозы обострения недовольства мест-

ного населения. Советское законодательство о религии применялось только к европейским пространствам Средней Азии (т. е. новым городам и русским поселенцам в селах), в то время как в остальной части региона старые практики продолжались. В мае 1919 г. ТурЦИК издал указ, заменивший исламские суды единым народным судом, который вызвал значительную оппозицию среди мусульманского населения в форме демонстраций и петиций. На практике казийские суды продолжали действовать. В сентябре 1921 г. ТурЦИК официально разрешил восстановление казийских судов в Фергане. То же самое можно сказать и о *вакфе*. *Джадиды* уже давно утверждали, что доходы *вакфов* должны служить не только для обслуживания религиозных потребностей, но и для развития культуры и просвещения народа. В 1918 г. в Туркомнац была создана специальная комиссия по делам *вакфа*, а 26 февраля 1920 г. ТурЦИК передал дела *вакфа* в Наркомпрос. Управление индивидуальными *вакфами* было оставлено в руках *мутаваллиев* (доверенных лиц). В 1921 г. КПТ на своем VI съезде официально подтвердила свое нежелание вмешиваться в дела *вакфа.* После этого повсеместно началось расхищение имуществ *вакфов*. Ряд *вакфов* перешел в частную собственность, другие стали изгоем, а в некоторых случаях они перешли в ведение местных ревкомов и исполкомов. В результате многие мечети были разрушены или опустели, *мадраса* уменьшились в размерах, сократились их доходы. В мае 1922 г. Политбюро официально предоставило «возвращение» собственности *вакфов* их иждивенцам и восстановление исламских судов. Казийские суды теперь работали официально и на уровне уездов были созданы управления *вакфов*. В то же время, открыто появились шариатские администрации (*махкама-йи шар'ийа*) в качестве организаций, находящихся в ведении *улемов*, независимо от партии. В 1919 г. *махкама-йи шар'ийа* существовала в Самарканде, а в 1920 г. – в Ташкенте. В них работали реформаторские *улемы*, готовые сотрудничать с местными советами. Реформистские *улемы* видели в легализации казийских судов и создании шариатской администрации новые возможности приведения в действие реформы. Некоторые из них надеялись создать единую *махкама* с юрисдикцией над всем Туркестаном и с

более широкими функциями, чем надзор над *вакфами* и исламским образованием. Но партия не долго терпела такую уверенность. Возвращение казийских судов и *вакфов* было всего лишь тактическим шагом. Уже в декабре новым законодательством партия значительно сократила сферу деятельности и полномочия обоих учреждений. Мечта о единой *махкама* для всего Узбекистана также не была реализована, а в 1927 г. все местные администрации были отменены, наряду с казийскими судами.

В 6-м разделе «Fitrat's Revolt against God» («Восстание Фитрата против Бога») речь идет о том, как Фитрат из реформиста превратился в безбожника. Удушье исламских судов и *вакфов* сопровождалось сдвигом в религиозном настроении, по крайней мере, у некоторых *джадидов*. К 1923 г. к скрипучему антиклерикализму в годы после 1917 г. стали присоединяться выражения глубокого религиозного скептицизма, по сути, безбожие. Этот скептицизм был выражен в значительной степени в идиоме исламского мира и в то же время, несомненно, был под влиянием революции и советского атеизма. Основной фигурой в связи с этим был Фитрат, чей переход к скептицизму можно проследить в ряде его работ, опубликованных в эти годы. В «Индийских революционерах» (1920), где в центре его внимания были патриотизм и антиколониальная борьба, он критиковал *улемов*, стоявших на пути национального освобождения. В 1923 г. Фитрат перенес свою критику в новую сферу. Серия из трех кратких работ, касающихся вопросов веры, опубликованных в 1923 и 1924 гг. в Москве, отмечает переход Фитрата от антиклерикализма к полномасштабному безбожию. Это был сложный период его жизни. Он был изгнан из правительства БНСР и в июне 1923 г. направился в Москву, где провел следующие 15 месяцев. В коротком рассказе «Киёмат» (Судный день) представлена двусмысленная сатира. С одной стороны он критикует исламское понимание жизни после смерти, кощунственно изображая путь умершего в загробный мир, а с другой высмеивает советскую действительность. Сопоставление образов советского настоящего времени с историей Судного Дня способствует десакрализации исламского повествования. В словах, используемых Фитратом, кроется окровенное святотатство. Вторая работа Фитрата –

короткая одноактная пьеса в стихах под названием «Шайтоннинг тангрига исёни» (Бунт Сатаны против Бога). В ней неповиновение Сатаны Богу описывается как героический акт сопротивления и освобождения от уз плена и рабства Бога, который изображается как жулик и заклятый враг науки и знаний. Третья работа Фитрата – короткий трактат «Бедил», в котором он анализирует творчество индийского поэта среднеазиатского происхождения Мирзы ‘Абд ал-Кодира Бедиля (1644 – 1721). Здесь Фитрат представляет свое модернистское чтение произведений Бедиля, изображая его скептиком ислама, бунтарем и безбожником. Эти три работы отмечают поворотный момент в интеллектуальном творчестве Фитрата, в которых он вышел далеко за пределы антиклерикализма и перешел к критике самой религии. Тем не менее, этот поворот к безбожию имел мало общего с большевистским антирелигиозным мышлением. Позиция Фитрата в конечном счете коренилась в радикализации мусульманской реформистской мысли больше, чем в каких-либо прямых заимствованиях из советского атеизма. После возвращения в Туркестан Фитрат написал несколько статей, для журнала «Худосизлар» (Безбожники), основаного Лигой воинствующих безбожников, в которых он еще раз подтвердил свое неверие. В одном рассказе он изобразил пророка Мухаммада в качестве мелкобуржуазного торговца, в другом – как похотливого, лживого *эшона* и развратника, а его откровение (т. е. сам Коран) назвал вымыслом его корыстного воображения.

В 7-м разделе «From Muslim Irreligion to Soviet Atheism» («От мусульманского отрицания религии к советскому атеизму») речь идет о других формах ате- изма и критики ислама в 20-е гг. Антиклерикализм и даже безбожие, сформулированные в мусульманской идиоме, оттеснили власть *улемов* в Средней Азии в первые годы после революции. В сер. 1920-х гг., к этому антиклерикализму присоединилась несколько иная форма атеизма, отличавшаяся от исламской критики мусульманских практик, и выдержанная в своеобразных советских тер- минах. Тон печати становился все более жестким и выходил за рамки высмеивания *улемов* и суфиев, переходя к высмеиванию исламской практики поклонения и поста. С наступлением месяца *рамадан* в

апреле 1924 г. в прессе появился ряд издевательских публикаций, авторы которых высмеивали *имамов*, создававших видимость соблюдения поста, и саму практику поста. Новая когорта еще более радикальных писателей, многие из которых были членами партии, заняли еще более радикальную позицию против *улемов* и ислама. Предметом их критики были религиозные суеверия (*диний хурофот*) и суеверия вообще (*хурофот*), а верующие в них стали определяться не как «исказители религии» (*динфурушлар*), а просто как «сторонники религии» (*динчилар*). Произведения этих писателей более близки к советскому образцу антирелигиозной истерии, которая охватила узбекское общество только в конце 1920-х гг.

8-я глава «The Making of Uzbekistan» («Становление Узбекистана») состоит из предисловия и 6 разделов.

В предисловии говорится, что в годы после 1917 г. идея нации была главной страстью *джадидов*. Большинство действующих лиц в политике 1917 г. вели борьбу во имя «мусульман Туркестана», и в последующие годы Туркестан оставался выражением чаяний большинства действующих лиц, как внутри, так и вне партии. Но слово Туркестан среди них имело множество пониманий. Казахские и узбекские активисты смотрели на вещи совсем по-разному. Для первых, идея Туркестана имела все меньше и меньше веса, поскольку они стремились к объединению с казахами бывшего Степного края, в то время как для последних Туркестан был сосредоточен вокруг оседлого населения Трансоксианы. Празднование *джадидами* тюрко-исламской традиции государственности Средней Азии, лучше всего воплощенной Темуром, было мало привлекательным для казахской интеллигенции. Небольшая туркменская интеллигенция также не имела отношения к рассуждениям о чагатаизме, которые в эти годы вели *джадиды*. Чагатаистский проект *джадидов*, который был далеким от пантюркизма, фактически утверждал границы между различными тюркскими группами в Средней Азии. Различие между оседлым и кочевым населением, которое во многом определяло социальное воображение региона еще с доколониальных времен, теперь вновь заявило о себе на языке национальностей. В 1924 г. распространение на Среднюю Азию

ключевого принципа советской национальной политики, согласно которому национальные и административные границы должны совпадать, территориализировали это различие. Представившие возможность создания территориального образования для нации, узбекские элиты с живостью ухватились за нее и создали территориальное пространство для оседлого мусульманского населения Средней Азии, которое они представляли как узбеков. Таким образом, Узбекистан, возникший в результате национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г., был не искусственным продуктом советской власти, а торжеством национального проекта коренного населения в советских условиях.

В 1-м разделе «Imagining Uzbekness» («Представление об узбекстве») речь идет о том, как *джадиды* представляли себе будущее чагатайской нации. Слово *чагатай* редко применялось для обозначения нации, и представляло культурное наследие, на которое претендовала нация, все чаще и настойчивее называвшаяся *узбек*. Исторически термином *узбек* называли кочевую конфедерацию, которая вытеснила Темуридов из Трансоксианы в нач. XVI в. и установила государственный порядок, преобладавший в Средней Азии до русского завоевания. Ко времени революции элиты Средней Азии начали использовать слово «узбек» для обозначения всего не кочевого мусульманского населения региона, его языка и его культуры. Чагатаистский проект привел к узбекству, которое опреде- лялось в более широком тюркстве. Обращение к тюркизму среди прочего было восстанием против персоязычной традиции, формой деперсизации идентичности. По мнению чагатаистов, выходцы из Средней Азии, говорившие по-персидски, делали это под культурным влиянием морально коррумпированных дворцов правителей. Фитрат, главный теоретик чагатаизма, убедился в этой точке зрения во время своего пребывания в Стамбуле. В то время как до 1916 г. он публиковался исключительно на персидском языке, даже в то время как жил в Стамбуле, в 1917 г. он перешел на тюркский и в течение следующего десятилетия писал исключительно на узбекском языке. За это время он также неустанно работал, чтобы модернизировать язык и создать новый сло-

варь и орфографию для него. Принципиальной особенностью литературы этого периода было непреклонное стремление утверждать о тюркстве письменного языка с сознательной попыткой отвергнуть огромное хранилище арабских и персидских слов, употреблявшихся в узбекском языке. Новая поэзия эпохи была новой не только в своем предмете, но и в своей форме, так как новые жанры, новые измерения, и новые системы стихосложения по-новому обозначили узбекскую поэзию. Фитрат снова был здесь главным теоретиком, даже если Чулпон стал главным практиком этой поэзии. Чагатайский язык сам по себе, конечно же, был придворным языком, который определялся как своим обилием использования арабских и персидских заимствований и лояльностью к персидским литературным формам и согласованностям, так и своим тюркством. Современный узбекский язык должен был извлекать свой новый словарный запас и правила грамматики из тюркских источников чагатайского языка, отвергая его персидско-арабские размеры. Помимо чистки словарного запаса, Фитрат также утверждал, что система стихосложения *аруз*, имевшая канонический статус в чагатайской поэзии с момента ее создания, не подходит для «нашего языка». Императивы модернизации и аутентичности также вывели на передний план вопрос о реформе алфавита. Вопрос о реформировании орфографии тюркских языков стоял в течение нескольких поколений, но привлекал мало интереса в Средней Азии. Теперь для интеллигенции Средней Азии реализация орфографической реформы стала главной чертой революции. Реформа касалась только узбекского языка и служила тому, чтобы отличить его от других тюркских языков.

Во 2-м разделе «The Turkic Boundaries of Uzbekness» («Тюркские границы узбекства») речь идет конфликте между казахами и узбеками накануне национального размежевания. Узбекство было определено по отношению к другим тюркским группам. Термин «Узбек» явно не отражал все тюркское население Средней Азии, так же как не представлял собой единство региона. Казахские интеллектуалы никогда не имели никакого отношения к чагатаизму, ни любви к Темуру. В годы до революции казахская интеллигенция развивалась по несколько иной

линии. С казахскими аристократическими элитами, отправляв шими своих сыновей в русские школы, начиная с сер. XIX в., казахская интеллигенция, как правило, была более комфортной с русским языком, в то время как слабость группы, основанной на исламской книжности (*'улама'*) означала, что роль интеллигенции в обществе не была такой же, как в Туркестане. Уже к 1917 г. казахстанская интеллигенция достигла значительных успехов в создании казахского языка в качестве письменного с его собственной отличительной орфографией и создала литературное сообщество вокруг периодических изданий, таких как «Ай қар» (г. Троицк) и «Қазақ» (г. Оренбург), в которых принимали участие также казахи Туркестана. Итак, узбекские и казахские интеллигенты образовали два различных культурных сообщества. Рыскулов собрал вместе альянс казахских и узбекских активистов в Мусбюро, но он быстро распался после его ухода со сцены в 1920 г., и отношения между ведущими коммунистами Туркестана испортились по национальному признаку. На самом деле, конфликт между казахскими и узбекскими политическими элитами уже в 1921 г. привел к требованиям изменения политических границ Туркестана. Вопрос об изменении административной структуры Туркестана, отражающей разделение между оседлым и кочевым населением стоял уже давно. К 1924 г. интеллигенция Туркестана и Бухары пришла к выводу, что оседлое мусульманское население Трасоксианы следует считать узбеками, которые довольно сильно отличаются от своих кочевых соседей, казахов и туркмен. Различие между кочевым и оседлым населением в среднеазиатских рассуждениях стояло долго. Теперь этот вопрос был национализирован. После русского завоевания Средняя Азия была под пристальным вниманием этнографов, но возникший существенный свод литературы не смог создать стабильную номенклатуру для описания, не говоря уже про анализ населения региона. Самым сложным предметом исследования было оседлое население Средней Азии. Взаимосвязь между терминами «сарт», «тюрк» и «узбек» оставалась неясной, и эти три термина использовались одновременно и попеременно. В 1924 г., когда начался процесс размежевания среднеазиатских границ по национальному принципу, классификацион-

ная система этнографии Средней Азии была крайне слаба. Поэтому размежевание *не* было применением ранее существовавших этнографических знаний в государственной политике. Скорее всего, политический процесс видоизменил в определенной степени этнографические знания. В 1924 г. в работе над чертежом новых границ мнения экспертов не играли почти никакой роли.

8В 3-м разделе «From Bukhara to Uzbekistan» («От Бухары к Узбекистану») речь идет о процессе образования Узбекской республики в 1924 г. Решение Москвы распространить на Среднюю Азию принцип этно-территориального размежевания, практиковавшегося в других частях СССР, преобразовало параметры политики идентичности в Средней Азии. В январе 1924 г. Оргбюро ЦК отправило Яна Рудзутака в Туркестан, чтобы изучить возможность образования и целесообразность размежевания Казахской, Узбекской и Туркменской областей в соответствии с национальным принципом. В течение лета, Средазбюро создало территориальную комиссию, чтобы выработать границы различных республик, и процесс был в основном завершен к 18 ноября 1924 г., когда центральные исполнительные комитеты 3-х республик (Туркестана, Бухары и Хорезма) встретились, чтобы распустить себя и создать новые республики. Национальное размежевание было высшей точкой в политическом достижении местных кадров Средней Азии, а также моментом, когда там восторжествовала национальная идея. Однако, дискуссии велись за отсутствием ссылок на знания экспертов. В процессе размежевания не было никакого привлечения экспертных знаний за исключением нескольких меморандумов из Центрального статистического управления. Позиция узбеков была сформулирована БКП, а не их коллегами в Туркестане. ЦК БКП, который был первым из тех, кто действовал по своей инициативе, уже в феврале собрался и утвердил документ, написанный Файзуллой Ходжаевым, в котором он предложил «создание Узбекистана на основе Бухары». Энтузиазм Бухары в вопросе размежевания противоречил позиции Хорезма, правительство которого выступало против разделения государства, основываясь на его экономическом и историческом единстве. До лета правительство Хо-

резма настаивало на вступлении в состав Советского Союза в качестве отдельной территориальной республики. Файзулла Ходжаев утверждал, что Темуридское государство было национальным государством узбеков – ключевая точка зрения чагатаистов – и видел потерю единого государства в качестве причины упадка, культурной отсталости и даже эксплуатации. Файзулла Ходжаев превратил воссоздание национального единства узбекского народа в важнейшую задачу советской власти. Узбекский проект в значительной степени удался: окончательные границы республики охватывали все оседлое население Средней Азии и почти все ее исторические города. Некоторые города были переданы другим республикам, у которых их не было. Кочевым племенам Туркменистана и Киргизской автономной области были необходимы экономические и административные центры, и поэтому города Ташхауз, Ош и Джалалабад, несмотря на то, что их население составляли «узбеки», были переданы им. Казахская претензия на Ташкент была основана на этом же принципе. Узбекистан, как и представлял себе Файзулла Ходжаев, мог рассматриваться также как Большая Бухара. Новая республика предусматривала возвращение исторических потерь, понесенных Бухарой (при подчинении России в XIX в., и при отделении Коканда в XVIII в.). Создание Узбекистана было осуществлением чагатаистского проекта.

В 4-м разделе «Making Uzbekistan Uzbek» («Становление Узбекистана узбекским») речь идет о политике узбекизации населения, проводившейся после образования Узбекистана. Энтузиазм, развязанный созданием Узбекистана, был искренним и широко распространен среди всей интеллигенции Узбекистана. Революция, нация и антиколониализм, по-прежнему, были глубоко переплетены в этом видении Узбекистана. Создание республики было началом новой жизни, когда проблемы отсталости могли быть решены за счет национального единства и революционных институтов. В течение следующих нескольких лет страстный пыл в строительстве Узбекистана обеспечивал общую почву для интеллигенции вопреки другим политическим различиям. Однако мало кто за пределами интеллигенции в это время называл себя узбеком. Всеобъемлющие, абстрактные формы идентифи-

кации были очень редки даже среди политически ангажированного городского населения. В Бухаре не было никакой стабильной номенклатуры для описания «национальности» населения, хотя «узбек» был наиболее широко используемым термином. Споры о национальной идентичности – о языке, наследии, самом смысле того, чтобы быть узбеком – велись в новых учреждениях культуры, построенных советским режимом в рамках своей миссии трансформации. Создание национально-территориальной республики само по себе было механизмом для ковки национального самосознания. Национальность стала политически значимой и в то же время более ощутимой. Решением партии в Красной армии были учреждены национальные подразделения, которые были созданы для мобилизации граждан из нерусских частей СССР, которыми бы руководили офицеры, говорящие на их родном языке. Еще до национального размежевания, узбекская пресса описывала такие подразделения в качестве «национальной армии». После размежевания эти подразделения широко освещались в прессе как узбекская национальная армия. Музеи, карты, и перепись были поставлены на службу строительства узбекского народа, но только после того, как узбекская республика была создана. Создание Узбекистана также дало импульс «узбекизации» республики. Эта позиция была подтверждена политикой коренизации, которая должна была сделать советскую власть коренной в нерусских областях путем переключения государственных и партийных учреждений на языки коренных народов и комплектования их представителями местного населения, чтобы отличить советскую власть от ее предшественников в царской России. На практике коренизация лишь немного осложнила положение русских в национальных республиках, но дала лицензии местным руководствам национализировать свои республики и ассимилировать группы населения, которые рассматривались как меньшинства. Русские не рассматривались в качестве национального меньшинства. Поэтому основной целью коренизации в Узбекистане оказались другие группы населения, в частности, многочисленное персоязычное население. Попытка узбекизации персоязычного населения рес-

публики произвела таджикский национализм, что еще больше способствовало идее национализации населения региона.

В 5-м разделе «Making Uzbeks Uzbek» («Становление узбеков узбеками») речь идет о создании единого узбекского литературного языка и переходе на латиницу. Перед национализирующейся интеллигенцией Узбекистана стояла дилемма. Они имели Узбекистан, теперь они должны были сделать узбеков. Оседлое тюркоязычное население Средней Азии было далеко не единым языковым сообществом и сохраняло огромное разнообразие диалектов. Задача планировщиков языка в создании единого языка из этого многообразия отражали более широкую проблему построения единой нации из разрозненных оседлых групп, которые во время национального размежевания оказались классифицированными как узбеки. Во многих отношениях создание современного узбекского литературного языка сталкивалось с теми же проблемами, хотя в меньших размерах и более локальном масштабе, как и создание общего тюркского языка, что пытались сделать другие. Основной вопрос заключался в том, где следует корениться узбекской советской национальной культуре – в массах или в высокой традиции прошлого. Для Фитрата ответ был ясен. Узбекское настоящее коренится в национальной подлинной высокой традиции прошлого, в каноне величия, которым узбеки настоящего время могут гордиться, даже, если это прошлое нуждалось в исправлении. Линия узбекской литературы была больше, чем период узбекского правления. Но это видение языка как хранилища самой нации и зеркала его достижений столкнулось со стремлением сделать письменный язык ближе к разговорному, чтобы он был более демократичным и более понятным для населения. Многие из *джадидов* благосклонно относились к тому, чтобы литературный язык базировался на простонародных диалектах, сохранивших гармонию гласных. К 1923 г. Наркомнац в Москве стал рассматривать вопрос о латинизации. Этот более широкий тюркский контекст оказался решающим для Узбекистана. В марте 1926 г. азербайджанские энтузиасты организовали 1-й Тюркологический съезд в Баку для обсуждения вопроса о принятии латинского алфавита для всех тюркских языков Советского Союза. После

съезда Политбюро с энтузиазмом поддержало это движение. Этот более широкий тюркский контекст оказался решающим для Узбекистана, хотя до тех пор вопрос латинизации в основном отсутствовал в страстной дискуссии вокруг орфографиической реформы в Средней Азии. В мае в Самарканде собралась Консультативная комиссия, а в июле был создан более формальный Центральный комитет по латинизации УзЦИК, который работал совместно с Академическим центром Узкомпрос. В 1927 г. был разработан пятилетний план внедрения сценария перехода на латиницу. Полностью вокализированный узбекский язык был признан языком масс, следовательно, более «пролетарским» и более советским. Свободные от гармонии городские диалекты, с другой стороны, представляли культуру дворца и ислама, а в целом, нездоровый буржуазный национализм и пантюркизм. Поэтому было не удивительно, что поворот к полной вокализации сопровождался все более резкими нападками на чагатаизм и на Фитрата лично. Узбекистан состоялся, но чагатаистское видение его было под угрозой.

В 6-м разделе «Uzbekistan in Comparative Perspective» («Узбекистан в сравнительной перспективе») речь идет о создании узбекства и Узбекистана в контексте становления наций по всему миру. Узбекский народ не является «естественным» явлением, но это не просто дело рук имперского советского режима, стремившего разделить подчиненное ему население, чтобы лучше было покорить его. Он был воображен и построен через сложное взаимодействие интеллектуалов и государственной власти. Узбекистан интересен не тем, что был «построен», а условиями, в которых это произошло. Это был дореволюционный проект национальной интеллигенции, осуществившийся в советских условиях и видоизмененный ими. Становление Узбекистана представляло торжество идеи нации, пришедшей в Среднюю Азию из нескольких направлений. Для *джадидов* и националкоммунистов главным источником вдохновения был подъем идеи тюркизма в нач. XX в., который привел к этнизации конфессионально-территориального видения нации («мусульмане Туркестана»). Тюркизм был разработан в общественном пространстве Российской и Османской империй. В 1920-е гг. подъем

тюркистских национальных проектов наблюдался также в Татарстане, Азербайджане, и, наиболее активно, в Турции. Эти различные проекты во многом были переплетены (особенно в области языка и орфографической реформы). Чагатаистский проект был насквозь тюркистским, но противопоставлял себя как османам, так и персидскому миру. Турция и Узбекистан были коллегами – наследниками «западной» (Османской) и «восточной» (Чагатайской) тюркских культурных и политических традиций, каждая из которых была национализирована в нач. XX в. через переплетенные, но различные по содержанию тюркизмы. В Османской империи тюркизм был мятежом против Османского наследия. Оставшиеся от нее династия и высокая культура стали рассматриваться как неподлинные, космополитические и коррумпированные. В этой связи тюркизм был глубоко подрывным. В Средней Азии тюркизм направлен на возвеличивание давно потерянной империи, чье величие (и высокая культура) должны были быть возрождены. Национальное размежевание в Средней Азии было, прежде всего, *политическим* процессом, в котором редко привлекались знания экспертов. В 1924 г. этнографы играли незначительную роль в реальных дебатах по классификации или из-за территориальных претензий. То, что восторжествовало в 1924 г., было *национальными проектами,* а не нациями. Узбекистан и его жители еще предстояло сделать узбекскими. Этот процесс тоже нормальный в истории создания наций, точно, как большая часть т. н. «исторических наций» Западной Европы, как и более поздних новоявленных. Сравнение с Турцией показывает поразительные параллели с узбекским случаем. Анатолийское сопротивление оккупации Антанты было мобилизовано во имя «османских мусульман» и риторика мусульманского национализма доминировала в борьбе, пока она продолжалась. Турецкая республика после своего основания в 1923 г. превратила «османских мусульман» в турков, а Анатолию в турецкую родину. Аналогичным образом национальный проект превращения «мусульман Туркестана» в узбеков достигается за счет такого же набора политики и практики. Конечно же, были и сопротивление, и компромиссы, но в

дол- госрочной перспективе, национальные проекты увенчались успехом.

9-я глава «Tajik as a Residual Category» («Таджики как остаточная категория») состоит из предисловия и 4-х разделов.

В предисловии говорится о судьбе персоязычного населения Средней Азии. Персидский язык был языком *мадраса* Самарканда и Бухары и огромного объема литературного производства городов. Вплоть до конца старого порядка в Бухаре в 1920 г. канцелярия эмира функционировала на персидском языке. Что случилось с этим наследием? Почему Таджикистан, который появился в 1924 г., был таким маленьким и сельским, а не пер соязычным аналогом тюркского Узбекистана? Сегодня эти вопросы являются очень актуальными, так как и Узбекистан, и Таджистан претендуют на легитимность в продолжительной истории региона. Таджикские интеллигенты, считающие себя хранителями иранского (или «арийского») пламени в море тюркства, обижаются, что древние центры персидской культуры принадле жат Узбекистану. Они ставят в этом вину как на таджикских интеллектуалов 1920-х гг. за то, что они не смогли защитить интересы своего народа, так и на «узбекских пантюркистских шовинистов», присвоивших себе права таджиков, и утверждают, что размежевание с самого начала было направлено против таджиков. Таджикистан возник именно так, потому что в 1924 г. не было таджикского народа. Персоязычные интеллектуалы и политические деятели не идентифицировали себя в качестве таджиков и, следовательно, не отстаивали прав таджикского народа. Большинство из них были приверженцами чагатаистского видения Средней Азии. Национальное размежевание заморозило на месте все виды вероятностей, одним из которых было увлечение тюркизмом, которое испытывали все модернистские интеллектуалы Средней Азии, независимо от того, на каком языке они говорили. Таджики определялись другими как преимущественно сельское население горных крепостей Восточной Бухары, единственного места с изолированным персоязычным населением в Трансоксиане. Создание Таджикистана привело к ряду нарушений чагатаистского проекта, но это не изменило

фундаментального определения таджикства, кристаллизированного размежеванием 1924 г.

В 1-м разделе «The Absence of the Tajiks» («Отсутствие таджиков») речь идет о том, что персоязычная интеллигенция Средней Азии идентифицировала себя в качестве узбеков. В нач. XX в. в рассуждениях об идентичности в Средней Азии является почти полное отсутствие какой-либо мобилизации или агитации от имени персоязычного населения. В то время как *джадиды* открывали тюркские корни Средней Азии и близость с тюркскими народами других стран, не было параллельного открытия иранских корней или близости с Ираном, и персидский язык никогда не был средством национальной мобилизации и узлом идентичности. Более того, персидский разговорный язык, не говоря уже о письменном, в Бухаре или Туркестане продолжал называться *фарси*, а термин *таджикский* никогда для него не использовался. Первым, кто сформулировал идею *миллат-и форс,* «персидская нация», состоящую из всех персоязычных жителей Туркестана, был Сайид Ризо Ализода, *эрони* из Самарканда. Суперэтнической родиной (*ватан*) этого народа он считал Туркестан. Главной страстью большинства политически активной персоязычной интеллигенции Туркестана и Бухары была приверженность тюркизму. Она уходила корнями в увлечение Ос- манской империей за ее статус самого мощного мусульманского государства того времени и образца мусульманской современности. В частности, для бухарцев османские реформы стали образцом для подражания. Иран, с другой стороны, был слишком мал и не готов обеспечить такое же вдохновение. Кроме того, их отдаляло то, что иранцы были ши‘итами, а бухарцы – суннитами. Тюркизм был путем к прогрессу и современности, к исламу, освобожденному от искажений веков, и к мужскому, здоровому будущему. С другой стороны, персидское наследие стало представлять тонкую поэзию прошлого, но также мистицизм, религиозное искажение, слабость и упадок. Такой процесс деперсизации, имевший место также в Закавказье, был составным элементом тюркизма. В воображении чагатаистов Туркестан должен был стать просто землей тюрков. Многие носители персидского языка начали видеть себя тюрками, кото-

рые забыли свой собственный язык и приняли персидский под иранским культурным влиянием. Очарование персоязычной интеллигенции тюркизмом было реальностью и определило политическое будущее региона. Большинство младобухарцев как истинные отпрыски эмирата, были двуязычными, и для них быть «узбеком» или «таджиком» был вопросом выбора. Подавляющее большинство выбрали узбекский язык. Для них Бухара была воплощением чагатайского наследия Средней Азии, тюркского государства, и путь к его искуплению лежал через национализацию и тюркизацию. В практике государственного управления БНСР термин *таджик* также едва существовал где-либо как категория. Номенклатура не была стандартизирована, но *таджик* здесь использовался только для жителей восточной части Бухары. Население города Бухары и глубинки республики определялось либо как бухарцы, узбеки, или тюрки. Набор статистических данных, представленных в 1922 г. в ЦК БКП, определял численность таджиков в Бухаре в 390 тыс., лишь 14 % от общей численности населения в 2,3 млн. человек.

Во 2-м разделе «The Making of Tajikistan» («Становление Таджикистана») речь идет о процессе образования Таджикской республики. В спорах по размежеванию голоса таджиков были замечательны почти полным отсутствием. Создание Таджикской автономной области в Узбекистане было предложено Файзуллой Ходжаевым, а не таджикским комитетом, которого не существовало. В мае 1924 г., когда Средазбюро вступило в стадию реализации процесса размежевания границ, были созданы национальные подкомитеты для всех национальностей, которые были признаны территориально. Таджиков среди них не было. После этого в нее были включены назначенцы узбекской делегации. Поэтому не удивительно, что первоначальное предложение о Таджикской автономной области перешло в законодательство без изменений или возражений. Документ признавал существование 1,240,000 таджиков в Средней Азии, но единственной «непрерывной зоной с преобладанием таджиков» была Восточная Бухара и соседние районы Самаркандской области, и они должны были образовать Таджикскую автономную область. Это были самые сельские, экономически неразвитые и отдаленные

районы Туркестана и Бухары. Таким образом, таджики Таджикистана оказались синонимом «горных таджиков», воплощениием отсталости и угнетения. Таджикистан, предусмотренный в 1924 г., был небольшим, сельским и отчаянно бедным. Ссылки на исключительную культурную отсталость «таджиков» были обычным делом в прессе того времени. Если Узбекистан основывался на Бухаре, то Таджикистан был задуман как место, которого в Узбекистане не желали. На самом деле, Таджикистан стал свалкой для проигравших политические сражения в Бухаре. Таким образом, становление Таджикистана было обратной стороной создания Узбекистана. Если Узбекистан был наследником Темуридской государственности в Средней Азии, Таджикистан представлял чуть больше, чем наименее приручennые части Мангытского государства. Новая республика была укомплектована, в основном, посторонними, немногие из которых пошли туда добровольно. В учреждениях новой республики было много европейцев, которые принесли с собой чувство миссии. Политическое руководство включало также много «таджиков» из Туркестана или Бухары. Мало кто из этих людей ранее 1924 г. претендовал на таджикскую идентичность, и большинство их оказались в Таджикистане, потому что потерпели поражение в различных фракционных борьбах в Ташкенте или Бухаре. Многие партийные работники, обвиненные во фракционизме и интригах закончили свои карьеры в Таджикистане. Таким образом, в 1924 г. в Средней Азии было много носителей персидского языка, но никакого таджикского народа. Более того, не существовало даже таджикского национального движения, которое могло бы говорить от имени потенциального таджикского народа, или выдвигать за него требования и бороться за его признание. При отсутствии такого признания, единственной вещью, отличавшей носителей персидского языка от их тюркоязычных соседей был язык, а он никогда не был указателем идентичности для носителей персидского языка Туркестана.

В 3-м разделе «Building Tajik Culture» («Строительство таджикской культуры») речь идет о процессе формирования таджикской прессы и литературного языка. Первоначальное узбекское предложение о создании Таджикской области предполага-

ло, что городские таджики из Узбекистана будут служить в качестве резерва для кадров в «восточной Бухарской Таджикской области». Однако лишь немногие из этих кадров были заинтересованы, чтобы переехать в сельскую глушь Таджикистана. Самарканд в течение нескольких лет оставался центром таджикского издательства. Наиболее важной фигурой в таджикской культуре был Айни. Он был ведущим в Средней Азии автором, писавшим на персидском языке (хотя он писал также на узбекском языке), и именно он впервые использовал термин *таджикский* для языка, и ввел в оборот, чтобы отличить его от персидского языка. Создание Таджикистана привело к отступничествам от чагатаистского проекта, так как многие персоязычное интеллектуалы стали идентифицировать себя таджиками. Эти авторы вместе составляли интеллигенцию с таджикским самосознанием, которая сформулировала параметры таджикства. Они действовали в литературном поле таджикского языка, который также возник в результате создания Таджикской республики. В своих ранних работах, посвященных вопросу таджиков, перед тем, как был создан Таджикистан, Айни использовал слово *таджик* только в значении «горные таджики». К весне следующего года Айни перешел к гораздо расширительному определению таджикства, которое охватывало все персоязычное население Средней Азии и его «тысячелетнее» литературное наследие. В то же время, таджикский народ в определении Айни не включал другие персоязычные народы, такие как *эрони*, афганцы, или жителей самого Ирана. Айни здесь сочетал претензии на долговечность, историческую первичность и автохтонность с претензиями на культурное превосходство таджикского народа. Такая формулировка явно была ответом на претензии чагатаизма, который видел государственное строительство в качестве центрального компонента законности своих притязаний на государственность и тем самым пытался вычеркнуть существование персоязычного городского населения в Средней Азии. Формулировка Айни о таджикстве не имела ничего общего с Ираном. Таджикский народ был коренным в «Трансоксиане и Туркестане», сообщество со своим собственным правом, своей собственной культурой и литературой. Айни преподносил коренное

персоязычное население Средней Азии как единый народ с трансисторическим существованием. В конце 1920-х гг. среди таджикских интеллектуалов вспыхнули лихорадочные споры по вопросу таджикского литературного языка, которые во многом были сравнимы со спорами по поводу чагатайского наследия. Спор был между «интернационалистами», считавшими, что таджикский язык должен быть понятным за пределами СССР и «изобретателями языка», которые хотели создать письменный язык из речи сельского населения. В конце пришли к компромиссу, в котором некоторые особенности сельской таджикской речи были сохранены в рамках нового литературного стандарта, но наследие веков не было полностью удалено. Таджикство было основано как на его персоязычном прошлом, так и его советской современности.

В 4-м разделе «The Emergence of Tajik National Consciousness» («Появление таджикского национального самосознания») речь идет о начале кампании обвинений и претензий со стороны таджикской интеллигенции в адрес узбекских властей. Основание Таджикистана было не результатом таджикского национализма, а часом его рождения. Таджикская национальная идентичность появилась только после того, как была создана Таджикская республика. Самой удивительной особенностью этого преобразования является быстрый темп, в котором таджикская интеллигенция возникла и страстность, с которой ее члены выдвигали свои претензии. Первоначально претензии были сосредоточены на языковых правах таджиков в Узбекистане, но очень быстро переросли в территориальные требования. Таджикские претензии приняли форму не только требования повысить статус Таджикистана до полноправной республики, но и требования дополнительной территории от Узбекистана. Основной причиной того, почему так быстро выросла таджикская национальная активность, была политика, проводившаяся властями Узбекистана. Фундаментальной особенностью чагатаистской концепции узбекства было непризнание персоязычного наследия Средней Азии и сопутствующее отрицание наличия большого персоязычного населения в регионе. Эти действия вызвали возмущение среди нарождающейся таджикской интеллигенции

и привели к быстрой радикализации ее позиций. Уже в мае 1926 г. Таджикское руководство подняло этот вопрос к самому Сталину и в течение 2-х последующих лет направляло многочисленные петиции в различные уровни партийных и государственных иерархий. В 1928 г. Мухиддинов стал требовать не только разделение Таджикистана от Узбекистана, но и включение в него городов Самарканда и Бухары. С самого начала таджикские активисты использовали подозрения партии в панисламизме и пантюркизме, чтобы критиковать узбекскую политику и показать ее вредной интересам партии, государства и революции. Жалуясь на «извращение» линии партии со стороны своих противников, таджикские активисты, таким образом, изображали себя истинными Советами. Обвинения в панисламизме, пантюркизме и национал-шовинизме – основных фобиях партии в Средней Азии в 1920-е гг. – продолжают быть основой таджикских жалоб на действия узбекской политики по сей день. ОГПУ, тем временем, долго собирал материалы по «узбекизму и росту шовинизма» среди узбекской интеллигенции. Эти подозрения принесли узбекской интеллигенции тяжелые потери. Таджикские жалобы, изложенные на языке, прямо соответствовавшем языку ОГПУ, означали, что проблема узбекско-таджикских межэтнических отношений была очень большой на повестке дня политической полиции и партии. Обсуждение разделения Таджикистана от Узбекистана и связанных с этим территориальных урегулирований, начатых в 1929 г., было непосредственно связано с подозрениями государства об «узбекском шовинизме». Эти подозрения, в свою очередь, коренились в попытках очистить ряды партии и утвердить центральный контроль над направлением местной культурной жизни, которые начались с открытием в 1926 г. «идеологического фронта».

10-я глава «The Ideological Front» («Идеологический фронт») состоит из предисловия и 4-х разделов.

В предисловии говорится, что в октябре 1924 г., в момент рождения Узбекистана, Абдурахмон Са‘ди написал обзор последних разработок в области узбекской литературы. В этой статье, которая появилась в органе комсомола «Революционная молодежь», Са‘ди видел главной особенностью нынешней узбек-

ской литературной жизни возникновение революционной литературы, отмеченной романтизмом, упрощением языка и использованием символизма. Для Са‘ди главными сторонниками этой революционной литературы были Фитрат, Чулпон, Элбек, Боту, Шокир Сулаймон и Гулом Зафари, которые все вместе закрыли эпоху «реализма Бехбуди и Авлони», развивавшуюся до революции. Это отображение узбекского литературного поля, где революция связана с открытием новых эстетических горизонтов, а не классовой борьбы, в скором вре- мени была объявлена вне закона. В 1926 г. партия открыла «идеологический фронт» против «старой интеллигенции» и ввела новый словарь в культурной сфере Узбекистана, так что литературные суждения теперь могли быть сделаны только на основе категорий анализа, основанного на авторизованном определения революции. Партия вставила себя в культурную жизнь Средней Азии, что имело далеко идущие последствия. Поскольку параметры допустимого сжались, пантеон новой литературы был резко изменен. Средняя Азия, ее прошлое и настоящее, должны были быть представлены в универсальных марксистских категориях, определяемых партией. Имена, упомянутые в статье Са‘ди, начали исчезать из общественного пользования. Бой на этом фронте стали вести молодые представители новой когорты узбекских советских писателей, которые осудили *джадидов* и сбили их с пьедестала. Тем не менее, КПУз оставалась удручающе разделенной по этническому признаку, и ее ранняя история была отмечена серией кризисов. За «Делом 18» в 1925 г. последовало несколько других скандалов, сделавших руководство партии глубоко подозрительным к местным кадрам, которых власти считали идеологически несостоятельными и восприимчивыми к «национализму». Борьба с ним, как внутри партии, так и вне ее была отличительным признаком политической жизни Узбекистане во второй пол. 1920-х гг. В сочетании с вновь обретенной напористостью партии в культурной политике, эта борьба имела серьезные последствия для интеллектуальной и политической элиты республики. Утверждая свое присутствие в культурном поле, партия накренилась к новой когорте интеллектуалов, которые были глубоко критичны к своим старейшинам и готовы осудить их за

идеологические грехи. В возникшей полемике *джадидов* («сторонники нового») стали бичевать их как «старых интеллигентов» (*эски зиёлилар*), чье время прошло. Этот переход от «старого» к «новому» в течение 10 лет был признаком быстроты изменений в эпоху революции. Но у новой когорты, заменившей старую, были свои проблемы: они тоже никогда не смогли отделаться от подозрения в национализме, и их судьбы были схожими с судьбами *джадидов*.

В 1-м разделе «Opening the Ideological Front» («Открытие идеологического фронта») речь идет о начале идеологической травли *джадидов* со стороны молодых коммунистов. В первые годы советской власти отсутствие достаточной поддержки и немногочисленность кадров не давало партии и ее европейскому руководству возможности навязывать свою волю в регионе и заставляло идти на многочисленные тактические уступки и нежелательное сотрудничество с дореволюционной интеллигенцией. После национального размежевания, которое обычно преподносится как «вторая революции» в Средней Азии, чувство уверенности партии в своем влиянии и силе значительно окрепло. Чем сильнее большевики чувствовали свой контроль Средней Азии, тем они становились менее терпимы к идеологическим отклонениям. Уверенность, пришедшая от этого чувства, привела партию к поиску большего контроль над местной культурной жизнью. С этой целью в Узбекистане против национальной интеллигенции был открыт идеологический фронт, движущей силой которого была политическая полиция. В январе 1925 г., как только был образован Узбекистан, ОГПУ инициировало формирование «Комиссии для разработки вопросов по привлечению внимания партии к работе ОГПУ по борьбе с буржуазно-националистическими группами и с контрреволюционной идеологией», состоявшую из офицеров ОГПУ и высокопоставленных деятелей партии и правительства. Основным обвинением, выдвинутым против национальной интеллигенции был национализм. Учитывая, что многие узбекские коммунисты видели коммунизм через призму нации и антиколониализма, определение ОГПУ национализма могло оказаться весьма опасным даже для членов партии. Поэтому никто не был избавлен от подозрений.

ОГПУ не представляло никакого труда придумать компромат на тех, кто попал в его тиски. Весной 1926 г. ОГПУ сделал ряд арестов людей, которых оно охарактеризовало как «бывших руководителей вооруженной борьбы против советской власти» – Саидносир Миржалилов, Обиджон Махмудов и Убайдулла Ходжаев. Это были фигуры, связанные с Кокандской автономией, которые остались за пределами советских учреждений. От преследования ОГПУ пострадали также Абдулла Кодири и Фитрат, которые были отстранены от прессы. Эти аресты сопровождались прямыми нападками на *джадидов* со стороны комсомольцев во главе с Акмалом Икромовым, возглавлявшим КПУз. Их мотивами были сочетание идеологического радикализма, нетерпение к своим старейшинам, и необходимость отстаивать свою ортодоксальность в глазах партийных органов. Развернувшийся дебат велся в большевистской лексике и сосредоточен на том, насколько *джадиды* и джадидизм подходят политическим категориям нового режима. «Политическая сущность» *джадидов* и джадидизма теперь судилась задним числом. Учитывая, что класс не был значимой категорией для *джадидов* и что до 1917 г. среди коренного населения не было никакой традиции политической организации на социалистических началах, было не удивительно, что в последовавшей дискуссии все *джадиды* оказались идеологически и политически подозреваемыми. В течение 1926 и 1927 гг. нападения на *джадидов* становились все более интенсивными.

Во 2-м разделе «A Soviet Uzbek Intelligentsia» («Советская узбекская интеллигенция») речь идет о молодом поколении работников культуры, пришедших на смену *джадидам*. Молодые люди, переполнявшие конференции работников культуры в 1926 и 1927 гг., были первым плодом советских учреждений. Среди них были выпускники учебных институтов преподавателей и рабфаков, а также школьные учителя, сельские корреспонденты и грамотные активисты в деревне. Так же как и активисты Женотдела, корреспонденты часто сталкивались с гневом населения, их избиения и даже убийства были обычным явлением. Поэтому многие авторы использовали псевдонимы или инициалы. Это была новая группа советских интеллектуалов.

Именно они терроризировали дореволюционную и раннюю революционную национальную интеллигенцию, именно они заложили основу пролетарской культуры, чего не смог в полной мере сделать даже узбекский пролетариат. Отчет о партийной работе в 1924 г. называл таких людей «мелкой интеллигенцией». Но более удачный термин для них в марксистском лексиконе был бы *lumpenintelligentsia*, ибо они служили партии как таран против национальной интеллигенции. В 1925 и 1926 гг. были сделаны значительные усилия для укрепления присутствия партии в публичном пространстве. 1927 г. стал для прессы поворотным моментом, так как новые назначения на редакционные должности принесли больший контроль над ее политической линией. ЦК КПУз и Средазбюро следили за «политической благонадежностью» тех, кто работал в прессе, даже если надежные журналисты оставались в дефиците. Тем не менее, к 1929 г. почти все редакционные позиции в периодических изданиях, контролируемых партией или правительством Узбекистана, были в руках узбеков, которые были членами партии или комсомола. Ни один из них не имел никакого опыта общественной жизни до 1922 г., не говоря уже о 1917 г. Результаты этого усиления контроля были ясны, так как и тон, и содержание публикуемых в прессе материалов резко изменились. К сер. 1920-х гг. прибыла новая когорта писателей, которые были еще моложе, чем *джадиды*, с разницей в том, что они не были сформированы дореволюционных борьбой. Это было совершенно новое поколение, преемники и конкуренты, не только *джадидов* (Фитрат, Чулпон, Кодири), но и ранней революционной интеллигенции (Гози Юнус, Элбек, Азиззода). Эта новая когорта «говорила побольшевикски» намного лучше, чем старшее поколение, хотя их команда нового языка редко была совершенной. Как и комсомольцы в партии, члены этой новой когорты видели себя как настоящих поборников нового порядка, который они понимали лучше, чем старшее поколение. Они были явно увлечены обещаниями революции и путями к будущему, которые она открыла. Некоторые из них, такие как Ойбек (1905 – 1958), Гафур Гулом (1903 – 1966) и Хамид Олимжон (1909 – 1944), стали отцами узбекской советской литературы. Другие, такие как Гайрати

(Абдурахим Абдуллаев, 1902 – 1976) и Миртемир (1910 – 1978) не нашли такую стойкую славу, но тоже прожили продуктивную жизнь в брежневские годы. Боту или Зиё Саид, попали в чистку наряду с теми, кого они сами критиковали. Остальные, такие как Ромиз, Камчибек, Анкабой, Амала-хоним, Сотти Хусайн, Лутфулла Олими и др., были почти полностью забыты. Среди новой когорты литераторов шла острая полемика и «старая интеллигенция» сделалась легкой мишенью для разборок внутри партии. Нападение молодого поколения на *джадидов* повлекло за собой эффект отцеубийства и много других предательств.

В 3-м разделе «The Jadids Besieged» («Джадиды осажденные») речь идет о том, как некоторые из *джадидов* пытались оправдаться перед нападками молодых писателей. Для *джадидов* новая ситуация была ужасной, и они отреагировали на нее поразному. Некоторые избегали внимания, поглотившись в научной работе, другие стремились переделать себя, чтобы остаться в общественной жизни иметь возможность внести свой вклад в образование и культуру. Некоторые сделали публичное выражение лояльности или покаяния. Фитрат опубликовал статью в которой он подверг критике «старых интеллигентов» и предложил реформу старометодных школ, чтобы преобразовать их в школы советского строя. Чулпон написал открытое письмо в президиум 2-го съезда работников культуры, в котором признался, что сделал «ошибки» и выразил «националистические и патриотические взгляды». Абдулла Кодири был приговорен к двум годам лишения свободы, но помилован Центральным исполнительным комитетом Республики Узбекистан. После этого ему удавалось публиковаться, но он никогда больше не появлялся в прессе. Он написал роман «Ўткан кунлар» (Ушедшие дни) об узбекской жизни до русского завоевания, опубликованный в то время, когда Кодири был арестован. Роман имел потрясающий успех. В 1928 г. Кодири опубликовал второй исторический роман «Мехробдан чаён» (Скорпион в алтаре) и продолжал появляться на страницах «Муштум» в качестве анонимного автора. Тем не менее, этот успех всегда был омрачен политической критикой его работы. Другие пытались получить признание,

благодаря упорному труду в советской тематике. Гози Юнус, который в январе 1918 г. разглагольствовал против большевиков и летом того же года отправился в Османскую империю в поисках военной помощи, опубликовал дюжину пьес в 1926 и 1927 гг. для использования в политическом образовании, многие из них переведены с азербайджанского или татарского. Элбек также сделал безупречную службу в области педагогики и производстве учебников. Наряду с тремя русскими педагогами, он работал со студентами экспериментальной школы Карла Лейбкнехта, чтобы создать набор учебников для узбекских начальных школ. С точки зрения их размера, их организации, а также их технического совершенства, они наиболее профессиональные учебные пособия, изданные на сегодняшний день для узбекских школ. Мунаввар кори также сделал усилие к примирению. К 1927 г. он был в тисках ОГПУ, в котором начал допрашиваться. Ему было предложено предоставить письменное показание о том, что он знал о несоветских деятелях, «джадидах» и «националистах» в Узбекистане. В июне 1927 г. он появился в Ташкентской окружной конференции работников культуры, где в краткой речи, он «признал свои ошибки» и предложил свою готовность работать с партией. Но этого не было достаточно. Сотти Хусайн высмеял претензии Мунаввар кори о том, что *джадиды* были готовы присоединиться к революции, а Комилжон Алимов в своем заключительном слове осыпал его горьким унижением за утверждение, что *джадиды* не были привязаны к одному классу. Мунаввар кори больше никогда не делал публичных выступлений.

В 4-м разделе «The Wiles of the Nation» («Обманы нации») речь идет об антисоветских настроениях среди новой узбекской советской интеллигенции. Несмотря на всю злобу, обрушенную на «патриотизм» и «национализм» новыми критиками, узбекская интеллигенция не была одинокой в своем недовольстве советской властью. В конце 1920-х гг. увлечение идеей нации пронизывало все политические круги среди интеллигенции Узбекистана. Новые советские политические и культурные элиты выкрикивали лозунги интернационализма и классовой борьбы, но были в замешательстве сохранением колониального нера-

венства и этнического разделения труда. Между тем, главной привлекательной стороной революционного проекта для коренных субъектов было обещание об отмене колониального неравенства. Развитие советской экономической политики в течение 1920-х гг. совершенно ясно показало, что Средней Азии в ней была отведена роль выращивания хлопка и обеспечение «хлопковой независимости» страны. Индустриализация региона была отложена на неопределенный срок, в то время как маленькая индустрия, которая имелась, оставалась в руках европейцев. На самом деле в 1920-е гг. был значительный приток, плановый и внеплановый, европейцев, пришедших в поисках работы. Даже радикальные критики трубили о необходимости пролетарской литературы на узбекском языке, узбекский пролетариат так и не сформировался. Все это вызвало большое недовольство среди интеллектуалов Средней Азии, как внутри партии, так и вне ее, что было истолковано ОГПУ в качестве контрреволюционного национализма. Случай нации требовал также уравнивания с европейцами, экономического развития и индустриализации. Антиколониальная риторика партии пробудила надежды по каким-то вопросам деколонизации. Ничего из этого не произошло. Европейцы продолжали доминировать в партии и современных секторах экономики (промышленности, той, которая там была, транспорт, добыча полезных ископаемых). Сама партия сталкивалась с хронической межнациональной рознью. Ходатайство «Группы 18» в декабре 1925 г. было результатом глубокого недовольства властной ролью европейцев в партии. Это недовольство вскоре превратилось в нечто более широкое. Агенты ОГПУ составили обширный архив заявлений, сделанных членами советской интеллигенции, выражавших недовольство в связи с невыполненными обещаниями нового порядка. Основными претензиями были ложность политики коренизации, русский шовинизм и экономическая политика партии, превратившая Узбекистан в сырьевой придаток. Но наиболее компрометирующими заявлениями были те, которые ставили под сомнение статус Узбекистана в советском государстве. Партийные власти приняли это достаточно серьезно и осудили такие заявления на партийных собраниях. Иногда эта проблема даже всплывала на страни-

цах партийной печати. Это было далеко за пределами критики колонизаторства, которая процветала в 1920 – 1922 гг., и было очень близко к идеям, высказанным *джадидами* или узбекской эмиграцией за границей. Все это вызвало глубокое недоверие ОГПУ и партийных верхов к узбекским членам партии и узбекской советской интеллигенции. В 1929 г. недоверие вырвалось в полномасштабную чистку национальной интеллигенции по всей партийной и административной линии.

11-я глава «The Assault» («Нападение») состоит из предисловия и 3-х разделов.

В предисловии говорится, что открытие «идеологического фронта» сопровождалось полномасштабной атакой на все формы «отсталости», которые в период с 1927 по 1932 гг. преобразовали культурную и политическую жизнь Средней Азии. Преследование старой интеллигенции шло рука об руку с быстрой отменой мусульманского образования и исламских судов, окончательной конфискацией вакфного имущества, закрытием мечетей и святилищ, а также кампанией по борьбе с вуалированием, все это началось в 1927 г. Название, которое было выбрано для кампании открытия лиц, *хужум* («нападение»), охватывало чувство отношения партии к своим врагам и своей собственной миссии. Прежде всего, эти годы наложили партийный контроль над *смыслом* культурной революции, а также методами ее реализации. Другие видения культуры, современности потеряли свою легитимность. Эти кампании были частью пан-советских разработок, а в Средней Азии они еще были связаны с окончательной реализацией того, что партия стала достаточно сильной, чтобы взять на себя эти вызовы. Нападение на *джадидов* сопровождалось попытками ужесточения контроля над всеми формами культурного производства. Был повышенный интерес к обеспечению идеологической чистоты всех «деятелей культуры», будь то в прессе или в образовании, ибо только тогда массовая работа могла быть успешной. Образование на всех уровнях было под пристальным вниманием. Школы должны были быть советизированы, обеспечена политическая надежность учителей. В период после 1926 г. также наблюдалась эскалация в риторике против ислама. Хотя после революции в прессе анти-

клерикализм был одним из основных продуктов, теперь в Узбекистан прибыл полномасштабный «научный атеизм». Для партии победа над ее «классовыми врагами» переплеталась с преодолением отсталости, на что были направлены кампании 1927 – 1929 гг. Наряду с повсеместной неграмотностью, наиболее очевидными символами отсталости были «религиозный фанатизм», изоляция и вуалирование женщин. Все эти явления были яростно атакованы. Эти кампании вылились в коллективизацию, революцию сверху, которая с 1929 г. видоизменила экономическую жизнь в сельской местности. Кампании были более успешными в разрушении старого, чем в построении нового, но о том, что Узбекистан был радикально реорганизован в этом процессе, не могло быть и речи.

В 1-м разделе «The Attack on Islamic Institutions» («Атака на исламские институты») речь идет о закрытии *мактабов*, *мадраса*, шариатских администраций и казийских судов, а также травле против *улемов*. Через 10 лет после революции, по официальным оценкам, только 20,7 % детей в возрасте от 8 до 11 лет были в школе, и большинство школ, которые они посещали, не были советскими. В 1926 г. совместная комиссия комиссариатов образования и юстиции обсудила судьбу старометодных школ (*мактаб*), которых в Узбекистане было более тысячи, с 35 тыс. учеников. В июне 1927 г. партия решилась на радикальный курс и начала закрывать старые школы. Комиссии, составленные из 3-х членов из числа местных жителей, закрывали старые школы и конфисковали их имущества. Упразднение *мактабов* не сопровождалось достаточным ростом численности или потенциала советских школ, чтобы поглотить 35 тыс. воспитанников *мактабов*. Партия-государство была больше заинтересована в уничтожении «пережитков прошлого», чем в построении будущего. С *мадраса* была совсем другая история. Они сильно пострадали в годы, приведшие к открытию идеологического фронта, так что в 1927 г. уже не было никаких оснований для их дальнейшего существования. Муниципальные власти одобрили использование санитарных правил для объявления зданий непригодными для использования. В течение 1927-28 учебного года несколько *мадраса* еще фунционировали, выполняя санитарные требова-

ния, предъявляемые к ним советскими властями, но к концу 1928 г. и они были закрыты. Их здания начали сносить, а стройматериалы использовать для строительства новых школ. Закрытие *мадраса* означало конец давней традиции исламского образования в Средней Азии, а также учреждений, которые определили определенное понимание ислама в регионе и за его пределами в течение многих столетий. Теперь бремя подозрений пало на шариатские администрации. ОГПУ и партия были насторожены тем, что шариатские администрации приняли свою общественную роль слишком серьезно, и использовали свои полномочия в качестве посредника между правительством и мусульманским населением. К концу года были отменены шариатские администрации и суды *казиев*. Кампания против исламских институтов сопровождалась ожесточенной словесной атакой против *улемов*. Теперь прогрессивные *улемы* были *более* опасны, чем консерваторы, потому что они поняли настоящее и были лучше организованы. Партия разработала план, чтобы подорвать их авторитет, используя различные явные и скрытые способы. Антиклерикализм перерос в атеистическую пропаганду. В ноябре 1928 г. состоялся 1-й Узбекистанский съезд безбожников, органом которого был узбекоязычный журнал «Худосизлар» (Безбожники). В нем публиковались многочисленные переводы с русского языка, представившие теоретические аргументы в пользу атеизма на узбекском языке. Эта безбожная литература предложила научные доказательства для абсурдности или вредности исламских ритуалов, таких как пост, омовение, и обрезание, и стремилась вычеркнуть всю сакральность с ислама, предоставляя исторический очерк возникновения религии. '*Улама*' теперь стали изображаться как инструменты в руках буржуазии (*бойлар*), и в качестве партнеров *басмачамей*. ОГПУ пустило слухи, что после закрытия *мадраса*, все *улемы* будут арестованы. В результате, многие из них ушли в подполье.

Во 2-м разделе «Closing Mosques and Shrines» («Закрытие мечетей и святых мест») речь идет о кампании закрытия и разрушения мечетей и святых мест (*мазор*), которая была гораздо более радикальной и навязчивой, чем кампания закрытия казийских судов и конфискации вакфного имущества. Но в отличие

от них, закрытие мечетей и *мазоров* исходило не от центральной власти, а проводилось «снизу» дюжими энтузиастами из комсомола, партии и местных исполкомов, часто против желания партийной иерархии. В кампании против мечетей и святилищ руководство партии и ОГПУ были на втором плане. Инициативу на себя взяли местные активисты, чтобы отстаивать свои революционные полномочия, из страха перед еще более серьезными последствиями, или для осуществления власти над своими соседями. Мечети закрывались решениями партийных и комсомольских ячеек, сельсоветов, собраний бедных, или просто без какого-либо решения вообще. Такая ситуация продолжалась с начала 1927 до конца 1928 гг. Чтобы набрать нужное количество голосов на собраниях активисты запугивали отказавшихся подписывать людей изгнанием из *кишлака* или арестом. Во многих местах работающим крестьянам запрещали совершать *намоз*. Здания мечетей превращались в клубы, красные *чайханы*, читальные залы, школы, склады и конюшни. Таким же образом проходило закрытие святых мест и *мазоров*, где люди совершали паломничество. Активисты оскверняли старые кладбища, разрушали *мазоры*, преследовали *шейхов*, *имамов*, *ходжей* и *муэдзинов*. Такие надругательства часто вызывали гнев и насилие среди населения, которое приводили власти в замешательство. Некоторые акты кончались кровопролитными столкновениями между активистами, подкрепленными полицией, и местным населением. Одно из них привело к гибели известного *джадида* Хамзы Хакимзода Ниёзи, которого толпа насмерть забила камнями. К весне 1929 г. партия стала опасаться таких скандалов и протестов, которые провоцировали эти акты. Коммунистическая фракция в УзЦИК разослала всем исполкомам циркуляр, напомнив им о недопустимости несанкционированного закрытия мечетей. Такая ситуация в те годы была достаточно обычным явлением. Кампании были инициированы партией, но проводились вне ее контроля беззаконными действиями руками увлеченных активистов. В целом эти кампании привели больше к разрушениям, чем к строительству. Но они мобилизовали людей в советский порядок и сделали их советскими гражданами. Кам-

пания против ислама в Узбекистане, в этом смысле, была вполне нормальной для Советского Союза конца 1920-х гг.

В 3-м разделе «Unveiling as Liberation» («Открытие лиц как освобождение») речь идет о сущности и движущих силах кампании по открытию лиц мусульманских женщин. Летом 1926 г. Женотдел подключился к идеологическому фронту и выступил за наращивание работы среди женщин в Узбекистане. Целью стало положить конец женскому затворничеству путем привлечения их в производительный труд. Конференция работников Женотдела в октябре решила принять слово *хужум* (нападение) в качестве лозунга кампании по борьбе с покрывалом и домашним затворничеством женщин. Кампания началась с большой помпезностью в международный женский день 8 марта 1927 г., когда в сотнях митингов, сопровождавшихся революционной поэзией и пламенным красноречием, в старых городах Ташкента, Самарканда, Коканда и Андижана, тысячи женщин бросили свои *паранжи* и *чачвоны* на костры и объявили о своем вступлении в «новую жизнь». В следующие месяцы такие митинги повторялись по всему Узбекистану. По мере продолжения кампании, бремя пало на членов партии мужского пола, которые несли особую нагрузку, поскольку должны были служить примером и раскрыть лица своих жен и сестер. В других случаях открытие лиц проходило путем агитации, пропаганды и запугивания. В отличие от других кампаний этого периода, *хужум* произвел массовую, бурную негативную реакцию. Большинство женщин не хотели открывать лица, либо потому, что их чувство скромности сделало это действие немыслимым, или потому, что они не хотели социального и нравственного посрамления. Для большинства мужчин, нападение на *паранжи* было нападением на их чувство гендерного морального порядка. Многие люди, мужчины и женщины, принимали участие в *хужуме* с уклонением или притворством. В разных местах мужчины протестовали, в мечетях и на улицах. Но реальная цена за *хужум* была оплачена женщинами, открывшими лица. Вскоре после запуска кампании *хужум* открывшие лица женщины стали мишенью ужасающего насилия. Они подвергались нападению словесно, назывались проститутками; на них плевали и преследовали в общест-

венных местах, избивали, насиловали и убивали. В течение 3-х лет кампании были зарегистрированы сотни смертей и еще больше изнасилований и травм. В результате многие из открывших лица женщин из-за отчаянного страха вновь завуалировались. Женсовет выступил в защиту женщин открывших лица и потребовал наказать виновных в их убийствах. В октябре 1928 г. государство определило убийство женщин открывших лиц террористическим актом. Советское государство представило себя в качестве защитника женщин открывших лица и покровителем новой жизни. Кампания *хужум* проходила в контексте идеологического фронта. Большую часть работы сделали узбеки, которых неизменно сопровождали европейцы. Опыт кампании против мечетей и святилищ является свидетельством того, что участвовавшие в ней коренные кадры включали не только тех, кто боялся конфронтации. Будь то из революционного энтузиазма или как упражнение в своей собственной власти, многие из них не имели никакого раскаяния в посягательствах на своих соседей, обычаи и традиции своего общества. В местном обществе были силы, солидарные с переворотом, охватившем его в течение более 10 лет.

12-я глава «Toward a Soviet Order» («На пути к советскому порядку») состоит из предисловия и 6 разделов.

В предисловии говорится о том, что убийство Хамзы толпой фанатиков превратило его в мученика и обеспечило ему репутацию как революционного и литературного гиганта, чего он не вполне заслуживал. Через несколько недель после его смерти с новой силой началась кампания против «старых интеллектуалов» и завершилась в следующем году крупной чисткой интеллигенции Узбекистана. Если бы Хамза был жив, он вполне мог быть среди пострадавших. 1929 г. был поворотным моментом, принесшим значительные изменения в Советском Союзе в целом, так как партия запустила новую революцию, на этот раз сверху, чтобы изменить форму революционного государства. В ноябре, когда Сталин объявил 1929 г. «годом великого перелома», эпоха 1920-х гг. с ее возможностями и постоянными переменами была закончена. В Узбекистане эта трансформация имела определенные локальные особенности. Через несколько меся-

цев после убийства Хамзы, Таджикистан был повышен до статуса союзной республики, на одном уровне с Узбекистаном. Оседлое мусульманское население Средней Азии было разделено по этническому признаку и официально оформлено в виде двух разных народов. Национальный принцип восторжествовал под эгидой Советского Союза. Но национальный принцип также имел советские пределы. В период конца 1929 – нач. 1931 гг. была проведена чистка национальной интеллигенции Узбекистана, оставившая на своем пути полосу разрушения. Это означало конец культурной революции прошлого десятилетия, поскольку она преобразовала культурное поле, каким оно существовало на протяжении большей части 1920-х гг. и изменила параметры культурного производства. В сочетании с уничтожением исламских институтов эта чистка означала, что в Средней Азии осталось несколько альтернатив советской власти. К 1931 г. Средняя Азия была существенно преобразована. Эта последняя глава подводит итоги этих процессов.

В 1-м разделе «The Destruction of Alternatives» («Разрушение альтернатив») речь идет о кампании коллективизации, начавшейся осенью 1929 г. по всему Советскому Союзу. Целью этой новой кампании было подчинить сельскую местность и расширить контроль государства в сельском хозяйстве, что произвело много насилия. Радикальная попытка коллективизировать сельхозугодия и скота вызвала «террористические акты» со стороны *баев* и *лишенцев*, направленные на батраков и бедных крестьян, а также представителей советской власти. Недовольство часто превращалось в вооруженное подполье в сельской местности, для которых ОГПУ воскресило термин *басмачи.* За годы коллективизации происходил массовый исход кочевников и крестьян в китайский Туркестан, Афганистан и Иран. Вернулся голод, хлеб исчез из магазинов. Через несколько лет мира Средняя Азия снова была в смятении. Коллективизация изменила облик региона коренным образом. Коллективизация внесла свой непосредственный вклад в закрепление монокультуры хлопка в регионе. Одной из основных целей первого пятилетнего плана была «хлопковая независимость», Средняя Азия должна была обеспечить советское государство как можно большим количеством

хлопка. Хлопок стал доминировать над всеми проблемами политики и культуры в Узбекистане. Для центра Средазбюро и КПУз стали агентами закупающими хлопок. К середине десятилетия, хлопковая коробочка было твердо установлена в качестве символа республики и ее главного маркера идентификации. Хлопок был свидетельством того, что советское государство покорило Среднюю Азию своим контролем. В 1931 г. Средняя Азия была совсем другим местом, чем она была в 1917 г. В то же время ОГПУ и партия продолжали бояться злонамеренного влияния эмигрантов и иностранных разведывательных служб. Но эмиграция Средней Азии был очень маленькой и без экономических ресурсов или политического влияния. Мустафа Чокай обосновался в селе Ножан-сюр-Марн под Парижем, откуда он вел одиночную кампанию, чтобы сохранить в Европе память о Туркестане. Он читал лекции и широко опубликовался, но его влияние было ограниченным. Первоначально он публиковался в русской эмигрантской прессе, а с 1929 г. начал издавать «Ёш Туркистон» (Молодой Туркестан). Еще одним центром эмигрантов был Стамбул, где с 1927 г. издавался «Ени Туркистан» (Новый Туркестан) под редакцией Усмона Хожа оглы (Kocaoğlu). Вскоре возникли неизбежные в любом эмигрантском обществе разногласия, поставив Чокая против Кожаоглу и Тогана. Туркистон Миллий Бирлиги (ТМБ), организация, основанная в Бухаре в 1921 г., по-прежнему существовала в эмиграции, но не имела каких-либо связей со Средней Азией. Средняя Азия утратила интерес большинства иностранных держав и к 1931 г. была предана забвению.

Во 2-м разделе «The Disaggregation of Uzbeks and Tajiks» («Разобщение узбеков и таджиков») речь идет о процессе отделения Таджикистана от Узбекистана и возвышения его статуса до союзной республики, что ознаменовало окончательное концептуальное разделение городского мусульманского населения Средней Азии на две различные национальности. В мае 1929 г. правительство Таджикистана официально подало заявку на отделение от Узбекистана и объединение с ним таджикского населения Республики Узбекистан. Потребность была основана на том, что узбекские власти насильственно узбекизировали тад-

жикское население Узбекистана: узбекские власти отказались создать таджикские школы, вынуждали таджиков говорить по-узбекски, и зарегистрировали таджиков как узбеков в переписи 1926 г. Петиция также провела прямую линию от панисламизма и пантюркизма революционных лет к «узбекскому шовинизму» настоящего, между джадидизмом и узбекским национализмом. Таджикская сторона претендовала на города Бухару, Самарканд, Худжанд, их окрестности, а также округ Сурхандарьи. Используя аргументы Бартольда, таджикская сторона утверждала мантию первоначального иранского населения региона», которое позже стало называться таджиками». Комиссия обратилась к экспертам за консультацией и собрала большое количество материала из Академии наук, ни один из которых не оказался решающим. В конце концов, комиссия основала свое решение по политическим, а не этнографическим, соображениям. Требования таджиков о присоединении Самарканда, Бухары, и Сурхондарьи были отклонены. Возвышение Таджикистана в статус союзной республики требовало наличия городского центра. Поэтому Худжанд был присоединен к Таджикистану. Аннексия была неудобной, так как район был отделен от остальной части Таджикистана труднопреодолимыми горами. Но Худжанд имел лучше развитую партийную организацию, доминировавшую в республике на протяжении большей части периода после 2-й мировой войны. Разобщение оседлых мусульман Туркестана на узбеков и таджиков имеет параллели во многих частях мира в первой пол. XX в. Этнизация и последующее расслоение населения было обычным явлением на обширной территории Европы и Азии. Процесс проводился как национальными движениями, так и государствами, и во многих местах приводил к гомогенизации населения. В этой связи опыт Средней Азии при советской власти был удручающе нормальным. Идея, что узбеки и таджики были двумя разными народами, разделенными существенной этнической разницей, одержала победу. Национальный принцип теперь сделал возможным представить оседлое мусульманское население Средней Азии состоящим из двух отдельных элементов, говорящих на разных языках и принадлежащих к различным расовым группам. Это был триумф идеи нации, про-

веденной сочетанием коренных энтузиазмов и советских институциональных механизмов.

В 3-м разделе «The First Purge and the Transformation of the Cultural Field» («Первая чистка и преобразование культурного поля») речь идет о первой волне репрессий против узбекской советской интеллигенции в 1929 – 1931 гг. Через 6 недель после убийства Хамзы, «Правда Востока», русскоязычный орган ЦК КПУз, опубликовала уничтожающее разоблачение национализма и контрреволюции в рядах интеллигенции Узбекистана. Статья, названная «Лай цепных собак кокандского хана» была, якобы, частью журналистского расследования, которое стремилось выявить нарушения в Узбекском Госиздате (Узгиз или Уздавнашр), но за финансовыми нарушениями оно нашло национализм, пантюркизм и исламскую реакцию, закрепившуюся в учреждении. Оказалось, что национализм, был самым опасным грехом для национальных кадров и самой большой опасностью, которую партия и ОГПУ видели в Узбекистане. Осенью 1929 г. ОГПУ перешло к действию. Аресты начались 6 ноября 1929 г., когда агенты ОГПУ арестовали предполагаемых членов Комитета национальной независимости, якобы «контрреволюционной организации национальной буржуазии», которая стремилась к независимости Узбекистана. Это ознаменовало окончательный арест Мунаввар кори, находившегося под наблюдением в течение длительного времени. Также были арестованы Убайдулла Ходжаев, Салимхон Тиллахонов, Саид Ахрори и Абдувахоб Муроди. Далее ОГПУ раскрыло «Национальный комитет» (Миллий қўмита) в Намангане. В январе 1930 г. аресты достигли офисов кокандской газеты «Янги Фарғона» (Новая Фергана), где Хамза был одним из авторов. Несколько членов персонала начали собираться с другими местными интеллектуалами в очередной *гап* в ноябре 1929 г. ОГПУ увидел в *гапе* секретную контрреволюционную организацию под названием «Ботир гапчилар». *Гап* собирал старых *джадидов* с членами партии и студентов в советских учреждениях. Наиболее видным членом был Ашурали Зохири, старый *джадид*, который не работал на газету до 1928 г., а теперь характеризовался как «активный участник Кокандского правительства (1917 – 1918 гг.)». Все они были

арестованы. В феврале 1930 г. руководитель главного суда Республики Узбекистан Са'дулла Касымов был арестован и предан суду по обвинению в коррупции, который очень быстро стал политическим, так как прокуратура обнаружила в его мотивах не просто коррупцию, а тщательный националистический заговор. Мало того, что Касымов был в сговоре с *баями* и духовенством, но и с пантюркистской организацией в Ташкенте, которая насчитывала в своих рядах многих учителей и возглавлялась никем иным, как Мунаввар кори. В июне 1930 г. Касымов был приговорен к смерти. Через две недели главный свидетель обвинения Обид Саидов умер от отравления. ОГПУ начало расследование, которое очень быстро привело к контрреволюционной националистической организации. Первым был арестован брат Саидова Носир, который сказал ОГПУ, что убийство было приказано никем иным, как самим Боту, кото- рый был членом тайной националистической организации под названием «Миллий истиқлол» (Национальная независимость). Целью этой организации было «достижение независимости Узбекистана в виде отдельной буржуазно-демократической республики. Дальнейшие аресты дали больше признательных показаний. Оказалось, что сотрудники Наркомпроса Узбекистана провели очередной *гап,* который привел к созданию контрреволюционной организации под названием «Ғайратлилар уюшмаси» (Союз энтузиастов), которая функционировала в качестве ячейки низового уровня «Миллий истиклол». Боту был арестован 23 июля 1930 г., после чего последовала серия других – Маннон Ромиз, Боис Кориев (Олтой, поэт футурист), Камчибек, и многие другие молодые интеллектуалы, которые в предыдущие годы с энтузиазмом осуждали своих старейшин. Это был первый удар, нанесенный *советской* интеллигенции Узбекистана. Аресты не выходили за пределы Наркомпроса, тем не менее, несомненно, что в нач. 1931 г. узбекская культурная жизнь была потрясена до основания.

В 4-м разделе «Uzbek Culture in the 1930s» («Узбекская культура в 1930-е гг.») речь идет о чистках и репрессиях среди узбекской интеллигенции, трансформировавших параметры культурного поля, существовавшего в 1920-е гг. В течение 1931 г. в

прессе появились яростные атаки на «чагатаизм», который был фактически изгнан из нового литературного пейзажа, возникшего после чистки 1929 – 1930 гг. Преобразования 1929 – 1932 гг., когда партия-государство установила «пролетарский» контроль над учреждениями культуры и образования, известны в научной литературе как культурная революция. В этот период узбекская интеллигенция поплатилась расцветом новых форм культурного самовыражения, экспериментирования, и автономии, характерные для 1920-х гг. Однако, этот процесс не был просто результатом вмешательства центра. Новая форма советской власти была укомплектована коренными кадрами, трудившимися под гораздо более строгим надзором в учреждениях с высокой степенью централизации. В апреле 1932 г. Средазбюро, следуя решениям Всесоюзного ЦК, создало Союзы писателей в каждой республике, находящейся под его контролем и решило обеспечить большую роль руководству партии в «литературном движении». Чистку в Наркомпросе открыл период беспрекословного послушания, который ранее был бы немыслим. Передовой целью советской узбекской интеллигенции стало создание пролетарской узбекской литературы, так как узбекский пролетариат не проявлял никаких признаков появления. После 1934 г., когда социалистический реализм был провозглашен обязательным методом написания художественной литературы, возможности выражения значительно сократились. И все же в 1929 – 1930 гг. основные джадидские фигуры, Фитрат, Чулпон, Кодири, Элбек, избежали ареста. В определенной степени это объясняется развитием политической защиты, обеспеченной им Файзуллой Ходжаевым. Однако они были вынуждены молчать под непрестанный барабанный бой их поношения. Преобладающий тон 1930-х гг. состоял из выражения постоянной и беспредельной благодарности партии и самому Сталину за дар культуры и освобождения, которыми они наделили Узбекистан. Это происходило в сочетании с осуждением работ, не соответствовавших установленным параметрам, в рамках которых авторы были вынуждены принимать идеологически правильные позиции, чтобы обойти друг друга, и осуждать тех, кого они считали идеологически неправильными. Результат был, как и везде в Советском

Союзе, культура неопределенности, в которой доносы стали способом отстаивания лояльности и принадлежности. После 1932 г. вступление в Союз писателей стало обязательным для всех публикующихся авторов Членство имело свои преимущества – показывая готовность служить советскому строю, писатели могли надеяться на то, что будут опубликованы или, по крайней мере, оставлены в покое. Труднее всего было *джадидам*. Защита политических лидеров имела свои пределы, и они не могли ничего поделать с общим настроением того периода, которое было крайне враждебно по отношению к *джадидам* и их национализму. Молодые писатели прибегали к обману и ухищрениям, чтобы отстоять свои полномочия, критикуя своих старейшин. Литературная критика (или то, что от нее осталось) десятилетия полна обличениями буржуазного национализма, что привело к чернению узбекской литературы в 1920-е гг. Многие из критиков были молодыми *маданиятчи*, такие как Зиё Саид, Хамид Олимжон и Олим Шарафиддинов, которые имел особую неприязнь к *джадидам* и написали в эти годы много критических оценок «буржуазной узбекской литературы».

В 5-м разделе «The End» («Конец») речь идет о массовых репрессиях узбекской интеллигенции в 1937 – 1938 гг., получивших известность как Большой террор. В июле 1937 г. после 7-го съезда КПУз были арестованы Файзулла Ходжаев и Акмал Икромов, обвиненные в том что, были причастны к «блоку правых и троцкистов», стремившихся расчленить Советский Союз по поручению спецслужб иностранных государств. Более конкретно, Ходжаев и Икромов обвинялись в принадлежности к «Миллий иттиҳод», целью которого было отделить Узбекистан от Советского государства и сделать его британским протекторатом. Они были казнены 15 марта 1938 г. За этим последовали массовые аресты среди интеллигенции Узбекистана. 13 июля 1937 г. был арестован Чулпон, а 9 дней спустя Фитрат. Кодири оставался на свободе до конца 1937 г., когда он тоже был увезен. В последующие месяцы, тюрьмы были переполнены большим числом писателей и историков (а также партийных и советских деятелей). Обвинения были столь же фантастичны, как и против Ходжаева и Икромова. Фитрат «признался», что был

ведущей фигурой в «Миллий иттиҳод», в которую он был принят Файзуллой Ходжаевым и где стал ведущим «идеологом буржуазного национализма и пантюркизма». Наряду с Ходжаевым, Мунаввар кори, а также множеством других, он организовал *басмачей* вести вооруженную борьбу против советской власти с целью создания независимого, буржуазно-националистического государства в Средней Азии. Кодири обвинялся в том, что является членом контрреволюционной организации, сотрудничающей с троцкистами, проводил антисоветскую работу в прессе, а также имел прямые отношения с Ходжаевым и Икромовым. Боту был отозван из Соловецких островов в 1937 г. только, чтобы показаться в Москве и был расстрелян. Турар Рыскулов и Назир Туракулов также были арестованы в 1937 г. и расстреляны в 1938 г. В ночь с 4 на 5 октября 1938 г. была совершена казнь двух поколений узбекской интеллигенции, от *джадидов* активных до 1917 г. до преданных сыновей советского строя. Некоторые умерли в лагерях и тюрьмах. Многие пережили репрессии, но провели много лет в принудительных трудовых лагерях и политической опале. Обезглавливание узбекской интеллигенции полностью изменило поведение тех, кто выжил. Как среди политической элиты, так и интеллигенции, ответ был один – беспрекословное послушание. Новым первым секретарем КПУз был назначен Усмон Юсупов, а новым главой Союза писателей Хамид Олимжон. Для оставшихся в живых, была поставлена задача реорганизовать и сохранить то, что еще не было потеряно. Одной из ключевых особенностей этой реконструкции литературного учреждения было введение полной амнезии о прошлом, особенно о первом десятилетии советской власти. Единственной крупной фигурой из дореволюционного периода, не затронутой репрессиями, был Айни, который был таджиком, жившим в Узбекистане, и, следовательно, не был замешан в национализме или пантюркизме.

В 6-м разделе «Coda» («Кода») речь идет о начавшихся преобразованиях в узбекском обществе через 2 года после Большого террора. В 1941 г. 500 летие со дня рождения Алишера Навои было запланировано на Всесоюзном уровне. В связи с этим юбилеем специальный комитет Совнаркома Узбекистана зака-

зал русскому историку и востоковеду А.Ю.Якубовскому подготовить работу по истории узбекского народа. Полученная брошюра, «К вопросу об этногенезе узбекского народа», была опубликована только на русском языке, но вскоре стала основным текстом узбекской национальной идентичности. В ней Якубовский выступал против «точки зрения, не искорененной до наших дней, что узбекский народ получил все свое существование от узбекских кочевников, которые стали появляться в Средней Азии в XV в. и завоевали ее под руководством Шайбани-хана лишь в нач. XVI в. «Вместо этого, Якубовский выложил гораздо большее родословие узбеков: «кочевые узбеки» вошли в состав узбекского народа только как последний основной ингредиент. Его основу составляли не кочевники, а все тюркское население Узбекистана, которое формировалось здесь в течение многих веков в сложном процессе этногенеза». То же самое относится к культуре и языку. «Это чрезвычайно характерно, что вновь прибывшие кочевые узбеки приняли в литературе язык, доминировавший среди тюрков Трансоксианы и который назывался чагатайским… Филология и лингвис- тика также дают нам ту же самую непрерывную линию развития, которая проходит от языка Ходжи Ахмада Ясави через язык Лутфи и Алишера Навои к современному узбекскому литературному языку». Фитрат бы от всей души согласился, если бы к тому времени не лежал в безымянной могиле. Это был чагатаистский взгляд на историю Средней Азии, одетый в одеяние этногенеза, концепция только тогда начавшая свой подъем к научной и политической приемлемости. Существенные преобразования в национальной политике в 1930-х гг. потребовали, чтобы все советские народы обладали стабильной историей, хорошо установленными требованиями к их территории, и древними культурными пантеонами. Пролетарские энтузиазмы 1920-х и нач. 1930-х ушли в прошлое. Помогло также то, что к 1941 г. все дореволюционные действующие лица находились в могилах. Сельская гипертюркская фонетика узбекского литературного языка, принятая в 1929 г., уже в 1934 г. была отвергнута в пользу 6 гласного стандарта без сингармонизма Развивавшийся после этого литературный узбекский язык был гораздо ближе к чагатайскому (который стали называть

«староузбекским»), чем было предусмотрено более радикальными реформаторами конца 1920-х. Видение наследия узбекского языка как охватывавшего все тюркское (и исламское) наследие Средней Азии с чагатайской эпохой как ее венца стало приниматься в качестве официальной ортодоксии. Такие светила чагатайской литературы как Навои, Бобур и Улугбек стали центральными героями узбекского пантеона, и узбекская литература отражала тюркское наследие оседлого населения Средней Азии. 4-х томный сборник, опубликованный в 1959 – 1960 гг. создал литературный канон «классической узбекской литературы», который едва отличался от антологии Фитрата 1927 и 1928 гг., хотя работа Фитрата не могла быть упомянута. Конечно, Темур остался вне поля зрения, но не было никаких сомнений в том, что советский узбекский народ претендовал на чагатайское наследие. Поэтому возрождение Темура в качестве национального символа после распада СССР не удивительно. Конечно, все это было слабым утешением *джадидам*, отдавшим свои жизни за свой энтузиазм во имя нации.

Эпилог (Epilogue) состоит из предисловия и 3-х разделов.

В предисловии говорится, что резня узбекской интеллигенции в октябре 1938 г. ознаменовало уход в прошлое целой эпохи. Движение и возможность 1920-х гг. были развеяны чисткой 1929 – 1931 гг., а казни 1938 г. окончательно положили конец энтузиазму эпохи революции. Были выжившие, но в 1938 г. произошла смена охраны в сферах политики и культуры. Поколение *джадидов* пришло к концу. Что мы должны сделать из своего опыта?

В 1-м разделе «The Fascination of Revolution» («Очарование революции») автор дает оценку деятельности модернистов (*джадидов*) Средней Азии в контексте мирового модернистского движения XX в. *Джадиды* были модернистской элитой, которая, увлекшись понятиями прогресса и современности, стремилась преобразить свое общество. Народ был для них очевидной траекторией солидарности, единственной силой, способной объединить общество, укрепиться, и присоединиться к современному миру наравне с другими странами мира. В XX в. мир был реорганизован многочисленными группами, ведомыми подоб-

ными страстями деколонизации, национального строительства, экономического развития, модернизации и преодоления «отсталости». В Турции или Иране модернистские элиты контролировали (или сотрудничали с) государством и использовали его аппарат в реализации своих планов культурной трансформации. В Средней Азии дореволюционная интеллигенция никогда не могла контролировать государственный аппарат (недолговечная Бухарская Народная Республика была частичным исключением), а вместо этого стала жертвой большевиков, другого рода модернистской элиты. Джадидизм возник в качестве глубинной критики государства среднеазиатского общества, а *джадиды* имели мало пристрастия к вещам, которые были обычными в их обществе. Джадидизм фактически был рядом восстаний – против обычая, против традиции, против власти прошлого, против власти своих старейшин и устоявшихся элит в обществе, против персизированной литературной традиции, против самого ислама. В независимом Узбекистане *джадиды* объявлены национальными героями, которые действовали от имени народа и боролись за свои права против деспотического Советского государства. Однако оценка *джадидов* в качестве национальных героев преуменьшает степень их культурного радикализма и затемняет конфликт внутри среднеазиатского общества. Значительная часть этого культурного радикализма перенесла чувства отчаяния после того, как закончилась Вторая мировая война с полным поражением Османской империи, последнего оставшегося суверенного мусульманского государства. В то же время русская революция давала надежду и возможные ответы. Русская революция явилась для многих в колониальном мире (в пределах и вне Российской империи) как антиколониальный момент, который мог подорвать мировой имперский порядок. В этом заключалась привлекательность русской революции для многих колониальных интеллектуалов. Цивилизаторская миссия большевиков, их обещание распространения просвещения и прогресса в колониальном мире в некотором виде просуществовали до конца советского периода. Однако в отличие от более поздних социализмов 3-го мира джадидизм существовал в Советском государстве, подчинялся его политике и имел гораздо меньше места для иде-

ологического инакомыслия. Склонность *джадидов* видеть революцию через призму антиколониального национального освобождения, получила неприятие партии. И все-таки 1920-е гг. в Средней Азии нельзя объяснить без признания увлекательности, что идея революции как модальность изменения увлекла мусульманскую интеллигенцию. Нация, революция и антиколониализм прекрасно вписывались вместе с программой культурной трансформации в стремлении к современности и прогрессу.

Во 2-м разделе «The Fate of the Cultural Revolution» («Судьба культурной революции») речь идет о том, к чему в итоге привела культурная революция 20-х и 30-х гг. Сегодня эта эпоха революционных увлечений очень далека. Культурная закваска 1920-х гг. к 1938 г. была уже одомашнена. За последующие десятилетия, многие из ее ключевых особенностей были отменены, и даже память о ней, в основном, исчезла. За некоторыми исключениями (например, романы Абдуллы Кодири) литература 1920-х гг. редко переиздавалась, театр был забыт. В 1940 г. латинский алфавит был заменен кириллицей. В отличие от латинизации, которая была основана на увлечении культурной трансформацией и широко обсуждалась, переход к кириллице был назначен сверху и реализован без каких-либо дискуссий. Новые истории региона передавали триумфальное шествие советской власти, в котором русский пролетариат вел все братские народы СССР к социализму. В этом повествовании не было места ни для кровавого конфликта между русскими переселенцами и коренным населением, ни для антиколониальных страстей предреволюционной интеллигенции. Культурные особенности, начавшие появляться в 1930-х гг., по форме и содержанию соответствовали требованиям, продиктованным культурными бюрократами из Москвы. Модели все были советскими, а более конкретно русскими, так же как и доступ к современности и мировой цивилизации был возможным только через русский язык. Хлопок никогда не уходил с поля зрения, к тому же, и Узбекистан и Таджикистан сохраняли очень высокий уровень сельского населения. Двойное общество выжило в советских условиях с европейцами, доминирующими в техническом секторе и городских пространствах. Тем не менее, советская цель всеобщего народного

образования сбылась, и в конечном итоге получила почти всеобщую грамотность. Вторая мировая война наконец-то интегрировала Среднюю Азию в Советское государство, так как мужчины Средней Азии воевали на войне в качестве гражданской срочной службы. В последующие десятилетия общая практика и ритуалы гражданства сделали среднеазиатов полностью советскими. Именно в этих условиях узбекская культура, в ее выразительных формах, а также обычаях и практике, развивалась в XX в. Как и все культуры, она испытала сильное влияние социально-экономических и политических условий, в которых она формировалась. Все культуры формируются под воздействием целого ряда сил – государственной политики, рынков, проектов интеллигенции, инакомыслия, оспаривания – и они никогда не стабильны. Все они были трансформированы силами современности. Советский случай имел свои особенности, такие как отсутствие рынка и преобладающего присутствия государства, вносящего вклад в формирование этно-национальной идентичности своих граждан, хотя и на своих собственных условиях. Узбекская культура в исследуемый здесь период вся была в постоянном изменении, соперничавшей изнутри и формирующейся и видоизменяющейся извне. О подлинности просто не могло быть и речи.

В 3-м разделе «Uzbeks and Tajiks in the Twenty-First Century» («Узбеки и таджики в XXI веке») речь идет о дальнейшем процессе формирования узбекской и таджикской наций. Наиболее важным наследием джадидизма является идея нации, которая в нач. XX в. была главной страстью мусульманской интеллигенции Средней Азии. Советы также по-своему были строителями наций. Национальный проект *джадидов* о создании узбекского народа в чагатаистском ключе имел успех в советских условиях. Но триумф чагатаистского проекта был лишь частичным. Этот проект предусматривал ассимиляцию персоязычного населения в узбекстве. Однако многие носители персидского языка дезертировали из чагатаистского проекта и сформировали все более настойчивую таджикскую противоположность. Отделение Таджикистана от Узбекистана и его возвышение до уровня союзной республики в 1929 г. санкционировало понятие узбеков и тад-

жиков в качестве двух совершенно разных народов. В 1940-е гг. также появилась концепция этногенеза, постановившая, что каждая нация имеет свой собственный уникальный этнический состав, кристаллизовавшийся на протяжении всей истории. Согласно советской национальной политике, народы СССР были переплетены большой дружбой, русские были старшими братьями всех советских народов, и русское завоевание оказалось полезным для его жертв. Это означало, что колониальное прошлое не могло быть вызвано и обиды против русских следовало держать при себе. Далекое прошлое, однако, мало осуждалось и стало плодородной почвой для национальных грез. Таджикская национальная история была разработана Б.Гафуровым (1909 – 1977), историком и востоковедом, учившимся в Москве, который также был первым секретарем КПТ, прежде чем в 1956 г. стать директором Института востоковедения АН СССР. В ряде работ он создал историю таджикства, которая охватывала всю историю Средней Азии от появления «родового общества». Для Гафурова «процесс формирования таджикского народа» был завершен в IX – X вв. с достижением национальной государственности под управлением Саманидов. Узбекский народ претендовал на все тюркоязычное культурное наследие Трансоксианы. Каноны узбекской литературы и музыки позднего советского периода мало отличались от того, что было описано Фитратом в 1920-е гг., хотя его имя не могло быть использовано. Таким образом, в 1991 г. Средняя Азия пришла к независимости. После того, как республики Средней Азии объявили себя независимыми, их лидеры без особых усилий заново открыли себя в качестве национальных лидеров. Кристаллизация национальной идентичности в советский период сделала все это слишком легким. Теперь национальная идентичность могла отмечаться без ограничений советской эпохи. Однако, история региона слишком сложна, чтобы ее можно было точно разделить между узбеками и таджиками. Конкурирующие претензии к прошлому столкнулись и породили споры между узбекскими и таджикскими историками, которые, освобожденные от советских ограничений, приняли более жесткие, чем когда-либо формы.

В конце книги приводятся Глоссарий, список первоисточников и указатель.

КОММЕНТАРИЙ
к статье А.Халида «Становление Узбекистана»

Ш.С. Камолиддин

Статья «The Making of Uzbekistan» («Становление Узбекистана») как и вся книга «Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR» («Становление Узбекистана: нация, империя и революция в ранний период СССР») с научной точки зрения представляет большой интерес, особенно, для нас, узбекских исследователей. Владея всеми необходимыми языками (узбекским, персидским, русским), автор имел возможность работать с первоисточниками в архивах Средней Азии, России, а также с их копиями, хранящимися в библиотеках Европы и США, но утерянными в Средней Азии. В результате он смог воссоздать максимально точную картину политической жизни Туркестана накануне и в первое время после прихода к власти большевиков. Будучи независимым и беспристрастным исследователем автор дает истинно научную оценку, происходившим в то время политическим событиям, и открыто говорит о вещах, о которых у нас принято умалчивать по той причине, что любое, даже самое обоснованное заключение, сделанное узбекским исследователем, будет восприниматься оппонентами как предвзятое. Тем не менее, в рассматриваемой статье (главе) есть некоторые моменты, требующие комментариев, как подтверждающих мнение автора, так и дополняющих и уточняющих его.

Так, на с. 4 автор пишет: «Таким образом, Узбекистан, возникший в результате национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г., был не искусственным продуктом советских махинаций, а торжеством национального проекта коренного населения». Далее на с. 45 читаем: «Узбекский народ не является «естественным» явлением, но это не просто дело рук имперского советского режима, стремившего разделить подчи-

ненное ему население, чтобы лучше было покорить его. Скорее всего, в то время он был воображен и построен через сложное взаимодействие интеллектуалов, государственной власти, классификационной системы науки, и многого другого».

Да, все это верно. Но меня здесь смущают слова «воображен и построен». Узбекистан не был воображением интеллектуалов коренного населения, а реально существовал на международной арене до русского завоевания. Узбекистан в качестве названия государства зафиксирован в средневековых письменных источниках. Французский посол, находившийся при дворах Шах-Джахана (1627 – 1658) и Аурангзеба (1658 – 1707) в Дели, под названием «Узбекистан» подразумевал Среднюю Азию, а *ханов* Самарканда и Балха называл «узбекскими татарами» [Бернье 1936: 128, 129]. Русский путешественник И.В.Виткевич, посетивший в 1835 – 1836 гг. Бухару писал: «Кроме собственно бухарцев, в Бухаре много евреев и найти можно жителей целого Узбекистана или Турана (т. е. всей Средней Азии) [Демезон, Виткевич 1833 – 1836: 104]. Английский путешественник К.Риттер писал: «таджики есть и в китайском Туркестане, и в стране узбеков (Uzbek country, т. е. Узбекия или Узбекистан), и во всей Персии [Риттер 1874: 393 – 396]. Другой англичанин А.Борнс писал: «Чтобы ознакомиться с узбеками и жителями Бухары иностранцу стоит только сесть на одну из скамеек Регистана. …Там представятся ему узбеки из всех областей Мавераннахра [Борнс 1848 II: 389 – 390].

О том, что название Узбекистан имело исторические корни, знали и большевики. В 1924 г. один из них писал: «После смерти Чингиз-хана власть его преемника вне Китая, Индо-Китая и Монголии была фиктивной. На севере Туркестана образовалось два новых государства: Могулистан – в северо-западной части и Узбекистан – в западной части» [Вогман 1924: 47]. «Уже к концу владычества Сельджукидов западная часть северного Туркестана, т. е. те же районы, где кочевали юэчжи, токуз-огузы, карлуки и прочие тюркские народы, носит название Узбекистана – по имени узбеков, тюрко-монгольского племени, раскинувшего здесь свои юрты [Вогман 1924: 49]. В.В.Бартольд писал, что «в государстве Золотой Орды имена языческих госуда-

рей были полностью вытеснены именем мусульманина Узбек-хана; народ стал называться узбеками, страна – Узбекистаном [Бартольд 1964: 540].

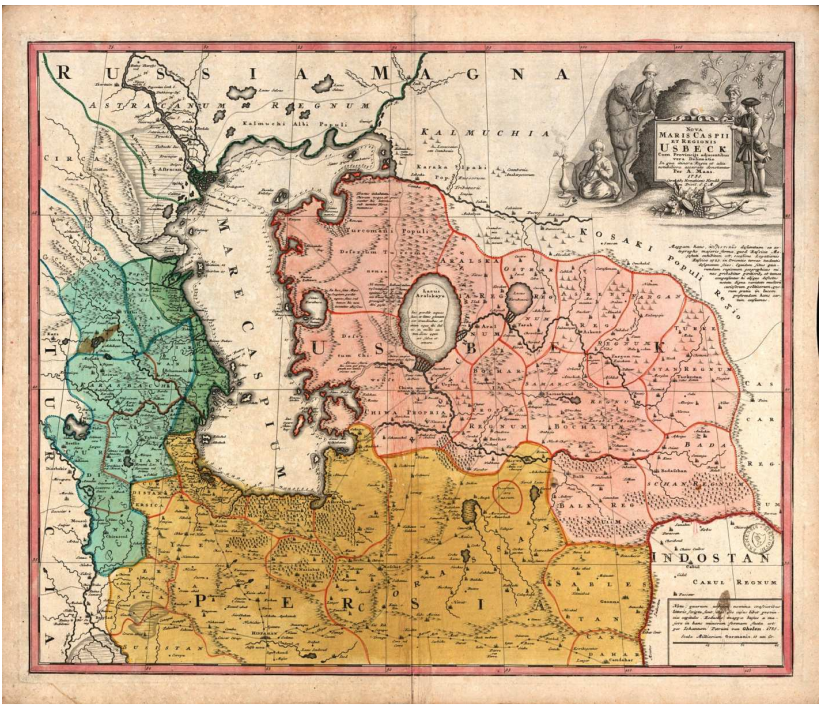
Еще более важным источником для исследований в области этнической истории народов Средней Азии являются исторические карты и глобусы западноевропейского и русского изготовления. В этой связи я хотел бы отметить, что глубоко ошибочным является утверждение, что названия «Узбекистан» и «Узбекия», якобы, были придуманы советами, чтобы сконструировать новую нацию, и не имели исторических корней. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают совершенно иную картину. К настоящему времени в нашей коллекции собраны копии около 200 историко-политических и этнических карт и глобусов, изготовленных в XVI – XVIII вв. в Европе, на которых вся территория Средней Азии обозначена такими названиями, как Usbek (Usbec, Usbeck, Vsbek), Usbekia (Usbechia), а отдельные ее части, как Özbegistan, Usbek Bucharia, Usbek Bochara, Usbek Chowaresmia, Usbek Mawaralnahra, Usbek Turkistan, Usbek Turan, Usbek Tartaria, Usbek Zagatay и т.п. Следует отметить, что все эти названия приводятся не в качестве этнонима, а как топоним, т.е. название политической единицы – государства или страны. Особый интерес представляет «Карта Каспийского моря и страны Узбек» (Nova Maris Kaspii et Regionis Usbeck), опубликованная в 1735 г. в атласе Хоманна в г. Нюремберг на основе рукописной карты датского картографа Абрахама Мааса (1700 – 1735)[177], служившего в свое время в России [Maas 1735][178]. А.Маас в свою очередь скопировал ее с ориги-

[177] Рукописная карта А.Мааса «Новая карта Каспийского моря и страны Узбек» (*Tabula Nova de Mare Caspium et Usbekorum region*) была составлена в 1728 г. в Санкт-Петербурге. Эта карта хранится в отделе рукописей библиотеки РАН в Санкт-Петербурге (№ 3363). Она была опубликована в 1968 г. В Москве и в 1989 г. в Лейпциге [Klemp 1989: 67].

[178] Карта была переиздана в 2004 г. в Лондоне [Nebenzahl 2004: 140]. Подробное описание этой карты см.: Камолиддин, Мукминова 2003: 16 – 26; Kamoliddin 2008: 1207 – 1216; 2012: 9 – 20. Камолиддин 2012: 11 – 26.

нала рукописной русской карты «Карта-Описание Каспийского моря и Узбекской страны», составленной в Санкт-Петербурге неизвестным картографом по случаю отправления в 1723 г. посольства России в восточные страны, и представленной русскому монарху Петру I.

Карта А.Мааса не географическая и не этнографическая, а прежде всего политическая карта, на которой отражены политические границы государств, расположенных в регионе Каспийского моря. Карта А.Мааса представляет собой, с одной стороны, схематическое описание территории расселения *узбеков* в XVI – первой пол. XVIII вв., с другой – территории Средней Азии, подчинявшейся политической власти узбекских ханов, а именно правителей из династии Шайбанидов (XVI в.), или ханов из династии Аштарханидов (XVII – первая пол. XVIII вв.). Название *Usbeck* на карте А.Мааса приводятся не в качестве этнонима, а как топоним, т.е. название политической единицы – государства или страны. На русском оригинале карты А.Мааса эта территория также отмечена как «Узбекская страна». Употребление названия *Usbeck* на карте А.Мааса указывает на то, что в то время это название имело политическое значение, пришедшее вместо названия «Туркистан», под которым подразумевалось государство Темуридов. Топонимы Usbeck, Usbekia и Özbegistan, которые были в употреблении в XVI – XVIII вв., обозначали территорию централизованных государств Шайбанидов и Аштарханидов, распавшуюся впоследствии на несколько узбекских ханств с центрами в Бухаре, Хиве, Коканде и Балхе. Однако, в европейской картографии вся территория Средней Азии продолжала называться страной «Узбек» или «Узбекия», хотя государство Шайбанидов распалось на несколько частей. Однако, вся территория, обозначенная этим названием, не имела единого административного центра, т. е. столицы. Следовательно, датский картограф на своей карте под названием «Узбек» показал земли, подчиненные отдельным узбекским государствам, пришедшим на смену централизованного государства «Узбек». Другими словами на карте А.Мааса отображена не единая политическая единица, территория расселения *узбеков* и земли, подчиненные их власти.

За 400 лет совместного существования дашти-кипчакские узбеки восприняли высокую культуру оседлого тюркоязычного населения Туркестана и значительная часть их ассимилировалась с ним. В результате название Узбекистан стало рассматриваться в качестве преемника и синонима более древнего топонима Туркистан в значении Средней Азии, что подтверждается данными историка и географа из Балха Махмуда ибн Вали (XVII в.), который писал: «Народ Туркистана в каждую эпоху имел особое имя и прозвание. Так, со времени Тура ибн Йафаса до появления Могул-хана жителей этой страны называли *тюрками*. После становления у власти Могул-хана ко всем племенам, обитавшим в этой стране, прилагалось имя *могул*. После поднятия государева знамени Узбек-хана и по сей день жители этой страны именуются *узбеками*. Однако в отдален-

ных странах, как и раньше, всех жителей Турана называют *тюрками*» [Махмуд ибн Вали: 32]. Следовательно, этнотопоним «Узбекистан», так же как и другой такой же этнотопоним «Туркистан», уже в XVI – XVIII вв. имел объединяющее политическое значение для всех родственных народов Средней Азии. В нач. XX в. *джадиды* мечтали возродить именно этот, реально существовавший, а не воображаемый Узбекистан.

Один из разделов главы называется «От Бухары к Узбекистану» (с. 23 – 33). На с. 26 автор пишет, что «ЦК БКП, … утвердил документ, написанный Файзуллой Ходжаевым, в котором он предложил «создание Узбекистана на основе Бухары». В проекте Узбекистана Файзуллы Ходжаева говорилось, что «Бухара будет основой для строительства Узбекской республики. Узбекистан объединит... Бухару, за исключением левого берега Амударьи; Фергану; Сырдарьинскую область, за исключением ее казахских частей; Самаркандскую область; [и] Хорезм, за исключением регионов, населенных туркменами и казахами», т. е. всю территорию населенную оседлым населением Трансоксианы. Эта территория влючала бы также все исторические города региона в одной республике. «С другой стороны», продолжает автор, размежевание означало кончину Бухары как государства и полного включения ее территории в состав СССР. Энтузиазм бухарского правительства в вопросе о своей собственной гибели, несомненно, требует объяснения». В начале главы, на с. 4, автор отмечал, что «В июне 1916 г., в середине 1-й мировой войны, в Лозанне была созвана 3-я Конференция национальностей, чтобы обсудить вопросы самоопределения национальных групп в империях Европы. В последний день некий Мукимуддин Бекжон, студент из Бухары в Стамбуле, выступил от имени чагатайской нации, которая проживала в «ханствах Бухары и Хивы и провинции Туркестан». Его требования заключались в возвращении Бухаре территории, аннексированной Россией во время ее завоевания Трансоксианы в XIX в.». Далее на с. 31 он пишет, что «Узбекистан, как и представлял себе Файзулла Ходжаев, мог рассматриваться также как Большая Бухара. Новая республика предусматривала возвращение исторических потерь,

понесенных Бухарой (при подчинении России в XIX в., и при отделении Коканда в XVIII в.)».

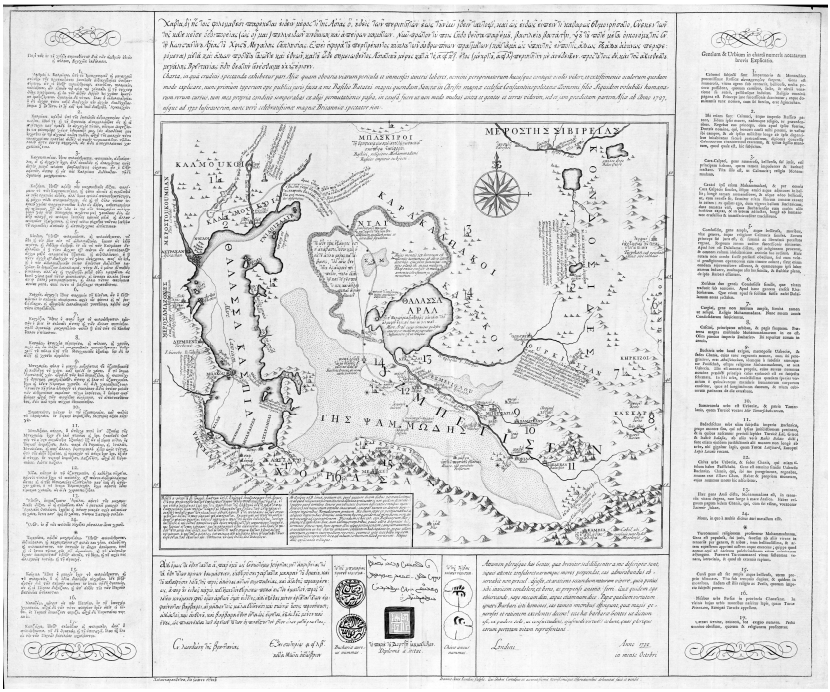
Великолепной иллюстрацией всем этим словам могут служить исторические карты, которых, как я уже отметил выше, очень много. Но в данном случае особую ценность представляет карта греческого путешественника Василио Ватаци (Basilio Batatzi) «Tabula Maris Caspii et Maris Aral» («Карта Каспийского и Аральского морей) (London, 1732), которую он составил во время своего путешествия в 1727 – 1730 гг. по странам, расположенным вокруг Каспийского моря [Batatzi 1732][179]. На этой карте весь бассейн верхнего течения и часть среднего течения реки Сырдарьи (*ςιρδεργιας – Sirdergias*) на карте обозначены как TOUPKIΣTAN, т. е. Туркистан. Эта область примерно соответствует территории Кокандского ханства, включавшего Ферганскую долину, а также города и области, расположенные в бассейне среднего течения Сырдарьи. В XIX в. эта территория была завоевана русскими, которые образовали на ней Туркестанское генерал-губернаторство. Следовательно, русские оккупанты не придумали это название, как считают некоторые, а заимствовали из историко-географической традиции более раннего времени.

Весь бассейн Амударьи от Аральского моря до гор Памира обозначен как ΘZMΠEГIΣTAN, т. е. Узбекистан. Карта Василио Ватаци, так же как и многие другие средневековые европейские и русские карты и глобусы, свидетельствует о том, что название «Узбекистан», так же как его латинский эквивалент «Узбекия», имело историческую основу, и было заимствовано русскими из общественно-политической терминологии и историко-географической традиции средневековой европейской картографии. Название ΘZMΠEГIΣTAN (Узбекистан) на карте обозначено значительно более крупными буквами, чем названия всех остальных областей, а это указывает на то, что эта область занимала особое по- ложение среди всех других областей, отмеченных на карте, и возможно, рассматривалась в качестве политического центра

[179] Подробное описание этой карты см.: Kamoliddin 2011: 315 – 339; 2012: 21 – 50; Камолиддин 2005: 36 – 41; 2012: 27 – 58.

всей остальной территории Средней Азии. Ее территория примерно соответствует территории Хивинского и Бухарского ханств, на которой проживали *узбеки*.

В свете этих данных становятся понятными слова Файзуллы Ходжаева, который считал Бухару столицей Узбекистана, т. е. государства Шайбанидов, от которого в XVIII в. отделилось Кокандское ханство, а в XIX в. русские захватили Самарканд. Поэтому в 1916 г. Мукимуддин Бекжон требовал, чтобы все эти территории были возвращены Бухаре. Если говорить языком карт, то на карте Ватаци (1730) под названием Özbegistan обозначена реальная территория Бухарского ханства, а на карте Маасса (1728) под названием Usbek – территория государства Шайбанидов, т. е. исторического Узбекистана, который был правопреемником и синонимом топонимов Туркестан и Туран, а под последними, в свою очередь, подразумевались государство Темуридов и более ранние тюркские государства Средней Азии.

В первых 2-х разделах об узбекстве автор обращает внимание на употребление терминов «сарт», «тюрк» и «узбек». Так, он пишет, что «взаимосвязь между терминами «сарт», «тюрк» и «узбек» оставалась неясной, и эти три термина использовались одновременно и попеременно во время переписи 1897 г. (с. 22). Затем «…термин «узбек» был признан, а «сарт» предан забвению» (с. 8). Однако, «узбек» явно не был синонимом всего тюркского населения Средней Азии, а также не представлял собой единство региона. Казахские интеллектуалы никогда не имели никакого отношения к чагатаизму, ни любви к Темуру» (с. 17). «…К 1924 г. интеллигенция Туркестана и Бухары пришла к выводу, что оседлое мусульманское население Мавераннахра следует считать узбеками (которые довольно сильно отличаются от своих кочевых соседей, казахов и туркмен)» (с. 21).

Как мы уже отметили выше, в XVI – XVIII вв. топоним Узбекистан, являясь правопреемником и синонимом топонимов Туркестан и Туран, имел объединяющее политическое значение для всех родственных народов Средней Азии, о чем наглядно свидетельствует вышеприведенная цитата из сочинения Махмуда ибн Вали. В этом отношении представляет интерес то, как называли себя выходцы из Бухары и Средней Азии в иноязычной среде, т. е. за пределами своей родины. Недалеко от мечети ал-Акса в мусульманской части г. ал-Кудс (Иерусалим) в Палестине находится так называемая аз-Завийа ан-Накшбандиййа (الزاوية النقشبندية) – средневековая суфийская обитель (*ханака*), принадлежавшая суфиям ордена (*тарикат*) *ан-накшбандийа* из Средней Азии. Эта обитель, которая называется также аз-Завийа ал-Бухариййа (الزاوية البخارية) – Бухарская обитель, или аз-Завийа ал-Узбекиййа (الزاوية الازبكية) – Узбекская обитель, была учреждена в 1010/1602 г. и существует до сих пор. Основанная более 400 лет назад эта суфийская обитель управлялась *шейхами*, выходцами из Средней Азии, которые наряду с *нисбами* ал-Бухари и ат-Туркистани имели также *нисбу* ал-Узбеки (الازبكي), которая на первый взгляд, указывает на этническую принадлежность ее носителей к тюркским племенам Дашт-и Кипчака, основавшим в XVI в. в Средней Азии государство Шайбанидов. В других

источниках того времени такая *нисба* не встречается. В письменной традиции Средней Азии в период правления Шайбанидов господствовал персидский язык. В научных и религиозных кругах использовались *нисбы*, образованные по месту рождения или жительства, а также по профессии и религиозной принадлежности. Узбекские правители и подчиненные им даштикипчакские племена, которым принадлежала политическая власть в регионе, старались не отделять себя от местного населения и, приняв культурное наследие эпохи Темуридов, приобщились к высокой культуре местного населения. Поэтому в источниках того времени, написанных в Средней Азии, не встречаются *нисбы*, отражающие этническое происхождение узбеков. Жители Средней Азии, оказавшиеся за пределами своей родины, имели *нисбы* по месту их происхождения: ал-Бухари, ас-Самарканди, ал-Балхи, ал-Фаргани, ал-Андиджани, ал-Ташканди и т.д. Некоторые имели *нисбы*, отражающие общее название региона: ат-Туркистани. На наш взгляд, *нисба* ал-Узбеки (الازبكي), которую имели выходцы из Средней Азии, жившие в Палестине, отражала не их этническую принадлежность к узбекским племенам, происходившим из Дашт-и Кипчака или к семейству их правящей династии, а их общее происхождение из Средней Азии. Другими словами название ал-Узбек (الازبك) – «Узбек» означало общее название Средней Азии, которое употреблялось в XVI – XVIII вв. наряду с названием Туркистан (تركستان) в качестве его синонима. Даштикипчакские узбеки начиная с XVI в. были политическими хозяевами Средней Азии и, приняв культуру местного тюркского оседло-земледельческого и городского населения Средней Азии, рассматривались в качестве правопреемников и продолжателей государственных традиций Темуридов и более ранних тюркских династий. В XVI – XVIII вв. у них были единая территория, письменный литературный язык и культура. Поэтому на политических картах и глобусах того времени их страна обозначалась как Usbeck, Usbekia и Özbegistan. Подтверждением этому является *нисба* ал-Узбеки (الازبكي), которые имели выходцы из Средней Азии, жившие в Палестине.

В конце главы на с. 49 – 50 автор пишет: «Сравнение с Турцией показывает поразительные параллели с узбекским случаем

… Турецкая Республика после своего основания в 1923 г. превратила «османских мусульман» в турков, а Анатолию в турецкую родину. Особенно в 1930-е гг. кемалистский режим спонсировал разработку новой этнической турецкой идентичности в комплекте с официальной историей и мифами происхождения. …Реализованные под явным руководством национального режима, эти преобразования существенным образом отражают те, что происходили в Узбекистане. На самом деле, можно думать, что Турция и Узбекистан были коллегами – наследниками «западной» (Османской) и «восточной» (Чагатайской) тюркских культурных и политических традиций, каждая из которых была национализирована в нач. XX в. через переплетенные, но различные по содержанию тюркизмы. Как было отмечено выше, тюркизм в Османской империи оказался анти-Османским и подрывал существующие в то время имперские реалии; тюркизм в Средней Азии был направлен на реанимацию потерянного имперского единства. Тем не менее, существует четкое сходство между путями, которыми мусульманские жители в Анатолии стали турками, а в Трансоксиане – узбеками».

Сравнение Узбекистана с Турцией в целом верно. Действительно, Узбекистан является наследником культурных и политических традиций тюрков на востоке, тогда как Турция – на западе. Однако, я не совсем согласен с утверждением автора: «Турецкая Республика после своего основания в 1923 г. превратила «османских мусульман» в турков, а Анатолию в турецкую родину. …Реализованные под явным руководством национального режима, эти преобразования существенным образом отражают те, что происходили в Узбекистане». Не следует забывать, что османские турки находились не на своей земле и были окружены совершенно чужими народами – греками, армянами, болгарами, арабами, курдами и т.д. Поэтому они были вынуждены проводить ту политику, которую они проводили. В Средней Азии дело обстояло иначе. Узбеки, хотя и были завоевателями, они были близкородственными с тюркоязычным населением Средней Азии. Поэтому они сразу восприняли его высокую культуру и быстро с ним ассимилировались. Узбеки никогда не старались навязать другим свое название. Наоборот, другие на-

роды старались выдавать себя за узбеков, потому что в то время это было престижно.

В XIII – XIV вв. многие тюркские племена и народы назывались татарами и монголами, так как они «полагали свое величие и достоинство в том, что относили себя к ним и стали известы под их именем» [Рашид ад-дин I (1): 102].[180]

Венгерский ученый А.Вамбери писал: «Население Коканда – узбеки, тадшики, кайсаки, киргизы, кипчаки. Узбеки составляют собственно оседлую часть населения и сильно отличаются от бухарских и хивинских узбеков… Так как узбеки господствующее племя в Туркестане, …киргизы, кипчаки и калмыки, селясь в городах, с первой минуты отказываются обыкновенно от своей национальности и величают себя узбеками» [Вамбери 1867: 316]. В другом месте он пишет: «Большая часть населения Китайской Татарии, именно 4-х провинций – Кашгар, Яркенд, Аксу и Хотан – состоит из оседлых жителей, занимающихся земледелием и считающих себя узбеками, но калмыцкое происхождение их бросается в глаза при первой встрече с ними. Узбеков, в том смысле, как это слово понимается в Бухаре и Хиве, никогда не было в Китайской Татарии. Этим именем здесь называют смесь вторгающихся с севера калмыков, киргизов и первобытных обитателей – персов» [Вамбери 1867: 333].

В отличие от населения Турции население Туркестана до русского завоевания, несмотря на политическую раздроблен ность, составляло единое этнокультурное и тесно взаимосвязанное хозяйственно-экономическое целое, сложившееся в результате длительного процесса взаимодействия различных этнических групп. Что касается национальных разногласий, имевших место в первые годы после 1917 г., особенно, в период до и после национального размежевания в 1924 г., то они были следствием национальной политики царской России и февральской революции. Конфискации земель в казахских степях вооруженными русскими поселенцами и последовавшие затем кровавые столкновения 1916 – 1917 гг. на этнической почве

[180] Полную цитату см. выше, в статье Э.У.Хуршута «Этническая мимикрия», с. 44 – 45.

привели к тому, что значительная часть казахских кочевников бежала на юг в Туркестан. Поэтому они, пользуясь гостеприимством и состраданием узбеков, заняли пустующие и не пустующие земли в областях, принадлежавших Туркестану, а затем стали оспаривать их при размежевании, придумав сфабрикованную цифру 93 %, тогда как даже сегодня казахи не составляют такой процент населения этих областей. А по большому счету, казахи не имели никакого права ни на Мангышлак, ни на Сырдарьинскую область, ни на Семиречье. Полуостров Мангышлак в средние века был населен племенами *гуззов*, а в XVI – XVIII вв. – туркменами. Лишь в XIX в. после русского завоевания западного побережья Каспийского моря туркмены постепенно были вытеснены из Мангышлака казахами, перешедшими в русское подданство [Бартольд 1965: 479 – 480]. В настоящее время он заселен, в основном казахами и русскими. Следовательно, вытеснение туркменов и «заселение» казахов было тактикой царской России, чтобы завладеть этим стратегически важным побережьем Каспийского моря. Весь бассейн среднего и нижнего течения Сырдарья, так же как и Семиречье на протяжении последних 1,5 тыс. лет до кратковременного джунгарского и казахского завоевания в XVIII в. относился к области Чача, т. е. Ташкента. На вышеупомянутой карте Ватаци (1730 г.) под надписью ΤΟΥΡΚΙΣΤΑΝ (Туркистан) на двух языках, греческом и латинском, написано: «В прошлом это была знаменитая область и мусульмане, которые жили в ней, время от времени назывались *сартами* (*Sartae* – *ϛαρται*). Они подчиняются *казакам* (*Casacis* – *καζακων*) или *Condosides* (*κονδοϛιδων*) в зависимости от того, у которых из них сильнее вооружение». Чач (по-арабски аш-Шаш) был одной их ключевых областей Средней Азии с оседлым тюркоязычным населением, потомками которого являются современные узбеки. В средние века весь бассейн Сырдарьи и Семиречье были заселены огузами и карлуками, а появление здесь значительного количества носителей «жекающих» диалектов[181], т. е. предков современных казахов, относит-

[181] Хотя носители «жекающих» диалектов, в основном, кочевники, проникали на территорию Средней Азии и намного раньше (в эпоху

ся к монгольскому (первая волна) и после темуридскому времени (вторая волна) [Камолиддин 2009: 59 – 65].

Между тюркоязычными и ираноязычными жителями городов Средней Азии до 1924 г. также не было никаких межнациональных конфликтов. Персидский язык знал каждый образованный человек и фактически он был вторым языком тюркоязычных жителей городов, считавших себя узбеками. Единство культуры, т. е. религии, обычаев, традиций и образа жизни, стирало этнические различия между узбеками и их ираноязычными соседями, что привело к широкому распространению смешанных браков и двуязычия. По этнографическим данным, несмотря на преобладание в Бухаре таджикского языка, большинство жителей города считало себя не таджиками, а узбеками. При переписи 1926 г. из 41 839 человек местного населения узбеками назвали себя 27 825 человек, а таджиками лишь 8 646 человек. В XIX в. бухарцы с гордостью относили себя к узбекам, а *таджиками* называли не себя, а *форсов* (*ирони*) [Сухарева 1958: 79]. Английский путешественник А.Борнс писал: «В бухарском узбеке трудно узнать турка, или татарина, по причине примеси к нему персидской крови» [Борнс 1848 II: 389 – 390]. Клин между тюркоязычными и ираноязычными узбеками был внесен именно в 1924 г. во время территориального размежевания. Как хорошо показал автор в 9 главе своей книги, этот год можно считать моментом рождения «таджикского» народа, представители которого, вооружившись большевистскими лозунгами, начали открытую войну против национальной интеллигенции Туркестана.

Как мы видим, причиной всех межнациональных конфликтов в Средней Азии были русские завоеватели, которые отоб-

---

Тюркского каганата), о чем свидетельствует упоминание в VIII – IX вв. титула *джабгу* (*ал-джабгуйа ал-харлухи*) в Тарбанде (Отрар) [Михайлова 1951: 17 – 19] и в Тохаристане [at-Tabari II: 1589, 1590], а также топонима Джабгукас (جبغوكث) в области аш-Шаш в источниках X в. [al-Istakhri: 320, 345; Ibn Haukal: 386, 404; al-Moqaddasi: 48, 264]. Этими кочевниками, говорившими на «жекающих» диалектах, были огузы или карлуки, часть которых вела кочевой образ жизни, а также тюрки племени Ашина. После арабского завоевания они вновь были вытеснены за пределы Средней Азии.

рали у узбеков их легитимную власть и сделали все, чтобы в один прекрасный день они не смогли ее восстановить. Сегодня все соседние республики имеют территориальные претензии к Узбекистану: казахи хотят Ташкент и Каракалпакстан, киргизы – всю Ферганскую долину, таджики – Самарканд и Бухару, а туркмены – Хорезм. Получается, что у узбеков нет своей земли. Между тем, во время национально-территориального размежевания 1924 г. больше всех потеряли узбеки, которые до русского завоевания на протяжении более 300 лет были политическими хозяевами всей Средней Азии. Об этом свидетельствуют и средневековые европейские карты, на которых отмечаются *туркмены* (*Turkmenoi*), *казахи* (*Kazakoi*), *киргизы* (*Khrkizoi*) и *каракалпаки* (*Karakalpakoi*), обитавшие внутри территории Usbeck (Usbekia, Özbegistan). На отдельных картах внутри территории Usbeck, Usbekia и Özbegistan отмечены области Turkmania (на юго-западе) и Karakalpakia (на северо-западе). Однако на большинстве карт они обозначены в качестве этнонимов, а не топонимов, что указывает лишь на проживание этих этнических групп внутри Узбекистана. Ни на одной из исторических карт или глобусов XVI – XVIII вв. не зафиксирован этноним *таджик*, не говоря уже о топонимах, образованных от этого названия [Камолиддин 2005: 30 – 33; 2005: 36 – 41].

В свете этих данных, нам представляется, что в нач. XX в. народы Средней Азии находились на разных уровнях общественно-политического развития. Следовательно, роль и место их в истории региона не были одинаковыми. Даштикипчакские *узбеки* с нач. XVI в. были политическими хозяевами Средней Азии и, приняв культуру местного тюркского оседло-земледельческого и городского населения Средней Азии, рассматривались в качестве правопреемников и продолжателей государственных традиций Темуридов и более ранних тюркских династий. В XVI – XVIII вв. у них были единая территория, письменный литературный язык и культура. Поэтому на политических картах и глобусах того времени их страна обозначалась как Usbeck, Usbekia и Özbegistan. Другие этнические группы Средней Азии, такие как туркмены, казахи, киргизы и каракалпаки, вели, главным образом, кочевой образ жизни. Из них только *казахи* были

самостоятельными и имели свою государственность (Kosaki Horda). Остальные народы Средней Азии, *туркмены*, *киргизы* и *каракалпаки* в XVI – XVIII вв. не имели своей политической власти, и, составляя часть населения региона, входили в состав узбекских ханств. Поэтому в политических картах и глобусах того времени они упоминались лишь в качестве этнонимов, обозначавших места их расселения. Что касается *таджиков*, то в исторических картах они вообще не зафиксированы. Как оседлые и городские тюрки, т. е. так называемые «сарты», они назывались по названию места жительства – бухарцами, самаркандцами, ферганцами и т. д., и были составной частью государственно-политического объединения Özbegistan [Kamoliddin 2004: 63 – 64]. Следовательно, топонимы Usbeck, Usbekia и Özbegistan уже в XVI – XVIII вв. имели объединяющее этнокультурное и этнополитическое значение и включали в себя не только территории расселения этнических *узбеков*, которым принадлежала политическая власть в регионе, но и так называемых «сартов», т. е. оседло-земледельческих и городских тюрков, составлявших культурную основу этого объединения, а также примкнувших к ним кочевых племен Средней Азии и национальных меньшинств – *таджиков, арабов*, *евреев* и др. У всех этих групп населения был общий литературный письменный язык – чагатайский, который выполнял также роль своего рода интердиалекта, т. е. языка межнационального общения вплоть до нач. XX в. [Касымова 2004: 270 – 273]. Таким же единым этнокультурным и этнополитическим объединением является Узбекистан и в настоящее время. Поэтому, на наш взгляд, большевики не внесли ничего нового в ход регионального развития, и их заслугой является не конструирование «ново-узбекской» нации [Ильхамов 2002: 288 – 290], а расщепление уже сформировавшегося, хотя и не централизованного, но единого этнокультурного объединения.

Как мы уже отметили в начале комментария, статья основана на богатом документальном материале с привлечением широкого круга научной литературы, касающейся исследуемого вопроса. Тем не менее, я не нашел среди ссылок книгу E.A.Allworth (1990), хотя есть ссылки на две другие книги этого автора.

То же самое относится к статье I.Baldauf (1991), хотя автор ссылается на две другие статьи этого автора. Нет также ссылки на печально известную «Археологию узбекской идентичности» А.Ильхамова (2002). Этот список можно еще продолжить. Мы считаем, что такое фундаментальное исследование должно охватывать всю имеющуюся литературу, касающуюся исследуемого вопроса.

Использованная литература

Источники

Бернье – Франсуа Бернье. История последних политических переворотов в государстве Великих моголов / Предисловие А. Пронина. Пер. с французского Б.Жуковецкого и М.Томара. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.

Махмуд ибн Вали – Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География) / Введение, перевод, примечания, указатели Б.А.Ахмедова. Ташкент: Фан, 1977.

Михайлова 1951 – Михайлова А.И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // Эпиграфика Востока. Т. 5. Л., 1951. С. 10 – 20.

Batatzi 1732 – Charta, inqu'a cruditis spectanda exhibeteur pas Asiae […] Tabula Maris Caspii et Maris Aral, Karta, di es tois filomathesi parekhetai eidein meros ti tes Asias . . . Nin proton tipois ekdotheisa par' ema, Basileia Batatzi . . . Scale [1: 7 500 000]; 38 x 32,5 cm. / Ed. J. Senex. London, 1732.

Ibn Haukal – Abu'l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi. Opus geographicum / Ed. J.H.Kramers, edition tertia, BGA, Pars 2. Lugduni Batavorum, 1967.

al-Istakhri – Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum / Ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1967.

Maas 1735 – Nova Maris Caspii et regionis Usbeck, cum provincijsadjacentibus vera delineato. In qua itinera Regia et alia notabiliora accurate denotantur per A.Maas / Reduction mappae

reduction mappae hujus a majore in hanc minorem formam facta est per Iohannem Petrum van Ghelen. Nuremberg: Homanische Erben, 1735.

al-Moqaddasi – Abu ‘Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin al-Moqaddasi. Descriptio Imperii moslemici / Ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni Batavorum, 1967.

at-Tabari – Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Annales / Ed. M.J. de Goeje, I – III series, Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1964.

Научная литература

Бартольд 1965 – Бартольд В.В. Мангышлак // Соч. в 9 томах. Т. 3. М.: Наука, 1965. С. 479 – 480.

Бартольд 1964 – Бартольд В.В. Статьи из «Энциклопедии Ислама». Чагатай-хан // Соч. в 9 томах. Т. 2 (2). М.: Наука, 1964. С. 538 – 544.

Борнс 1848 – Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом ост-индской компанейской службы Александром Борнсом, членом Королевского Общества. Изд-е П.В.Голубкова. В 3-х частях. М.: Университетская типография, 1848 – 1849.

Вамбери 1867 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научной целью по поручению Венгерской академии в Пеште, членом ея А.Вамбери. С 12 картинами и картою. М.: Издание А.И.Мамонтова, 1867.

Вогман 1924 – Вогман (Свэнов) С. Средняя Азия до размежевания // На историческом рубеже. Сборник о национально-государственном размежевании Средней Азии. Ташкент: Туркестанская правда, 1924. С. 41 – 66.

Демезон, Виткевич 1833-1836 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В.Виткевича) / Отв. ред. Н.А.Хал-

фин. Вступительная статья и комментарии В.Г.Воловникова и Н.А.Халфина. М.: Наука, 1983.

Ильхамов 2002 – Ильхамов А. Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана / Отв. ред. А.Ильхамов. Ташкент: ИООФС – Узбекистан, 2002. С. 268 – 368.

Камолиддин 2012 – Камолиддин Ш.С. Две карты Средней Азии первой половины XVIII в. Новые источники по исторической этно-географии Средней Азии. Saarbrücken: LAP, 2012.

Камолиддин 2013 – Камолиддин Ш.С. Обитель узбекских суфиев в Иерусалиме // Марказий Осиё тарихи манбашунослиги ва тарихнавислиги масалалари. 5-илмий тўплам. Тошкент: ТошДШИ, 2013. С. 90 – 108.

Камолиддин 2005 – Камолиддин Ш.С. О географической карте Василио Ватаче // Moziydan sado (Echo of history, Эхо истории), 2005, № 3 (27). С. 36 – 41.

Камолиддин 2009 – Камолиддин Ш.С. О северных границах средневековой области аш-Шаш (по данным Ибн Хаукала) // Тәуелсіздік таңы – достық нәрі. Ташкент, 2009. С. 59 – 65.

Камолиддин 2005 – Камолиддин Ш.С. О средневековых картах Узбекистана // Moziydan sado (Echo of history, Эхо истории), 2005, № 2 (26). С. 30 – 33.

Камолиддин 2013 – Камолиддин Ш.С. Обитель ал-Узбекийа в Иерусалиме // Moziydan sado (Echo of history, Эхо истории), 2013, № 4 (60). С. 29 – 34.

Камолиддин, Мукминова 2003 – Камолиддин Ш.С., Мукминова Р.Г. Заметки о географической карте Абрахама Мааса // O'zbekiston tarixi, 2003, № 1. С. 16 – 26.

Касымова 2004 – Касымова Д.Ж. Феномен чагатайского языка как интердиалект кочевых и оседлых тюркских народов // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Материалы Международной конференции. Алматы, 2004. С. 270 – 273.

Риттер 1874 – Риттер К. Иран. Ч. 1 / Перевел и дополнил Н.В.Ханыков / Землеведение. География стран Азии (Издание ИРГО). СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1874.

Сухарева 1958 – Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962.

Allworth 1990 – Allworth E.A. The Modern Uzbeks From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Hoover Institution Press, Stanford University, California, 1990.

Baldauf 1991 – Baldauf I. Some thoughts on the making of the Uzbek nation // Cahiers du Monde russe et sovietique, xxxii/1 (1991), p. 79 – 96.

Kamoliddin 2004 – Shamsiddin Kamoliddin. On the origin of the term «Sart» // 20th Century in the History of Central Asia. The Fifth International Association of Central Asian Studies Conference (August 13 – 14, 2004), Tashkent, 2004, p. 63 – 64.

Kamoliddin 2011 – Shamsiddin Kamoliddin. The Map of Central Asia by Basilio Batatzi (1730) // Central Eurasian Studies: Past, Present and Future. Editors H.Komatsu, S.Karasar, T.Dadabaev, G. Kurmangalieva Ercilasun. T.C. Maltepe Üniversitesi Yayinlari No. 46 (2011/5). Istanbul, Maltepe University, 2011, p. 315 – 339.

Kamoliddin 2008 – Shamsiddin Kamoliddin. The Place of Abraham Maas' Map in the Evolution of Central Asian Toponymy // Cešme-Izmir (9 – 15 Nisan, 2006). I Uluslararasi Türk dünyasi kültür Kurultayi. Bildiri Kitabi: Ege Universitesi, 2008, p. 1207 – 1216.

Kamoliddin 2012 – Shamsiddin Kamoliddin. Two maps of Central Asia of the First Half of 18th Century. New Sources on the Historical Ethno-Geography of Central Asia. Saarbrücken: LAP, 2012.

Klemp 1989 – Klemp Egon (ed.) Asien auf Karten von der Antike bis zur Mitte des 19. Jkahrhunderts = Asia in Maps from Ancient Times to the mid 19th Century. Leipzig: Acta Humaniora, 1989.

Nebenzahl 2004 – Nebenzahl K. Mapping the Silk Road and Beyond. 2,000 years of exploring the East. London – New-York: Phaidon Press, 2004.

КОММЕНТАРИЙ

к статье А.Халида «Таджики как остаточная категория»

Ш.С. Камолиддин

В статье «Tajik as a Residual Category» («Таджики как остаточная категория») автор прослеживает процесс образования таджиков как народа после образования Таджикской автономии. В начале статьи автор правильно отметил, что в 1924 г. не было народа с названием «таджик», а затем посвятил этому вопросу целый раздел «The Absence of the Tajiks» («Отсутствие таджиков»). Главным теоретиком создания «таджикского народа» был С.Айни. На с. 80 автор пишет: «…В то же время, таджикский народ в определении Айни не включал другие персоязычные народы, такие как *эрони*, афганцы, или жителей самого Ирана. Айни здесь сочетал претензии на долговечность, историческую первичность и автохтонность с претензиями на культурное превосходство таджикского народа». Далее на с. 81 читаем: «Важно также отметить, что формулировка Айни о таджикстве не имела ничего общего с Ираном. Таджикский народ был коренным в «Трансоксиане и Туркестане», сообщество со своим собственным правом, своей собственной культурой и литературой».

Я хотел бы здесь кратко проследить историю употребления этого термина в письменных источниках. Слово *тазик* или *таджик* встречается еще в доисламских сирийских, пехлевийских и армянских источниках в значении «араб», а в первые века ислама это слово означало также мусульман вообще. Начиная с XI в., в персоязычных и тюркоязычных источниках это слово употребляется в значении «перс», «иранец». В средневековых персидских толковых словарях слово *тазик* (تازک/تازیک) с вариантами *тажик* (تاژک/تاژیک) и *таджик* (تاجک/تاجیک) означает «сын араба, выросший в ‘Аджаме, т. е. Персии», «иранец», «говорящий по-персидски» [Dehkhoda IV: 6166 – 6167, 6242, 6263; Vullers 1855 I: 410; Ягелло 1910: 359, 361]. В персоязычных источ-

никах делается различие между таджиками, персами и иранцами (‘*аджам*). Амир Тимур каждую неделю или раз в несколько дней проводил по какому-нибудь случаю пиршества, на которые приглашались знатные люди из числа тюрков и таджиков, арабов и неарабов (‘*аджам*), прибывавшие из разных сторон Турана и Ирана: *саййиды*, *улемы*, *шайхи*, *казии*, *имамы*, *муфтии*, *сахибы*, *садры* и др. [Шомий: 375]. В персоязычном тексте «Уложения» *амира* Тимура, относящемуся к XVII в., приводится отдельное «Уложение в отношении тюрков, таджиков, арабов и иранцев (‘*аджам*), нашедших у меня приют и убежище» [Уложение: 84, араб. 114]. Здесь этноним *таджик* приводится отдельно от арабов и персов, и означает этноним в современном понимании, а именно персоязычных потомков арабов, что соответствует значению «сын араба, выросший в Персии» средневековых персидских словарей. Ни в одном персоязычном источнике не упоминается «страна таджиков», а только как этноним или категория людей, как противоположность тюрков. В Иране таджики не имели своей территории, а проживали в различных городах, составляя часть населения и отличаясь от других этнических групп – персов, арабов, курдов, туркменов и др. В русских летописях встречается слово *тезик*, которое переводится как «персидский купец» [Никитин 1475: 44; Котов 1623: 72, 73, 78; Памятники 1986: 253].

Английский путешественник XIX в. К.Риттер пишет, что в его время названием *тадшик* (*таджик*) по всей Иранской выси (т. е. плато. – *Ш.К.*) обозначали главную массу земледельческого населения, не принадлежавшего ни к одному властвующему племени и состоявшего из смеси различных народностей, единство которых выражалось только общим ко всем им презрением и угнетением их племени, и персидским языком. ... Они жили также в Бухаре и Афганистане, где во времена Тимура этим позорным именем означали всех иранцев, так как они не были арабами или монголами. … Они везде образуют класс слуг, крестьян, не несущих военной повинности и везде подвергаются мучениям ордынцами. Таджики есть и в китайском Туркестане, в стране узбеков и во всей Персии. На Иранской выси они были порабощены халифами, а когда кончилась власть халифов, они

смешались с арабами, у которых переняли их нравы, образование и отчасти язык. Так многие из них ведут свое происхождение от арабов, то же было и в Бухаре и Афганистане. Эта персо-арабская помесь равнинного населения, *таджики*, были промышленниками и рабочими для всех последующих династий кочевников. В настоящее время они населяют обширную территорию от верхней Бухарии, через Иран до Анатолии, Сирии и даже до Египта, и везде находятся в однаковом положении подчинения [Риттер 1874: 393, 395].

По данным Ханыкова, персы, или таджики (как они сами себя называют), – весьма распространенный в Азии народ. Они расселились в Иранском нагорье до реки Инд; их встречают даже в Туране и в западной части Верхней Азии. Они основали поселения в России и Сибири… [Ханыков 1866: 27]. «Таджикские поселения встречаются на территории вплоть до границ Китая или по крайней мере до Тибета. …Современные таджики, или собственно персы, называемые тюрками *кызылбаши*, слывут исключительно красивым народом» [Ханыков 1866: 61]. Жителей персидского корня, проживающих в восточных провинциях Персии, именуют в настоящее время обычно таджиками. Термин этот, совершенно отсутствующий на западе Персии, начинает входить в употребление в качестве обозначения определенной категории населения в Восточном Хорасане, в Систане, Герате и Афганистане. Общепринятым он становится применительно к каждому человеку, персу по крови, лишь на берегах Оксуса и за этой рекой [Ханыков 1866: 82].

Однако, сведения Ханыкова здесь не совсем точны. В словарях XIX в. слово تاجیک *tāğīk* (= تازیک или تاژیک) переводится как «не араб и не тюрк»; «житель Персии» [Zenker 1866: 244, 246]. В XIX в. таджики, так же как и в средние века, проживали не только в восточных провинциях, но в других частях Ирана По данным Риттера, таджики проживали по всей Иранской выси, т.е. плато (см. выше). На юго-западе Ирана в провинции Фарс, термин *таджик* (تاجک) прилагался к «древнему сельскому оседлому населению, говорившему персидскими диалектами» [Mann 1909; Миллер 1929: 41]. Тюрки и *таджики* проживали также смешанно в западной части персидского Азербайджана, в мес-

течке Тасудж (طسوج), расположенном на северном побережье озера Урмия [Mustawfi-i Qazwini I: 81; Миллер 1929: 41]. В XIX в. таджики Азербайджана были уже полностью тюркизированы, но одежда, носившаяся в Тавризе (Табризе), все еще называлась تاجکی – «таджикской» [Vullers 1855 I: 410; Ягелло 1910: 359, 361].

В таджикско-персидской лексикографии Индии XVI – XIX вв. всех ираноязычных жителей, т. е. выходцев из Ирана (персов) и Средней Азии (таджиков), называли *фарсийан* (فارسیان), *фарсизабанан* (فارسی زبانان), *фарсигуйан* (فارسی گویان), *ахл-и забан* (اهل زبان), *ахл-и Иран* (اهل ایران), *ахл-и Иран ва Туран* (اهل ایران و توران) [Капранов 1987: 22, 61], т. е. не делали между ними различия и рассматривали как одно целое. Те же лексикографы подразделяли язык *фарси* на *фарси-и Иран* (فارسی ایران), *фарси-и Туран* (فارسی توران), *фарси-и Хиндустан* (فارسی هندستان) и т.п. [Капранов 1987: 24], т. е. по месту его распространения.

Согласно П.Пашино, в отличие от *сартов* «таджики Туркестанской области кровные персы, попавшие сюда в неволю в новейшие времена и укоренившиеся здесь. Каждый *сарт* очень оскорбился бы, если бы его назвали *таджиком*, так как последний здесь не пользуется никаким уважением, потому во-первых, что произошел от раба, во-вторых – по предубеждению *сарта* (суннита), что каждый *таджик*, если не явно, то в душе – *шиит*, раскольник, человек презренный... *Сартов* нельзя смешивать с *таджиками*, которые волей-неволей поселились здесь со времен Тамерлана» [Пашино 1868: 169].

В нач. XX в. в Туркестане слово *таджик* (تاجیک) означало «иранские жители Туркестана», «персияне, живущие в Средней Азии» (на севере Туркестана), «персидские обитатели Средней Азии» (на юге Туркестана) [Радлов III: 912, 913]. В персидском языке слово *таджик* (تاجیک) или *тажик* (تاژیک) означало «название иранского элемента в Туркестане» [Гаффаров I: 141], которое впоследствии было превращено в этноним [ПРС I: 342; СТЯ II: 369, 370].

Таким образом, первоначально термин *тазик* или *таджик* означал арабов, затем также мусульман, а начиная с XI в. персов и иранцев. В XIX в. термин *таджик* в значении «перс», «ира-

нец» был широко распространен на обширной территории распространения персидского языка – от Ирака до Индии и Китая. В самом Иране в отличие от собственно персов «таджиками» называли смесь арабов и персов, а в Средней Азии – персов и вообще всех иранцев. Эти сведения показывают, что до образования Таджикской республики отдельного «таджикского народа», о котором писал Айни, действительно, не было. Персоязычные жители Туркестана, в основном, были людьми персидского происхождения, в разные времена мигрировавшие из Ирана в Среднюю Азию, начиная с эпохи арабского завоевания вплоть до нач. XX в. Среди них было также много людей тюркского происхождения, перешедших на персидский язык, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные. Так, в конце XIX – нач. XX в. в Афганистане и восточной части Бухарского эмирата многие тюркские роды и племена, переходившие к оседлому образу жизни оставляли тюркский язык и переходили на *фарси* [Кармышева 1976]. В те времена в Средней Азии было широко распространено двуязычие, и язык не был показателем этнической принадлежности. Более важными показателями различия были, в первую очередь, религия (суннит, ши‘ит, еврей и т.д.), а затем образ жизни (оседлый или кочевой), и, конечно же, подданство. Представители одних и тех же племен и народов, проживавшие в разных ханствах, идентифицировали себя по-разному. Например, тюркоязычных иранцев, оказавшихся в Туркестане, так же как персоязычных, называли *эрони*. Таким же образом и узбеки до 1924 г. были как тюркоязычными, так и персоязычными.

На с. 61 автор пишет: «Многие носители персидского языка, по сути, начали видеть себя тюрками. Фитрат, конечно же, главный пример. Он вернулся из Стамбула убежденным, что бухарцы были «на самом деле» тюркского происхождения, но забыли свой собственный язык и приняли персидский под иранским культурным влиянием».

Между тем, новейшие исследования показывают, что это действительно так. Взять, например, Бухару. Население Бухарского оазиса издревле имело смешанный характер и значительную часть его составляли кочевые племена. В эпоху раннего

средневековья Бухарский оазис, наряду с Хорезмом и Ферганой был одним из центров концентрации тюркского населения. Здесь протекал ненасильственный и естественный процесс этнокультурного взаимосближения и ассимиляции ираноязычных согдийцев и хорезмийцев с тюрками [Krippes 1991: 67 – 80][182]. В результате этих процессов к эпохе арабского завоевания ираноязычные народы Средней Азии уже в значительной степени были тюркизированы [Литвинский 1992: 337]. В свою очередь, тюрки, проживавшие среди ираноязычных народов, принимали их религию, культуру и язык, и по своим внешним признакам мало, чем от них отличались. По антропологическим данным, в эпоху раннего средневековья, когда в Средней Азии имело место широкое распространение тюркского языка параллельно не увеличиваются монголоидные элементы, а наоборот, уменьшаются [Ходжайов 1987: 59], что на наш взгляд, было связано с процессами ассимиляции согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев с тюрками, которые не только были политическими хозяевами в регионе, но и играли важную роль в городской жизни Согда [Камолиддин 2007: 67 – 74]. Согласно «Истории Бухары» Наршахи, *шахристан* Бухары построил сын правителя Туркестана Бийагу Кара Чурин Турка[183] по имени Шир-и Кишвар[184], который построил также селения Мамастин, Сакматин, Самтин и Фараб. Он правил в Бухаре 20 лет, а затем правил другой правитель[185], построивший селения Искиджкат, Шарг, Рамтин и Фарахша [Наршахи: 23]. Само название Бухара этимологизируется от сло-

[182] Этот процесс сопровождался с одной стороны взаимными миграциями: тюрков на юг, а согдийцев и хорезмийцев – на север, северовосток и северо-запад, а с другой стороны – смешанными браками не только на уровне высшей знати, но и в среде простого народа.

[183] Здесь речь идет о верховном тюркском правителе Тарду-кагане, сыне первого правителя Западного Тюркского каганата Истами-кагана (правил в 553 – 576 гг.).

[184] В письменных источниках он упоминается также как Эл Арслан и Йанг Соух-тегин, а в персоязычных – Савашах.

[185] После Эл Арслана правителем Бухары был его сын Эл-тегин, который в китайских источниках упоминается как Нили-хан, а в персоязычных – Пармуда.

ва *бухар*/*букар*, являющегося тюркской формой санкритского слова *vihara* – «буддийский храм» [Kamoliddin 2011: 348 – 358]. Накануне арабского завоевания население Бухары составляли тюрки и тюркизированные бухарцы. Ситуация изменилась после арабского завоевания, когда захватчики изгнали из города все местное население, и заселили его арабско-персидскими колонизаторами[186].

На с. 79 читаем цитату из книги Айни: «Таким образом, мы видим, как высоко таджикская литература развивалась на этой земле в эпоху Саманидов, которые по расе были персоязычными (*‘ирқан форсийзабон ҳастанд*), она развивалась таким же образом во времена Чингисидов, Темуридов, Шайбанидов, Аштарханидов и Мангытов, которые по расе были монголами, тюрками, и узбеками. Таким образом, очевидно, что развитие таджикского языка и литературы в этих местах происходило не просто из-за господства Саманидов или иммиграции иранцев. Реальной причиной этого является наличие в этих местах большого народа по имени таджик арийской расы».

Здесь я хотел бы внести уточнение в вопрос об этнической или языковой принадлежности Саманидов. Согласно новейшим исследованиям, семейство Саманидов вело свое начало от брака сасанидского военачальника Бахрама Чубина с дочерью правителя Бухары, а впоследствии верховного правителя Западного Тюркского каганата Эл-тегина (Нили-хан), известного в арабских и персидских источниках как Бармуда или Пармуда. Сами Саманиды считали себя потомками тюркских каганов и противопоставлялись тем, кто считал себя потомками Сасанидов, т. е. Буидам [Камолиддин 2008: 39 – 63; 2009: 113 – 119]. Что кассается их персоязычности, то это тоже не совсем верно. У нас нет никаких данных, указывающих на то, что Саманиды были персоязычными. Как известно, вся официальная переписка и документация в X в. велась на арабском языке [Bosworth 1978: 61; Крачковская 1952: 46]. Единственным местом, где применялся

[186] Интересные параллели тому, что язык не является указателем этнического происхождения того или иного народа см. в статье Э.У.Хуршута «Тайна караимов» в Приложении (с. 356 – 358).

новоперсидский язык (*фарси*), была придворная поэзия, поскольку Саманиды покровительствовали не только арабоязычным, но и персоязычным поэтам. А других в то время в исламском обществе и не было. Почти все окружение Саманидов составляли тюрки, которые также были сторонниками внедрения новоперсидского языка [Бартольд 1963: 300; Atkin 1993: 151]. На каком языке общались Саманиды между собой и со своими подчиненными мы точно не знаем. Однако, известно, что продолжатели управленческих и культурных традиций Саманидов, Сабук-тегин, Махмуд Газнави и его сын Мас'уд, которые также были большими любителями новоперсидского языка и литературы, говорили со своими приближенными и подчиненными потюркски [Байхаки: 71, 148, 244, 264, 340, 354, 433, 469, 507, 522; Bosworth 1962: 220]. Можно предположить, что так же делали и Саманиды. В X в. сфера употребления новоперсидского языка не выходила за рамки придворной поэзии [Bosworth 1966: 89; Frye 1967: 71 – 72].

На с. 79, комментируя цитату из книги Айни, автор пишет: «Таджикский народ существовал в Средней Азии постоянно с незапамятных времен и его культурное развитие не зависело от политической власти или военного завоевания. Если чагатаистское видение узбекского народа концентрировалось на традиции государственности, таджикский народ Айни существовал, несмотря на отсутствие власти; вместо этого, он цивилизировал завоевателей».

В те времена никак не могло быть «большого народа по имени таджик арийской расы». Сфера употребления новоперсидского языка (*фарси*) в эпоху раннего халифата была весьма ограничена, и он использовался, главным образом, только в канцелярии и литературе [Frye 1967: 71]. В X в. в Бухаре среди арабско-персидских переселенцев имел также распространение разговорный язык *ад-дарийя* [Ibn Haukal: 490], который являлся упрощенным вариантом *фарси* [Frye 1967: 72]. Но даже в канцелярии новоперсидский язык использовался весьма ограниченно. При Саманидах, так же как и у Буидов, вся официальная переписка с Багдадом и другими правителями велась на арабском языке [Bosworth 1978: 61]. Развитие персидской литературы

и культуры, начавшееся при дворе иранских Саффаридов[187], было продолжено при дворе Саманидов. Но в целом при Саманидах поэзия была преимущественно арабоязычной [Абдуллаев 1984; ас-Саолибий 1976] и частично двуязычной, и непременно переводилась с *фарси* на арабский [Bosworth 1978: 69]. Сочинения по истории и литературе, так же как и в последующие времена, писались на новоперсидском языке в узком кругу придворных, поэтому он первоначально получил название *дари*, т. е. придворный (язык) [Frye 1967: 72]. Частично им пользовались и принявшие ислам местные жители Средней Азии. Распространение языка *фарси* не везде протекало одинаково. Первоначально он стал распространяться в Согде – главным образом, только в Самарканде и Бухаре, где была сосредоточена основная часть переселенцев из Ирана и Ирака. В других местах, например, в Тохаристане, этот язык вплоть до XI в. не имел широкого распространения и был непонятен местным жителям. В 411/1020-21 г., когда войска Махмуда Газнави заняли Гур, он был вынужден общаться с местным населением через посредство переводчика [Bosworth 1968: 35]. Именно Газнавидам принадлежала главная роль в распространении новоперсидской культуры в Тохаристане и других областях, тяготевших ранее к культуре Индии [Bosworth 1968: 39]. Между тем, значительная часть местного населения Средней Азии открыто или втайне продолжала исповедовать доисламские культы[188] вплоть до монгольского завоевания. Они по-прежнему говорили на тюркском, согдийском и других местных языках, причем согдийский язык еще в X в. был широко распространен среди населения Бухары [Ibn Haukal: 490; Frye 1967: 70 – 71], а в качестве письменного языка он продолжал использоваться тюрками, исповедовавшими зороастризм, еще в X – XI вв. [Джумагулов 1982: 25 – 31], тогда как тюрки-несториане использовали тюркский язык на основе сирийской письменности [Джумагулов 1971]. Живучесть и влияние мест-

[187] Известны имена нескольких персоязычных поэтов, служивших при дворе Рафи‘ ибн ал-Лайса [Та’рих-и Систан: 211 – 212].

[188] Последователи ал-Муканна‘, «люди в белых одеждах», скрывали свое вероисповедание, придерживаясь внешне ислама [Бируни: 217].

ной культуры прослеживается не только в сохранении языков и письменности, но и в монетном чекане. Считается, что в X в. согдийский язык был вытеснен в Средней Азии новоперсидским [Бартольд 1963а: 121]. Однако такой вывод, скорее всего, не соответствует действительности, поскольку, во-первых, носителями согдийского языка были не только согдийцы, но и тюрки; во-вторых, согдийцы тщательно охраняли себя от смешивания с персами, а свой язык от влияния новоперсидского (*фарси*). Поэтому впоследствии основная часть согдийского народа ассимилировалась в среде оседлых тюрков, с которыми у согдийцев уже существовали тесные этнокультурные взаимосвязи, имевшие многовековую историю. Что касается новоперсидского языка, то за пределами саманидского двора он наряду с арабским языком был распространен, главным образом, только среди арабско-персидских переселенцев. В результате колонизаторской политики арабско-персидских завоевателей небольшая часть местного согдийского и бактрийского населения была иранизирована, точнее, персизирована, тогда как основная, значительно большая их часть, еще долго сохраняла свою самобытность и впоследствии ассимилировалась с тюрками. Эти процессы нашли отражение в труде Махмуда Кошгари, который отмечает, что к его времени, т. е. в нач. XI в., «было множество людей, которые владели только тюркским языком и больше никаким другим, можно было найти людей, которые владели и тюркским, и согдийским, но уже не было таких, которые владели только согдийским» [Кошгарий I: 335]. В другом месте он прямо указывает, что *сугдаки*, т. е. согдийцы – это народ, слившийся с тюрками [Кошгарий I: 336] и сохраняющий себя от влияния и перемешания с персами [Кошгарий I: 65]. Между тем, в источниках нет ни одного указания о том, что согдийцы, или какая-то их часть, ассимилировалась с персами. Аналогичные процессы протекали в Тохаристане, где часть бактрийцев смешалась с пришельцами, тогда как основная их часть ассимилировалась с тюрками в правление Газнавидов, ликвидировавших власть всех местных доисламских династий. Ираноязычные хорезмийцы полностью ассимилировались с тюрками Хорезма и не смешивались с завоевателями. Поэтому среди них уже в XII – нач. XIII

вв. уже почти не было ираноязычных пластов. В первых веках ислама тюркский язык еще не был приспособлен к арабской графике, и принявшие ислам тюрки, так же как и персы, писали свои труды на арабском и новоперсидском языках. В условиях того времени сочинение, написанное тюркоязычным автором на родном языке, не могло рассчитывать на успех, а написанный на арабском языке труд распространялся по всему мусульманскому миру от Средней Азии до Испании. Поэтому представители местной аристократии охотно приобщались к арабской культуре, осваивали арабский язык и вместе с арабами управляли страной. Общность религии и письменности еще больше укрепляла позиции арабского языка в Средней Азии и Персии [Наджип 1989: 148]. Беруни, знавший много языков, предпочитал писать по-арабски, отметив, что «поношение по-арабски для него милее, чем похвала по-персидски». «Персидский язык», писал он, «не приспособлен к науке и годится только для Хосроевых повестей и ночных сказок. Мой родной язык не приспособлен к науке. Поэтому я перешел к арабскому и персидскому; в каждом из них я пришелец, с трудом ими владеющий. На язык арабов переложены науки из всех стран мира, они украсились и стали приятны сердцам, а красоты языка от них распространились по артериям и венам, хотя каждый народ считает красивым свой диалект» [Беруни: 138].

На с. 79 автор приводит еще одно высказывание Айни: «Таджики были в первых рядах и руководителями всей культурной работы» в долгой истории «Таджикистана, Туркестана и Трансоксианы».

Из этой цитаты следует, что топоним Таджикистан, якобы, является таким же историческим названием Средней Азии, как Туркестан и Трансоксиана или Мавераннахр. Однако, как мы уже отметили выше, нет ни одной исторической карты Средней Азии, где был бы зафиксирован этноним *таджик*, не говоря уже о территории с этим названием. В средневековых армянских источниках под названием Таджикистан (Тачикастан) подразумевалась не Средняя Азия, а Аравийский полуостров, а в источниках позднего средневековья – Османская империя. Поэтому «Таджикистан» Айни и «исторический Таджикистан» Р.Масова

не что иное, как миф [Ртвеладзе, Сагдуллаев 2007]. Из всех исторических названий среднеазиатского региона единственно правильным с историко-культурной и с политико-правовой точки зрения являются «Туран» и «Туркестан». Что касается терминов «Трансоксиана», «Мавераннахр» и «Вараруд», то они являются привнесенными на местную почву и историко-географическую традицию извне иноземными завоевателями [Камолиддин 2002: 61 – 68].

На с. 87 и 88 автор пишет: «…с самого начала таджикские активисты использовали подозрения партии в панисламизме и пантюркизме, чтобы критиковать узбекскую политику и показать ее вредной интересам партии, государства и революции». «…Жалуясь на «извращение» линии партии со стороны своих противников, таджикские активисты, таким образом, изображали себя истинными Советами. Обвинения в панисламизме, пантюркизме и национал-шовинизме – основных фобиях партии в Средней Азии в 1920-е гг. – продолжают быть основой таджикских жалоб на действия узбекской политики по сей день». Далее на с. 89 читаем: «Мухиддинов был поддержан несколькими другими писателями, включая его товарища изгнанника Алиева. Они представили эту проблему так, чтобы Средазбюро или Центральный комитет не смогли ее игнорировать. ОГПУ, тем временем, долго собирало материалы по «узбекизму и росту шовинизма» среди узбекской интеллигенции. … эти подозрения принесли узбекской интеллигенции тяжелые потери».

Эти слова говорят за себя сами и не требуют особых комментариев. Из них следует, что в политических репрессиях, унесших жизни многих сынов узбекского народа, была и рука «таджикских» националистов, заключивших союз со сталинским режимом. Между тем, таджикская интеллигенция не понесла таких потерь. По крайней мере, ни Айни, ни Лохути, ни Шохтемур, ни Алиев, ни Зехни, ни Икроми от репрессий не пострадали. Каждый год 31 августа в узбекский народ отмечает день памяти жертв репрессий, но до сих пор никто ни разу даже не упомянул о том, что многие из них стали жертвами предательской деятельности основателей Таджикской автономии.

Статья основана на богатом документальном материале с привлечением широкого круга научной литературы, касающейся исследуемого вопроса. Тем не менее, среди ссылок я не нашел книги J.Becka (1980) и статей W.Hanaway (1993) и M.Atkin (1993).

Использованная литература

Источники

Байхаки – Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030 – 1041) / Пер. с перс., введение, комментарий и приложения А.К. Арендса. Изд. 2-е, дополн.. М.: Наука, 1969.

Беруни – Абу Райхан Беруни. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб) / Исследование, перевод, примечания и указатели У.И.Каримова / Избр. произв. Т. 4. Ташкент: Фан, 1974.

Бируни – Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений / Пер. с араб. и прим. М.А.Салье // Избр. произв. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

Котов 1623 – Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: ИВЛ, 1958.

Кошгарий – Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девону-луғот ит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М.Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: Фан, 1960 – 1963.

Наршахи – Мухаммад ан-Наршахи. Та'рих-и Бухара. История Бухары. Вступительная статья Д.Ю.Юсуповой. Перевод, комментарии и примечания Ш.С.Камолиддина. Археолого-топографический комментарий Е.Г.Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011.

Никитин 1475 – Хождение за три моря Афанасия Никитина / Издание подготовили Я.С.Лурье и Л.С.Семенов. Л.: Наука ЛО, 1986.

Памятники 1986 – Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI века / Сост. и общая ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева. М.: Худ. лит-ра, 1986.

ас-Саолибий – Абу Мансур ас-Саолибий. Йатимат ад-даҳр фи маҳосин ал-‘аср / Тадқиқ қилувчи, таржимон, изоҳ ва кўрсаткичларни тузувчи И.Абдуллаев. Тошкент: Фан, 1976.

Та’рих-и Систан – Та’рих-и Систан (История Систана) / Перевод, введение и комментарий Л.П.Смирновой (ППВ XLII). М.: Наука, 1974.

Уложение – Уложение Темура / Пер. с перс. Х.Кароматова, под ред. Б.Ахмедова. Предисловие, примечания и комментарии Б.Ахмедова. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства, 1999.

Шомий – Низомиддин Шомий. Зафарнома / Форс тилидан Ю.Ҳакимжонов таржимаси, таржимани қайта ишлаб нашрга тайёрловчи ва масъул муҳаррир А.Ўринбоев. Тошкент: Ўзбекистон, 1996.

Ibn Haukal – Abu’l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi, Opus geographicum / Ed. J.H.Kramers, edition tertia, BGA, pars 2, Lugduni Batavorum: E.J.Brill, 1967.

Mustawfi-i Qazwini – Hamdallah Mustawfi-i Qazwini. The Tarikh-i Guzida or Select History, compiled in A.H. 730 (A.D. 1330) / Ed. by E.G.Browne with indices of the fac-simile text by R.A. Nicholson, vol. 1: Text; vol. 2: Abridged translation and Indices (“E.J.W.Gibb Memorial” Series, vol. XIV, 1-2). Leiden – London: E.J.Brill, 1910, 1913;

Научная литература

Абдуллаев 1984 – Абдуллаев И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X – начала XI вв. Ташкент: Фан, 1984.

Бартольд 1963а – Бартольд В.В. История Туркестана (конспект лекций) // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 109 – 166.

Бартольд 1963 – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. в 9 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963.

Гаффаров 1914, 1927 – Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. В 2-х томах / Под ред. Ф.Е.Корша. СПб., 1914, 1927 (М.: Наука, 1974).

Джумагулов 1971 – Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе: Илим, 1971.

Джумагулов 1982 – Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе: Илим, 1982.

Камолиддин 2008 – Камолиддин Ш.С. К вопросу о происхождении Саманидов // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 15 (2006/2007). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008, p. 39 – 63.

Камолиддин 2009 – Камолиддин Ш.С. Медальон Мансура ибн Нуха // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 16 (2008/2009). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009, p. 113 – 119.

Камолиддин 2002 – Камолиддин Ш.С. К вопросу об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан» // O'zbekiston tarixi, 2002, № 4. С. 61 – 68.

Камолиддин 2007 – Камолиддин Ш.С. Тюрки в Бухарском оазисе в эпоху раннего средневековья // Ўзбекистон этнология-синиг долзарб масалалари. IV Республика илмий-назарий конференция материаллари. Тошкент – Наманган, 2007. С. 67 – 74.

Капранов 1987 – Капранов В.А. Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI – XIX вв. Душанбе: Дониш, 1987.

Кармышева 1976 – Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976.

Крачковская 1952 – Крачковская В.А. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в. // Эпиграфика Востока, вып. 6. М.; Л., 1952. С. 46 – 100.

Литвинский 1992 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии / Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1992.

Миллер 1929 – Миллер Б.В. Таты, их расселение и говоры (Материалы и вопросы) / Известия Общ-ва обследования и изучения Азербайджана, № 8, вып. VII. Баку, 1929.

Наджип 1989 – Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI – XIV вв. М.: Наука, 1989.

Пашино 1868 – Туркестанский край в 1866 году: путевые заметки П.И.Пашино. СПб., 1868.

ПРС – Персидско-русский словарь (свыше 60 тыс. слов), в 2-х томах / Под ред. Ю.А.Рубинчика. Изд. 3-е стереотипное, с

приложением Грамматического очерка персидского языка. М.: Русский язык, 1985.

Радлов 1893, 1899 – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4-х томах (8 частях). СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1893 (т. 1), 1899 (т. 2), 1905 (т. 3), 1911 (т. 4).

Риттер 1874 – Риттер К. Иран. Ч. 1 / Перевел и дополнил Н.В.Ханыков / Землеведение. География стран Азии (Издание ИРГО). СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1874.

Ртвеладзе, Сагдуллаев 2007 – Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. Изд. 2-е, дополненное. Ташкент: Чулпан, 2007.

СТЯ – Словарь таджикского языка (X – начало XX века). В 2-х томах. Около 45 тыс. слов и словосочетаний с приложением арабского ключа. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Ханыков 1866 – Ханыков Н. Записки по этнографии Персии / Пер. с франц. Е.Ф.Рассадиной. М.: Наука 1977.

Ходжайов 1987 – Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент: Фан, 1987.

Ягелло 1910 – Полный персидско-арабско-русский словарь (Составит 1 часть индустанско-русскаго словаря) / Составил полковник И.Д.Ягелло. Ташкент: Электр.-пар. Типо-литография Штаба Туркест. военнаго округа, 1910.

Atkin 1993 – Atkin M. Tajik National Identity // Iranian Studies, vol. 26, 1-2, 1993, p. 151 – 158.

Becka 1980 – Becka J. Sadriddin Ayni. Father of modern Tajik culture. Naples, 1980.

Bosworth 1968 – Bosworth C.E. The Development of Persian culture under the early Ghaznavids // Iran, VI, London, 1968, p. 33 – 44 / Reprinted in: Bosworth C.E. The Medieval history of Iran, Afghanistan and Central Asia. London: Variorum Reprints, 1977, XVIII.

Bosworth 1966 – Bosworth C.E. Mahmud of Ghazna in contemporary eyes and in later Persian literature // Iran, IV, London, 1966, p. 85 – 92 / Reprinted in: Bosworth C.E. The Medieval history of

Iran, Afghanistan and Central Asia. London: Variorum Reprints, 1977, XVI.

Bosworth 1978 – Bosworth C.E. The Interaction of Arabic and Persian literature and culture in the 10th and early 11th centuries // al-Abhāth, XXVII, Beirut, 1978-9, p. 59 – 75 / Reprinted in: Bosworth C.E. Medieval Arabic cultures and Administration. London: Variorum Reprints, 1982, VIII.

Bosworth 1962 – Bosworth C.E. The Titulature of the early Ghaznavids // Oriens XV, 1962, p. 210 – 233 / Reprinted in: Bosworth C.E. The Medieval History of Iran, Afghanistan and Central Asia. London: Variorum Reprints, 1977, X.

Dehkhoda 1998 – Dehkhoda A. (1878 – 1955) Loghatname (Encyclopedic Dictionary) / Ed. Mohammad Mo'in and Ja'far Shahidi, I – XVI volumes. Tehran: Tehran University Publications, 1998.

Frye 1967 – Frye R. Development of Persian Literature under the Samanids and Qarakhanids // Yadnama-ye Jan Rypka, Prague, 1967, p. 69 – 74 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries). London: Variorum Reprints, 1979, XXIII.

Hanaway 1993 – Hanaway W. Iranian Identity // Iranian Studies, vol. 26, 1-2, 1993, p. 147 – 150.

Kamoliddin 2011 – Shamsiddin Kamoliddin. On the Origins of the Place-name Buxārā // International Journal of Eurasian Studies (China) / Ed. YU Taishan and LI Jinxiu, Beijing, 2011, 1, p. 348 – 358.

Krippes 1991 – Krippes K. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians // CAJ, vol. 35, 1991, p. 67 – 80.

Mann 1909 – Oscar Mann. Die Tājîk Mundarten der Provinz Fārs / Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. 1. Berlin, 1909.

Vullers 1855 – Ioannis Augusti Vullers. Lexicon Persico-Latinum etymologicum cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum… t. I – II. Bonnae ad Rhenum: Impensis Adolphi Marci, 1855, 1864.

Zenker 1866 – Jules Théodore Zenker. Dictionnaire Turc-Arabe-Persan. Tome I – II. Leipzig: Wilhelm Engelmann, Libraire-Éditeur 1866.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

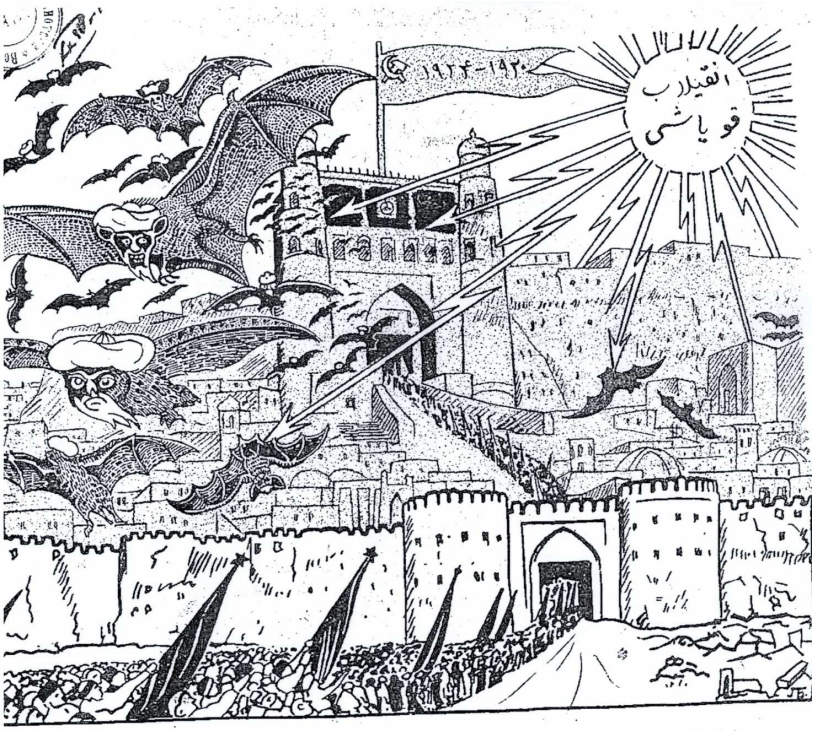
АН – Академия наук
АО – Автономная область
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
БКП – Бухарская Коммунистическая партия
БНСР – Бухарская Народная Советская Республика
ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК – Всесоюзный Центральный испольнительный комитет
ГагТ – Государственный архив города Ташкента
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ИООФС – Институт «Открытое общество» – Фонд содействия
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество
КПТ – Коммунистическая партия Туркестана
КПУз – Коммунистическая партия Узбекистана
КССР – Казахская Советская Социалистическая Республика
ЛО – Ленинградское отделение
ОГПУ – Объединенное Государственное политическое управление
ППВ – Памятники письменности Востока
ПРС – Персидско-русский словарь
РАН – Российская Академия наук
РГАСПИ – Российский Государственный архив социально-политической истории
РКП (б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУз – Республика Узбекистан
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СТЯ – Словарь таджикского языка
США – Соединенные штаты Америки
ТошДШИ – Тошкент Давлат Шарқшунослик институти
ТССР – Туркестанская Советская Социалистическая Республика

ТурЦИК – Туркестанский Центральный исполнительный комитет
УзССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика
УзЦИК – Узбекистанский Центральный исполнительный комитет
ЦГА – Центральный Государственный архив
ЦК – Центральный комитет
ЦСУ – Центральное статистическое управление

BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum
CAJ – Central Asiatic Journal
LAP – Lambert Academic Publishing
MA – Massachusets
USA – United States of America
USSR – Union of the Soviet Socialistic Republics

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

к статье А.Халида «Становление Узбекистана»

بوخاراده انقیلاب قویاشی چققاندا، استبداد کور شهپله‌کلری یاروغلقفا چیدا آلمای نارقالیشلرلار

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Adeeb Khalid (akhalid@carleton.edu) – профессор азиатских исследований и истории в Carleton College (Northfield, Minnesota, USA). Выпускник университета McGill University, Montreal, 1986 (B.A.) и университета Wisconsin-Madison, 1988 (M.A.). Защитил диссертацию в университете Wisconsin-Madison, 1993 (Ph.D.).

Автор книг «Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR» (Ithaca: Cornell University Press, 2015), «Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia» (Berkeley: University of California Press, 2007), «The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia» (Berkeley: University of California Press, 1998).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ……. 5

IX Адиб Халид. Становление Узбекистана ……. 7

XVI Адиб Халид. Таджики как остаточная категория ….. 57

XX Ш.С.Камолиддин. Adeeb Khalid. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2015 …….. 95

Ш.С.Камолиддин. Комментарий к статье «Становление Узбекистана» …… 203

Ш.С.Камолиддин. Комментарий к статье «Таджики как остаточная категория» ……. 223

Условные сокращения ……. 240

Иллюстрация ……. 242

Сведения об авторе …….. 243